

СЛА

№

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК



СЛАВЯНО ·

· ВЕДЕНИЕ



2004



«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК



СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН



2004

СЕНТЯБРЬ •

ОКТАБРЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Виноградов В.Н.</i> (Москва). Южные славяне: от статуса турецкой райи к возрождению государственности	3
<i>Жуковская Н.В.</i> (Воронеж). Балканы во внешней политике США в первой четверти XX века	14
<i>Чуркина И.В.</i> (Москва). Даворин Хостник – лингвист, публицист и педагог	29
<i>Косик В.И.</i> (Москва). Лица без национальности: мусульмане в Боснии и Герцеговине. 1919–1944 годы	49
<i>Исаева О.Н.</i> (Саратов). Некоторые проблемы македонистики	66

СООБЩЕНИЯ

<i>Бутузов А.Г.</i> (Москва). О географии русских на Балканах в XX веке	77
<i>Белова О.В., Петрухин В.Я.</i> (Москва). Обзор новых изданий по славянскому язычеству и мифологии	85

ПУБЛИКАЦИЯ

<i>Фрейдзон В.И.</i> (Москва). Л. Березин. Путешествие по Хорватии и Военной границе (1863 год)	93
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Ненашева З.С.</i> Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в.	104
<i>Калинин А.Ю.</i> S. Botica. Andrija Kačić Miošić	110
<i>Якушкина Е.И.</i> А.А. Плотникова. Этнолингвистическая география Южной Славии	113

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Чуркина И.В. Даворин Хостник между Словенией и Россией (Российско-словенский симпозиум).....	117
В диссертационном совете Института славяноведения РАН.....	120
Фонд по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова). Условия конкурса.....	121

ЮБИЛЕИ

К юбилею Юрия Степановича Новопашина	123
К юбилею Андрея Николаевича Горяинова	124

НЕКРОЛОГ

Памяти Тамары Федоровны Федосовой (1924–2004)	126
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.К. ВОЛКОВ (главный редактор),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
М.А. РОБИНСОН (зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.В. Болдов (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru



© 2004 г. В.Н. ВИНОГРАДОВ

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ: ОТ СТАТУСА ТУРЕЦКОЙ РАЙИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Опустившийся на земли южных славян в XIV ст. мрак стал рассеиваться лишь в XVIII в., до того прозябание под крышей Османской империи представлялось вечным. Луч надежды мелькнул в ходе противоборства с нею Священной лиги (Австрия, Польша, Россия и Венеция) в войне, тянувшейся 17 лет (1683–1699). Впервые после крестовых походов на сербские территории вступили войска Габсбургов. Роли переменялись: Высокая Порты из стороны агрессивно-наступательной превратилась в сторону обороняющуюся под натиском христианского мира. Нельзя, конечно, упрощать этот процесс, он знал и отливы, не раз маятник успеха перемещался в турецком направлении. В 1690 г. вслед за отходившими войсками цесаря Священной Римской империи состоялся великий исход сербов во главе с патриархом Арсением Черноевичем. И в Старую Сербию, колыбель средневековой государственности и очаг культуры народа, потянулись албанские переселенцы. На карте Балканского полуострова появилась болевая точка, кровоточащая поныне, край утерл прежнее название, его именуют Косовым, и из него изгоняются остатки коренного сербского населения. В своих последних кампаниях 1716–1719 гг. прославленный полководец Евгений Савойский присоединил к Австрии значительную часть сербских земель, включая Белград и Олтению (Западную Валахию). Через двадцать лет его незадачливые преемники потеряли и то, и другое. Петр I в трагическом Прутском походе 1711 г. с трудом вырвался из сжимавшего его кольца турецких войск и крымской конницы, потерял 27 тыс. солдат и офицеров и отказался от крепости Азов. На балканскую почву российские солдаты вступили только через 62 года. Несмотря на переживаемый кризис Османская империя оставалась государством, обладавшим мощным военным потенциалом. Освободиться от его владычества, опираясь на свои силы, южнославянские народы не могли и думать, даже в сотрудничестве с греками, молдаванами и валахами.

Для России в послепетровское время южное направление внешней политики стало приоритетным. Сложилось аномальное положение: на севере крестьянин обрабатывал скудную подзолистую и суглинистую почву, собирая убогий урожай, а на юге нетронутыми лежали сказочно плодородные чернозем-

ные земли, манившие пахаря. В век Просвещения московское правительство занималось сооружением засечных черт, оберегая рубежи от набегов степных хищников. Хозяйственное освоение этих земель, прорыв к открытому морю через Босфор и Дарданеллы стали исторической неизбежностью. Чуть не половина страны по линии Смоленск – Воронеж тяготела к экспорту через Средиземное море. Противоборство с Турцией выступало поэтому как логически созревшее и обоснованное. Государственный интерес в сознании россиян подкреплялся давними традициями борьбы с “басурманами” и православной общности с населением Балкан. Но неудача Прутского похода побуждала к осторожности и осмотрительности в подходе к решению задачи. Руководитель Коллегии иностранных дел А.И. Остерман обосновывал в 1726 г. необходимость заключения союза с Австрией общностью интересов двух монархий в наступлении на Турцию: Габсбурги – давние недруги османов, даже в коронационной клятве императоров Священной Римской империи германской нации есть фраза о борьбе с “неверными” [1. Р. 110].

Но даже объединенных сил двух монархий нехватило для того, чтобы одолеть турок в войне 1735–1739 гг. Она закончилась для Петербурга малорезультативно. Вене же пришлось расстаться с завоеваниями Евгения Савойского в Сербии и Валахии. Да и союз с домом Габсбургов ко времени правления Екатерины II приказал долго жить. Австрия считала Юго-Восточную Европу сферой своего влияния и появления российских войск в устье Дуная опасалась. Венский и Петербургский дворы придерживались диаметрально противоположных концепций в отношении судеб Балкан. Австрия стремилась к прямой аннексии завоеванных территорий. Иначе строило свои отношения с балканскими народами российское самодержавие. Знакомство с бумагами Петра I и Екатерины II убеждает, что захват балканских земель в их планы не входил, оба разделяли мысль о территориальной насыщенности России. Царь свидетельствовал в манифесте 1711 г., обращенном к “турецким христианам”: “В сей войне никакого властолюбия и распространения областей своих не желаем, ибо и своих древних и от неприятелей своих завоеванных земель, и городов, и сокровищ по Божьей милости предостаточно имеем...” [2. С. 9–10]. Екатерина размышляла в циркулярной депеше от 13 ноября 1763 г., т.е. в документе сугубо доверительного свойства: “Намерения нашего никогда не было, да и нет в том нужды, чтобы стараться о расширении империи нашей, она и без того пространством своим составляет нарочитую часть земного круга” [3. С. 226–227]. Уже Петр строил планы возрождения христианских государств в Юго-Восточной Европе под покровительством своей короны. При Екатерине подобные замыслы обрели более четкие черты. Правда, ее Греческий проект (1782), предусматривавший образование Дакийского (Румынского) государства и Греческой империи, не имел практической ценности, ибо ни в коей мере не соответствовал реальной обстановке. Документ интересен, однако, как этап в разработке балканской стратегии России. О степени тогдашней неосведомленности Г.А. Потемкина, А.А. Безбородко и самой Екатерины, разрабатывавших проект, в сложной этнической конфигурации на полуострове свидетельствовал тот факт, что о славянах в проекте вообще не упоминается, идея славянской взаимности еще не проникла в русское сознание, в нем господствовала мысль о православной солидарности.

Проект зарос травой забвения, но мысль продолжала биться, появлялись все новые и новые проекты обустройства Балкан уже по строго этническо-

му признаку, в начале XIX в. к сочинению оных приложили руку молодые друзья Александра I – В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, А.А. Чарторыйский, пользовавшиеся советами славянских просветителей, в том числе Досифея Обрадовича. Поиски методов и форм освобождения стали неотъемлемой частью идеологического багажа национального движения южных славян.

Австро-российское сотрудничество вошло в полосу кризиса еще в 70-е годы XVIII ст. Кайзер Иосиф II пытался открыто воспротивиться прорыву России за Дунай, но потерпел в том полный конфуз. Война 1768–1774 гг. увенчалась триумфальным для России Кючук-Кайнарджийским миром, предоставившим отечественной дипломатии право выступать в пользу южных славян и других балканских народов. Иосиф II решил круто повернуть фронт и перейти к сотрудничеству с Екатериной в надежде заполучить долю в “турецком наследстве”, что выразилось в австрийском участии в войне 1787–1791 гг. Этот внешнеполитический зигзаг завел Вену в тупик: под градом внутренних неурядиц и внешних осложнений (угроза войны с Пруссией и фантом Французской революции) брат и наследник скончавшегося Иосифа Леопольд II пошел на сепаратный мир с Высокой Портой на условиях *status quo ante bellum*. После этого естественным стал переход Австрии на позиции поддержки целостности владений и незыблемости власти султанской державы в Юго-Восточной Европе, иными словами – оберегания Османской империи от российских поползновений. Той же позиции придерживалась Великобритания, считавшая обитателя сераля стражем Черноморских проливов от прорыва российского флота на просторы открытого океана. Франция традиционно числилась другом и покровителем падишаха. Пруссия пока что проявляла мало интереса к тому, что творилось в Константинополе. На балканском фронте Россия осталась одна как защитница южных славян против всех.

Стратегический курс самодержавия отличался завидным постоянством, но в его практическом претворении в жизнь приливы чередовались с отливами в зависимости от ситуации в Европе, в регионе и в самой России. При Петре и Екатерине I он отличался завидным динамизмом, исчезнувшим во время бирюзовщины. В царствование Елизаветы Петровны центр внимания переместился на запад, где бушевали войны за Австрийское наследство, потом Семилетняя война, и балканское направление на какой-то период утратило свой приоритет.

Австро-российские противоречия прямо и мощно повлияли на судьбы “турецких христиан”, и прежде всего сербского народа, обитавшего в контактной с габсбургскими владениями зоне. Великий исход 1690 г. привел к тому, что масса переселенцев оказалась в хозяйственном и духовном ареале Центральной Европы, несравненно более развитой, нежели Турция. Их связи с соплеменниками за Савой никогда не прерывались. Образовались два центра сербизма, народ в двух государствах жил единой духовной жизнью, не распался на две ветви, постепенно расходящиеся друг с другом. И австрийская зона расселения стала важнейшим очагом общесербского возрождения.

Иная ситуация сложилась на болгарских землях, располагавшихся вблизи жизненных центров Османской империи, что побуждало власти следить с пристальным вниманием за состоянием умов и жестоко пресекать малейшие проявления недовольства. Российские солдаты появились за Дунаем лишь в 1773 г. и пробыли недолго. С другой стороны, эти же районы обладали постоянным и емким рынком сбыта сельскохозяйственной продукции и ремесленных изде-

лий в Стамбул и для нужд армии, что способствовало их хозяйственному развитию, опережающему по сравнению с этнически турецкими территориями. Духовные связи болгар с Москвией–Россией не прерывались с крещения Руси, из Болгарии в нашу страну пришло христианство. Ориентация на Россию была здесь односторонней.

Третий случай – Черногория – маленькая страна с племенным строем, примитивным земледелием и поголовно вооруженным населением, отчаянно и успешно отстаивавшим свою самостоятельность. Турецкие войска много раз врываются в тесные пределы Монтенегро, но установить там власть так и не смогли. Православие служило духовным знаменем черногорцев, а митрополит возглавлял страну и как религиозный, и как светский владыка. По соседству, на побережье Адриатики, располагались венецианские владения с католическим населением и агрессивно настроенной римской церковью. Австрийский вариант “освобождения” с присоединением к владениям Габсбургов черногорцам не подходил. Опору в своей вечной борьбе с Высокой Портой они видели в России, героя – в Петре I, с которым они вступили в отношения союза и покровительства.

И в сербском народе престиж Габсбургской державы на протяжении XVIII ст. падал. Из трех войн с Высокой Портой две она проиграла и в обоих случаях бросила своих сербских союзников на произвол судьбы. Особенно болезненно воспринималась драма 1791 г., когда кайзер Леопольд пошел на замирение, оставив сербские добровольческие части, так называемый фрайкор, на расправу туркам. В 1718–1739 гг. жители немалой части Сербии, включая Белград, находясь под властью австрийской короны, познали тяжесть налогов, изоциренность императорской администрации и поползновения католической церкви на православие. Все это походило не на освобождение, а на оккупацию, и способствовало переориентации сербского национального движения на Россию.

Возрожденческие процессы у южных славян имели свою специфику. Европейский Ренессанс вдохновлялся светлыми образами античной культуры и стремился вырвать общество из тьмы средневековья. Славянство во времена Древнего Рима пребывало в племенном состоянии. Но в памяти народной сохранились воспоминания о королевстве Неманей в Сербии, о двух Болгарских царствах, бросавших вызов Византийской империи. Контраст с жалким настоящим был потрясающим и звал к борьбе за возрождение государственности с опорой на Россию.

Растянувшееся на многие годы противоборство с революционной и наполеоновской Францией смешало все карты в балканской колоде держав. Россия, Великобритания, Австрия, а на определенном этапе даже Турция выступали в союзе; противоречия между ними, разумеется, не исчезли, но отошли на второй план. Благоразумие побуждало считаться с интересами союзников, избегать обострения отношений с ними, откладывать разрешение разногласий “на потом”. Раскачивать османскую ладью и поощрять мятежные настроения “турецких христиан” не годилось. В российской корреспонденции с южными славянами появились осторожные формулировки: “мы не перестанем принимать участие в жребии вашем, поколику положение наше позволит” [4. С. 377].

В феврале 1804 г. вспыхнуло знаменитое сербское восстание, первоначально – против вопиющих даже по турецким меркам вымогательств янычарских военачальников, переросшее в выступление против всей системы османского господства. Международная обстановка ему не способствовала, никаких “под-

стрекательств” из-за рубежа не отмечалось, и тем не менее инсургенты добились немалых успехов. Их шансы поднялись с началом в 1806 г. очередной русско-турецкой войны. Впервые тогда отечественная дипломатия вместе с вождями восстания занялась выработкой планов будущего государственного устройства Сербии. Но война со стороны России происходила вялотекущая, силы и внимание были прикованы к западу с его непрекращавшимися катаклизмами. А у сербов от удач слегка закружилась голова, они отвергли умеренный, компромиссный с Турцией так называемый Ичков мир.

По Бухарестскому трактату 1812 г. М.И. Кутузов выхлопотал для Сербии внутреннее самоуправление. Однако Высокая Порта данное и некоторые его другие условия саботировала. Попытка сербов решить свои дела самостоятельно не провалилась. Их второе восстание (1815–1817) было потоплено в крови.

Россия ограничивалась дипломатическим содействием: после бедствий и опустошений, сопровождавших войну 1812 г., страна нуждалась в передышке; император занялся строительством Священного союза легитимных монархов; помогать повстанцам, выступавшим против династии Османов, насчитывавшей 500 лет правления, было как-то не с руки.

В 1816 г. в Стамбул прибыл новый посланник, барон Г.А. Строганов. Десять лет он бился как рыба об лед, пытаясь побудить турок к выполнению статьи Бухарестского мира о предоставлении сербам самоуправления и некоторых других, но тщетно. Понадобилась еще одна, восьмая по счету русско-турецкая война 1828–1829 гг., чтобы воплотить сербскую автономию в жизнь.

Адрианопольский мир открыл новую эпоху в истории Балкан. Родилось независимое Греческое королевство, была расширена и укреплена автономия Молдавии и Валахии. Маленькое Сербское княжество явилось очагом возрожденной государственности народа. И на болгарских землях, оставшихся в стороне от этого процесса, произошли сдвиги большого социального значения; исчезло крупное турецкое землевладение, помещиков славянского рода не появилось, такая консервативная общественная сила, как дворянство, сковывающая прогресс, отсутствовала.

1853 год. Крымская война. И поныне бытует представление, что ее вызвал спор о Святых местах, о праве православного и католического духовенства служить в почитаемых храмах Палестины. Сокрытию истины не в малой степени способствовали неуклюжие маневры и вызывающее поведение чрезвычайного посла царя Николая I в Стамбуле, князя А.С. Меншикова. На самом деле вопрос о богослужении удалось разрешить полюбовно, и Меншиков сообщал: “Дело о Святых местах соглашено между французским послом, Портою и мною, нужные для этого фирманы изготовляются” [5. Т. 1. С. 396]. Акции самодержавия в Османской империи стремительно катились вниз в предшествовавшие 15 лет, отсталая крепостническая страна ничего не могла противопоставить Западу с его обширным рынком, неограниченными кредитными возможностями и соблазнительным в глазах турецких реформаторов конституционным строем. Право на покровительство христианским народам оставалось последней цитаделью царского влияния, его-то и пытался Николай I удержать. По сути дела речь шла о подтверждении тех условий Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., которые составляли квинт-эссенцию российско-турецких отношений. Вот формулировка так называемой Венской ноты, с которой соглашался Николай, но не Высокая Порта: “Если во все времена императоры России проявляли деятельную заботу о сохранении иммунитетов и

привилегий греческой православной церкви в Османской империи, то султаны никогда не отказывались подтверждать их торжественными актами...” [5. Т. 2. С. 525]. Великий везир Мустафа Решид-паша, с британской подсказки, вычеркнул всякое упоминание об обязанности Порты перед миром соблюдать права православных. Императору Николаю Павловичу оставалось либо смириться с капитуляцией, либо решиться на безнадежную войну, так как одолеть коалицию Великобритании, Франции и Турции было невозможно. Царь предпочел последнее.

Война со стороны союзников представляется исторически бессмысленной. В итоге они навязали России запрет на содержание военного флота в Черном море. Но ни одна уважающая себя держава не может отказаться от права на защиту своих берегов, от обеспечения безопасности своих границ. Державы потребовали от султана установить в Турции равноправие христиан с мусульманами, что было заранее обречено на провал, ибо против выступала темная мусульманская масса, фанатичное духовенство, своевольничавшие правители на местах, а христианские народы рвались из османской темницы к самостоятельной жизни. Крымская система поэтому стала давать трещины немедленно после подписания Парижского договора 1856 г. и развалилась совершенно за 15 лет. Христианские народы, хоть и медленно, наращивали права, российская дипломатия им в том содействовала под искусным руководством князя А.М. Горчакова, который стремился превратить Парижский договор в орудие саморазрушения, настаивая на исполнении его пагубных для Османской империи положений, в которых говорилось о правовом положении христиан. Разветвленная консульская сеть ему усердно в том помогала – сошлюсь на мнение авторитетной английской газеты “The Morning Post” о ведомстве Горчакова: “Российская дипломатия смела и проницательна. Она направляется из прозорливого центра и оформляется пером мастера. Мы узнаем от нее лишь то, что, по ее мнению, нам надлежит усвоить” [6].

В сотрудничестве с союзником-попутчиком Луи-Наполеоном Бонапартом удалось добиться известных сдвигов к лучшему в положении всех южнославянских народов. Хотя серия черногорских восстаний и осталась безрезультатной, удалось навязать Высокой Порте разграничение с княжеством – а ведь границы проводятся между государствами, а не внутри государств.

Важные шаги на пути укрепления автономии проделала Сербия. Скупщина приняла решение о создании народного войска, энергичный князь Михаил Обренович, опираясь на поддержку России, добился вывода турецких войск из крепостей на сербской территории, в том числе твердыни Калимегдан в центре Белграда. Он же явился инициатором образования Балканского союза Сербии, Черногории и Греции (при сочувственном отношении Румынии) 1866–1868 гг. с целью свержения турецкой власти. На пути сотрудничества обозначились и тернии: черногорский князь Николай мечтал после смерти бездетного Михаила Обреновича заполучить и сербскую корону, сербы же подумывали о слиянии двух государств под своей эгидой. Проявились сербско-греческие разногласия, стороны не смогли договориться о предстоящем разделе македонских земель; об интересах болгар в этой области забыли совершенно. Так обозначилось то, что позднее стало кошмаром межбалканских отношений, сталкивающиеся претензии на одни и те же земли. Вооруженные силы союзников явно не отвечали поставленной задаче. Российская военная миссия, тайно посетившая Сербию, вернулась домой в состоянии, близком к шоку от все-

го увиденного: план операции отсутствовал, ощущалась нехватка в подготовленных офицерских кадрах, медицинской службы не существовало, обозы не были сформированы, в кавалерии не хватало лошадей. После убийства в 1868 г. князя Михаила союз распался и остался в памяти как первая серьезная попытка объединения антиосманских сил.

Гайдуцкая тактика в Болгарии вступила в полосу кризиса. Турецкие каратели сравнительно быстро расправлялись с отрядами смельчаков. И болгары перешли к иной форме борьбы, облекши национальные цели в религиозную оболочку. Болгария не имела автокефальной церкви и напрямую подчинялась константинопольскому патриарху, не только в церкви, но и в школьном деле наблюдалось засилие греков. В 1856 г. болгарская община Константинополя обратилась к султану с петицией об образовании самостоятельной церкви. понадобилось 14 лет упорной борьбы, чтобы вырвать у падишаха ферман о создании болгарского экзархата. А под контурами экзархата зримо проступали черты возрождаемой государственности болгарского народа.

Весь накопленный “после Крыма” опыт свидетельствовал: локальные выступления обречены на неудачу и могут принести лишь страдания. Однако дозированное улучшение ситуации мало кого удовлетворяло на Балканах, раздававшиеся из Петербурга призывы – набраться терпения и подождать – отклика не встречали.

Гроза 1875 г. застала российское правительство врасплох. Все происходило, как в ужасном сновидении: восстания в Боснии и Герцеговине; в Болгарии – и его чудовищно-жестокое подавление; вступление в войну с Турцией Черногории и Сербии и разгром последней. Два года российская дипломатия предпринимала сверхчеловеческие усилия, чтобы добиться проведения серьезных реформ, – и полная неудача. Надвигалась десятая по счету война с Турцией. Александр II, канцлер А.М. Горчаков, сановники старшего поколения не изжили синдром Крымской войны. Министр финансов М.Х. Рейтерн запросился в отставку: после Севастополя Россия погрузилась в финансовую яму, из которой вылезла 15 лет, а тут – угроза нового дефолта. Опытный Горчаков сознавал, что победа не только не приведет к упрочению позиций официальной России на Балканах, а увенчается их ослаблением. Он писал (1866): “Что укрепляет наше традиционное влияние на Востоке, так это ненависть к туркам. Будучи освобождены, христиане последуют дорогой своих материальных интересов”. Балканы – плодородная сельскохозяйственная зона, кровно заинтересованная в сбыте продукции своего земледелия. Но не в Россию же, выступавшую в роли экспортера не партнером, а конкурентом балканского региона.

Светлейший князь рано уловил еще слабо проступавшие признаки будущего территориального соперничества в Юго-Восточной Европе: здешним малым странам “угрожает внутренняя анархия, внешнее соперничество, открывающее поле для иностранного влияния” [7]. К такому же выводу пришел убежденный оппонент Горчакова Федор Михайлович Достоевский: “Хоть и дико сказать, но четырехвековой гнет турок на Востоке был даже полезен христианству и православию, отрицательно, конечно, но однако же способствуя его укреплению и, главное, его единству...” [8. С. 67].

Существовало нечто, о чем царский министр Горчаков умалчивал в своих официальных бумагах, но что как дипломат-практик ощущал: приходившие к власти в нарождавшихся государствах социальные силы в поклонниках самодержавия не состояли; напротив, они с антипатией относились к продолжав-

шему оставаться, несмотря на реформы, консервативным и лишенным всякого намека на парламентаризм и демократию режиму в России. Образец для подражания они искали на западе, а не на востоке.

В формулу Н.Я. Данилевского о всеокрушающей силе идеи славянской солидарности [9. С. 309, 327–330] Горчаков не верил. Предстояла тяжелейшая война, и даже в случае успеха – подрыв позиций на Балканах по причине отсутствия там в дальнейшем потребности в услугах официального Петербурга.

Но все сомнения, опасения, страхи оппонентов или, как их именовал Достоевский, “недочеловеков” и “самооплевывателей” были сметены валом народной солидарности с южными славянами.

Победоносная война завершилась двумя трактатами – прелиминарным, Сан-Стефанским, и окончательным, Берлинским. Традиционно отечественная историография дает первому высокую оценку, а второму – резко-критическую, как навязанному России под угрозой столкновения с Великобританией, Австро-Венгрией и Турцией. С высоты Сан-Стефано подписанный в германской столице документ воспринимается как крупное поражение России, как учиненные над нею дипломатические Канны.

Критическая нотка в отношении Сан-Стефано прозвучала в первом томе авторитетного издания “Очерки истории Министерства иностранных дел России”: “Договор был прохладно встречен в Сербии, претендовавшей на большее расширение территории, и в Румынии...” [10. С. 386]. Ценно в этом высказывании то, что поднят кардинальный вопрос, ранее игнорировавшийся исследователями, об отношении к трактату других, помимо Болгарии, балканских государств. И все же суть вопроса выражена в приведенном высказывании чересчур осторожно, ибо реакция на Сан-Стефано и в Белграде, и в Бухаресте и, добавим мы, в Афинах была не прохладной, а очень даже горячей, – в смысле протестов.

Еще по ходу войны подтвердилось предположение Горчакова – по мере обретения самостоятельности балканские народы последуют дорогой своих материальных интересов. Эта констатация делается здесь без тени упрека или осуждения, международные отношения – область холодного рассудка, а не горячих чувств. В 1877 г. российская дипломатия восемь раз предлагала князю Милану Обреновичу вступить в войну, прежде чем он откликнулся на призыв. Притом сербское командование действовало не по общему плану, а по своему, стремясь занять те земли, которые предполагалось присоединить к стране. Греки осторожничали еще больше и выступили в поход накануне перемирия, что вызвало насмешливую телеграмму Александра II королю Георгу: “Я могу только сожалеть, что ваше величество, объявляя войну Турции, избрали тот момент, когда я подписываю с ней мир” [11. С. 71; 12. С. 389].

Полковник Катарджи, лицо влиятельное, дядя княгини Натальи, вел в ставке главнокомандующего ожесточенные споры с Н.П. Игнатьевым, настаивая на удовлетворении всех сербских претензий, включая присоединение к ней Боснии, что выходило за рамки возможного. Черногорцы претендовали на часть Косова до реки Дрина, западную Герцеговину до реки Наранта и албанский Шкодер (Скутари) [11. С. 70; 13. С. 469–472]. Николай Павлович явно не сознавал всей остроты создавшейся ситуации и после запальчивых дискуссий телеграфировал Горчакову: “Обоим княжествам, судьба коих уже решена нами и Турцией, нужно только благодарить могущественную и щедрую руку,

которой они обязаны своим существованием и, если Бог этого захочет, своим процветанием” [14. С. 524].

И тут в пору вспомнить истину, которую изрек О. Бисмарк: “Освобожденные народы не благодарны, а требовательны, и я думаю, что в нынешнее реалистическое время русская политика будет руководствоваться в восточных делах соображениями более технического, нежели фантастического свойства” [15. С. 244].

Таким образом, Сан-Стефанский договор был встречен в штыки в Белграде, Афинах и Бухаресте. Посланник в Греции П.А. Сабуров доносил: в столице происходят “демонстрации неистовой злобы”, общество пришло в состояние “массового психоза”.

Предприимчивые румыны не ограничились протестами, а передислоцировали войска в Олтению, гористую западную часть страны, чтобы, в случае вступления в войну Великобритании и Австро-Венгрии, присоединиться к ним и ударить в тыл российской армии (или, по словам Н. Йорги, “для столкновения с нашим все еще союзником”).

Для сербов, говорится в недавно вышедшей “Истории сербского народа”, Сан-Стефанский договор явился “непостижимой неправдой”. Рухнули надежды на объединение со “славянской Эльзас – Лотарингией”, Боснией – Герцеговиной. “Россия из великой защитницы тотчас же превратилась в злую мачеху, от которой ждать нечего”. “Протесты против договора и позиции, занятой Россией в отношении Сербии, слышались повсюду, хотя правительство полицейскими мерами и надзором за печатью помешало им перерасти в антирусскую компанию” [16].

В Берлин в июне 1878 г. прибыли представители Сербии, Греции, Румынии, албанцы и делегаты от повстанцев Боснии и Герцеговины, и все с возражениями против не устраивавших их положений Сан-Стефанского договора, который они считали односторонне благоприятным для Болгарии. Их претензии сталкивались, просматривались узлы противоречий и столкновения интересов в Македонии, Косове, Албании. По словам Э. Кофоса, хотя греческий голос на конгрессе “звучал шопотом”, он был услышан и повлиял на оставление Македонии в составе Османской империи [17. Р. 46].

В самой Македонии происходили столкновения между славянскими и греческими четами, и заводилами выступали греки. Белград демонстрировал свое недовольство в обидной, если не сказать оскорбительной, для российской стороны форме: в торжествах по случаю обретения независимости, в речах и молебнах о России вообще не упоминалось, хотя она была весьма и весьма причастна к этому великому свершению, консула Персиани “забыли” пригласить на службу в собор. Потрясенный дипломат в своем донесении в Петербург счел всю эту малосимпатичную демонстрацию “афишированием неблагодарности” [18. С. 1].

Позволительно задать вопрос: а можно ли считать неким эталоном мирного урегулирования трактат, не удовлетворявший сербов, греков, румын и албанцев? Мог ли он стать сколько-нибудь прочной основой для водворения мира в беспокойном регионе? За прошедшие с тех пор век с четвертью ни разу не возникало ситуации, способствующей урегулированию на условиях Сан-Стефано. И мыслимо ли было вообще изыскать удовлетворявшее всех решение при чересполосице в расселении этносов и взаимоисключающих претензиях на одни и те же земли? Отыскать подобного урегулирования не удалось

по сию пору. Бухарестский мир 1913 г. перессорил Болгарию с ее соседями, Версальская система договоров углубила разногласия, Парижское урегулирование 1947 г. сохранило на Балканах многочисленные болевые точки.

Из всего вышесказанного, как представляется, следует сделать вывод: подводить итоги Восточного кризиса, оценивать результаты войны 1877–1879 гг. следует, исходя из прямого сравнения: что было до, и что стало после. И эти результаты, несмотря на учиненную в Берлине диверсию, выглядят впечатляюще.

Мы далеки от того, чтобы превозносить подписанный трактат. Он оставил зияющие раны на теле Балкан – оккупацию Боснии и Герцеговины, сохранение в составе Османской империи Македонии и Фракии, обозначившееся соперничество независимых государств, наложившееся на противоборство великих держав в регионе. Все остались недовольны, ибо хотели достичь всего, и притом сразу, а в истории так не бывает. Удовлетворить сталкивающиеся претензии самодержавие не могло, даже если бы захотело: потери убитыми, ранеными, искалеченными, замерзшими в войне за освобождение южных славян составили 250 тыс. человек [19. С. 179]; казна была опустошена, страна погрузилась в омут долгов; идти на схватку с коалицией Великобритания – Австро-Венгрия – Турция значило ставить под угрозу существование России как великой державы.

На конгрессе российской делегации удалось сохранить сердцевину Сан-Стефанских решений. В отношении Балкан это – международное признание государственной независимости Сербии, Черногории и Румынии, о чем до 1875 г. грезились разве что в дерзновенных мечтах. В ответ на предпринимавшиеся по дипломатической линии зондажи во всех столицах, за исключением Петербурга, раздавалось твердое и бескомпромиссное “нет”. Показательна сама форма, в которую облекла свой отказ настойчивым румынам Высокая Порта: она заявила, что не намерена вступать в переговоры с “администрацией привилегированной провинции” (ибо таковой Румыния являлась по турецкой конституции 1876 г.), так как занята “более важными вещами” [20. Р. 313].

Так было “до Берлина”. Конгресс был вынужден санкционировать смену вех в истории Юго-Восточной Европы, признать независимый статус трех балканских стран. После 500-летнего небытия возродилась государственность болгарского народа. Противоестественный раздел Болгарии на две части не выдержал испытания временем и рухнул через семь лет. Да, конгресс оставил на теле Балкан кровоточащие раны. Новообразования подвергались натиску со всех сторон, Германия при поддержке Австро-Венгрии проводила энергичную политику “Дранг нах Зюд-Остен”. Да, во всех балканских странах отмечалась та или иная степень иностранного влияния, иногда весьма значительная. Но до стадии подчинения это влияние не доходило. Сербия, Болгария и Черногория доказали свою государственную жизнеспособность, которую они продемонстрировали на поле боя в 1912 г., когда их коалиция плюс Греция наголову разгромила армию некогда грозной Османской империи.

Но сбылось и мрачное предсказание канцлера А.М. Горчакова. После Берлина сербский князь Милан Обренович пошел на сближение с Веной, подчинив ей свою внешнюю политику. Румыны в жажде реванша вступили в антироссийский Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии. Отношения с Болгарией не без влияния менторских замашек царя Александра III и топота генеральских сапог в Софии дошли до разрыва дипломатических отно-

шений. А россияне могли убедиться, что такие добродетели, как великодушие и бескорыстие, хороши в частной жизни, но в компоненте международной жизни не значатся.

В России общественное мнение долго не могло успокоиться, предавая анафеме Берлинский трактат. Карьера дипломатов, к нему причастных, оборвалась. Славянофилы строили планы утверждения в Проливах и образования славянской федерации с центром в Константинополе [21]. Из лагеря либералов раздавались одинокие протестующие голоса. Известный социолог и публицист Б.Н. Чичерин сочинил записку “Берлинский конгресс перед русским общественным мнением”, но опубликовать ее не решился. Ее нашли в бумагах императрицы Марии Александровны после ее смерти. Чичерин утверждал, что образование полиэтнической махины, федерации, не только нереально, но и бессмысленно, ибо означало бы конец России: “Центр тяжести перенесся бы в нерусские земли... Если Россия должна остаться Россией, она не может сойти со своего места и стать у Средиземного моря” (помета Александра Второго, знакомившегося с запиской: “Совершенно справедливо”) [22. С. 418–419].

История пошла иным путем, дорогою образования системы независимых государств на Балканах, тернистой, трудной, сопровождавшейся конфликтами и войнами, с неизжитыми по сей день противоречиями, но единственно возможной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bain R.* The Daughter of Peter The Great. St. Claire Shores. 1969.
2. *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1883. Т. V.
3. Письма и бумаги Петра Великого. М., 1962. Т. II. Вып. 1.
4. Политические и культурные отношения России с юго-славянскими землями в восемнадцатом веке. М., 1984.
5. *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908. Т. 1–2. Приложения.
6. *The Morning Post.* 1867. 18 III.
7. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Отчеты. 1866. Л. 97, 91.
8. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. Л., 1984. Т. 25.
9. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1995.
10. Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. Т. 1.
11. *Кузьмичева Л.В.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Сербия // Славянский альманах 1996. М., 1997.
12. Международные отношения на Балканах 1856–1878. М., 1986.
13. *Газенкамф М.А.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908.
14. Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964. Т. 3.
15. *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. 2.
16. *Ямбаев М.Л.* Македония в 1878–1912 гг. // В “пороховом погребке Европы”. М., 2003; *Jorga N.* Politica externa a regelui Carol I. Bucuresti, 1991; Историја српског народа. Београд, 1994. Кн. 5. Т. 1.
17. *Kofos E.* Dilemmas and Orientations of Greek Policy in Macedonia: 1878–1886 // *Balkan Studies.* 1980. № 21(1).
18. *Кузьмичева Л.В.* Благими намерениями (Сербский вопрос на заключительном этапе русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) Рукопись доклада.
19. История тыла и снабжения русской армии. Калинин, 1955.
20. *Jorga N.* Histoire des relations russo-roumaines. Jassy, 1917.
21. *Хевролина В.М.* Власть и общество. М., 1999.
22. *Сказкин С.Д.* Дипломатия А.М. Горчакова в последние годы его канцлерства // Международные отношения. Политика. Дипломатия XVI–XX в. М., 1964.

© 2004 г. *Н.В. ЖУКОВСКАЯ*

БАЛКАНЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Сочетание “США и Балканы” в наши дни ассоциируется с вполне определенными трагическими событиями, а также с изменениями в самой структуре международных связей: в сторону моно- или полицентричного мира. В связи с этим несомненна актуальность изучения начального периода взаимоотношений супердержавы и одного из самых стратегически значимых регионов в Европе. Что привело к вмешательству США, с их традиционным внешнеполитическим изоляционизмом, в решение запутанных балканских проблем? На каких основаниях осуществлялось вмешательство? В какой форме оно протекало и какие последствия имело для США и балканских народов? Этот перечень вопросов по истории первой четверти XX в. представляет интерес как для специалистов – историков и политологов, так и для самой широкой аудитории. В связи с этим целесообразно обобщить опыт первых лет активной политики США на Балканском полуострове, а также обратиться к предыстории этих взаимоотношений.

Постепенное формирование интереса американских политиков и бизнесменов к Балканам явилось своеобразным индикатором роста амбиций США, их претензий на статус великой державы.

Исследование начального периода взаимоотношений США со странами и народами Балкан позволяет выделить три важных составляющих этих взаимоотношений: американские попытки миротворчества, возникновение и укрепление экономического и стратегического интереса Соединенных Штатов к Балканам и фактор эмиграции из Юго-Восточной Европы на территорию США.

В начале XX в. общие процессы глобализации мировой экономики и отношение к ним различных слоев американского общества положили начало пересмотру внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов и смещению акцентов во внешней политике. Этот факт, а также успехи экономического развития страны подвигли представителей интеллектуальной элиты на разработку теорий “нового американского национализма”. Многим из них были присущи “цивилизаторский” пафос и расовые установки. Обязательными компонентами подобных теорий в довоенный период стали: 1) интерпретация категории “американской границы”, выразившаяся в различных трактовках док-

трины Монро, имевшей к тому времени скорее символическое, нежели практическое значение для сферы международных отношений; 2) обоснование цивилизационной миссии Соединенных Штатов, явившееся значимым этапом духовной жизни американского общества, поскольку речь, по сути, шла о создании “легенды американской нации”, обращенной в будущее (Миссия Америки – распространение и защита демократических идеалов и свобод во всем мире); 3) способы консолидации американского народа, поиск критериев “национальной идентификации” американцев.

До конца XIX в. американцы называли свою страну “великой” (“great power”). С начала XX ст. в употребление все шире входит термин “мировая держава” (“world power”) [1. Р. 192]. Начало “имперского” периода для США ознаменовалось интенсивными поисками формулировок “нового национализма”, который должен был провозгласить американский опыт вершиной развития цивилизации. Свою лепту в оформлении комплекса идей американского национализма внесли практически все видные интеллектуалы того времени. Среди них – президенты Соединенных Штатов Т. Рузвельт, У. Тафт, В. Вильсон; крупные публицисты и общественные деятели Г. Кроули, У. Липпманн, В. Уэйл и многие другие. Несмотря на разницу в подходах и оценках, всех американских интеллектуалов, посвятивших свои труды будущему образу Америки в XX ст., объединяют темы, которых они обязательно касались в своих работах. Это – трактовка значения доктрины Монро (шире – вопрос о расширении сферы влияния США, сохранении контроля над Латинской Америкой, национальной безопасности), уникальность американского национального опыта (его огромный потенциал) и решение проблемы иммиграции (как задача консолидации американской нации).

А.К. Кулидж, профессор истории дипломатии Гарвардского университета и один из самых влиятельных специалистов в области международных отношений в то время, в 1909 г. писал, что США – это, с одной стороны, “мир в себе”, но, с другой, – часть большого мира. Их мощь пока не нашла подобающей ниши в системе международных отношений, американская дипломатия переживает период коренных изменений. Пока непонятно, на что будет использована сила Соединенных Штатов – “на благо других народов или на зло” [2. Р. 15]. Пока что оставались незавершенными процессы консолидации американской нации, осознание ею своей роли в мировой истории. Кулидж ссылаясь на статистические данные 1900 г.: на территории США проживали 76 млн человек. Из них – 41 млн – “коренные” американцы, 10 млн родились не в Соединенных Штатах и более 15 млн являлись иностранными гражданами, большинство из которых не владели английским языком. С тех пор каждый год в США иммигрировало около 1 млн человек, преимущественно из Азии, Италии и Юго-Восточной Европы [2. Р. 44–45]. Тип многонационального государства в США отличался от Российской империи и Австро-Венгрии. Обычно, приезжая в Соединенные Штаты, иностранец стремился как можно быстрее идентифицировать себя с американцами. Получение американского гражданства сулило ему массу преимуществ, ему было невыгодно выпячивать свое национальное происхождение [2. Р. 47–48].

Однако иммиграция начала XX в., которую описывал Кулидж, была очень своеобразной: огромное число иммигрантов (население США увеличилось в первом десятилетии XX в. на 40%), переселилось, в основном, из Италии, России и славянских земель Австро-Венгрии. Они заселяли шахтерские и сель-

скохозяйственные районы, не стремились слиться с американским народом, жили проблемами своей диаспоры и мечтали, заработав денег, вернуться домой. Такие иммигранты вносили существенный элемент социального напряжения в жизнь американской нации. Профсоюзы и обыватели видели в них чужаков, с которыми приходилось делиться богатствами своей страны [2. Р. 54–55, 59, 65–66].

В том же 1909 г. увидела свет другая знаковая для американской дипломатии работа, “Предназначение американской жизни” Г. Кроули, видного общественного деятеля США, известного публициста и издателя, яркого представителя американской элиты первой четверти XX в. По мнению автора, со временем по всему миру должны распространиться американские стандарты демократии как самые лучшие и уникальные. Г. Кроули призывал отличать панамериканизм от других имперских идеологий, получивших в то время широкое распространение в Европе: “Панславизм и пангерманизм, основанные на расовом признаке, не будут значительны как политические идеи. Единственно возможное основание для панамериканизма – это цель утверждения демократического идеала, который при воплощении в условиях международных отношений потребует, во-первых, учреждения мирной системы общественного права на двух американских континентах, и, во-вторых, союза с миролюбивыми европейскими державами, как только подобная система отношений станет в Европе одной из возможностей практической политики” [3. Р. 314].

Первые претензии на мировое лидерство и необходимость усилить европейское направление внешней политики США обусловили обращение американской дипломатии к странам Балканского полуострова. Еще до 1914 г. американцы пытались повлиять на ход балканских дел, реализуя идею международного арбитража согласно проекту госсекретаря США У. Брайана.

В 1913 г. российский посол в Вашингтоне Ю. Бахметев, говоря от имени европейских дипломатов, обратил внимание на то, что такой проект, несмотря на декларировавшиеся в нем цели установления всеобщего мира, мог быть выгоден только для Соединенных Штатов и совершенно неприемлем для Европы. План Брайана был нацелен на разрушение существовавших в Европе экономических и военных союзов. Ю. Бахметев отмечал, что это наблюдение касалось и территорий, населенных славянами: “...его осуществление уничтожило бы, между прочим, Тройственный Союз, Тройное соглашение, Балканскую Лигу и множество других тайных договоров, с которыми Соединенные Штаты не могут иметь ничего общего; европейские державы, может быть, примут его в принципе, но, конечно, не согласятся вступить на его основании в какие-либо обязательства с Соединенными Штатами” [4. Л. 11]. В подтверждение своих слов Бахметев выслал в российский МИД аналитическую статью “Bryan Plan Negotiations”, опубликованную в одном из влиятельных вашингтонских изданий. Ее автор также говорил о выгоде от проекта Брайана только для США, об угрозе разрушения европейских союзов, если бы европейские страны приняли американские мирные инициативы. В статье давался следующий политический прогноз: европейские нации могут принять проект Брайана формально, их националистические амбиции, как показывает опыт последних лет работы Гаагского трибунала, делают их действительную позицию по вопросам сохранения мира совершенно иной. На пути мирных проектов Соединенных Штатов, выраженных в “охладительных договорах” Брайана, сто-

ял практически непреодолимый барьер из этнической вражды, растущей в Европе год от года [4. Л. 12 об., 13].

Тем не менее, в 1900–1914 гг. США развивают экономические и дипломатические отношения с самым беспокойным регионом Европы.

Президент У. Тафт подчеркивал в своих выступлениях возросшее коммерческое значение балканских государств [5. Р. 7414, 7496, 7667]. В 1910 г. в обращении к Конгрессу он ориентировал отечественный бизнес именно на этот регион: "...заметный прогресс и растущая экономическая важность Болгарии, Румынии и Сербии делают особенно необходимым, чтобы возможности для американской торговли на Ближнем Востоке привлекли соответствующее внимание Соединенных Штатов" [6. Р. VI].

Единой экономической стратегии в отношении балканских стран не было ни у госдепартамента, ни у какого-либо крупного американского треста не только потому, что Балканский полуостров представлял меньший интерес для США, чем традиционные рынки Латинской Америки. В рассматриваемый период территории, заселенные балканскими народами, не образовывали экономического единства. Румыния, Сербия и славянские земли Австро-Венгрии традиционно относились к Дунайскому и Центрально-европейскому регионам, Албания – к сфере влияния Италии. Болгария, поначалу ориентировавшаяся на Россию, с конца 1880-х годов склонялась к Германии. Экономическая структура Греции радикально отличалась от всех остальных балканских стран.

Особый интерес американцев вызывали два балканских государства: Румыния и Болгария. Экономическое соперничество европейских великих держав и США на Балканах в основном проявлялось в борьбе за румынскую нефть. С первых лет XX в. серьезную конкуренцию американцам составляли немецкие компании. Перипетии борьбы за нефтедобывающие концессии в Румынии в начале XX столетия подробно изложены в монографии А.А. Фурсенко. В своем исследовании он отмечает, что уже с 1903 г. американо-германская конкуренция осуществлялась при мощной дипломатической поддержке как правительства Германии, так и госдепартамента США [7. С. 284–285].

Почти идеальной для проникновения в Европу Соединенным Штатам тогда представлялась Болгария. Уже на протяжении столетия к тому времени американские протестантские миссионеры на Балканах создали в Америке положительный образ болгар как предприимчивого и очень цивилизованного народа, с широкими взглядами и веротерпимостью. Неслучайно, до 1891 г. американская протестантская миссия на Балканах называлась "Болгарская миссия" [8. С. 11–12]. Еще в начале XX в. американские дипломаты, работавшие на Ближнем Востоке, утверждали, что Болгария является естественной наследницей Османской империи. Территориальные приобретения Болгарии в годы I Балканской войны резко увеличили геополитическое значение Болгарии в будущем развитии и политических комбинациях в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье. Ко времени II Балканской войны Болгария была самым сильным балканским государством, располагавшим 400-тысячной армией. Не имевшие в то время своих больших вооруженных сил, Соединенные Штаты, заручившись дружбой с Болгарским царством, получили бы большую свободу политических маневров в этой части Европы, которая была значима для внешней политики практически всех крупных европейских государств. Бухарестский мирный договор 28 июля 1913 г. изолировал болгар в политическом отношении. Было ясно, что рано или поздно Софийскому правительству

понадобится опора извне, чтобы противостоять “соседям”, “восстановить справедливость” и аннулировать условия Бухарестского договора. Третье исключительное обстоятельство, которое привлекло внимание американской дипломатии к Болгарии после 1913 г., это нейтралитет страны. Болгария не была вовлечена ни в одну из военно-политических группировок Европы. Кроме того, центральное положение Болгарии в сердце Балканского полуострова превращало ее в исключительный фактор, фактор мировой значимости по отношению к противоборствующим группировкам Старого Света.

Наконец, нужда Болгарии в иностранных инвестициях и займах открывала возможности для “дипломатии доллара”. Хотя здесь США, как и в Румынии, приходилось сталкиваться с конкуренцией Германии.

Ввиду вышеперечисленных причин в довоенный период именно с Болгарией американские политические и деловые круги наиболее активно развивали дипломатические отношения.

Для большинства средних американцев до начала Первой мировой войны балканские проблемы не представляли особого интереса. Перспектива участия их страны в урегулировании балканских конфликтов их пугала. Поэтому американский электорат высказывался в поддержку единственной формы вмешательства в европейские, в том числе и балканские дела, – через заключение арбитражных соглашений и “охладительных договоров”. Анализ материалов американской периодики 1912–1913 гг., проведенный Е.А. Никиташ, позволил ей сделать ряд интересных наблюдений об американской реакции на балканские войны 1912–1913 гг. В газетах прошла информация о результатах исследования, осуществленного экспертами “Международного фонда мира”. Их оценка ситуации оправдывала худшие прогнозы: на Балканах возможна война, имеющая все предпосылки для того, чтобы принять “всеобщий характер”. Ответной реакцией широких слоев американской общественности была установка на невмешательство Соединенных Штатов, а после достижения европейскими странами соглашений по Балканам в 1913 г. воцарилась уверенность в том, что “война отступила” [9. С. 126].

Активную позицию по отношению к событиям 1912–1913 гг. в Юго-Восточной Европе заняли представители “периферии” американской нации – эмигранты из балканских стран, особенно болгары. С 1912 г. многие болгарские патриоты возвращались на родину, чтобы с оружием в руках защищать национальные интересы своего государства. После поражения Болгарии во II Балканской войне значительная их часть снова вернулась в США и продолжала на уровне пропаганды в эмигрантской прессе освободительную борьбу за “объединение македонцев” под эгидой Болгарии [10. Р. 222]. В 1913 г. официальный Вашингтон почувствовал острую необходимость непосредственного участия в урегулировании отношений между Антантой и Тройственным Союзом, так, чтобы не пострадали американские интересы.

Европейские державы настороженно относились к американской миротворческой пропаганде, рассматривая ее как завуалированную конкуренцию и стремление Соединенных Штатов вторгнуться в сферы традиционного влияния европейских государств. Одной из таких сфер был Балканский полуостров, переживавший в то время активную фазу “балканизации”, стремления балканских государств укрепить свое влияние через расширение территории за счет соседних стран. Рост националистических настроений создавал для Соединенных Штатов благоприятную политическую атмосферу для экономичес-

кой экспансии через обещания американского покровительства тем или иным балканским правительствам.

В годы военного нейтралитета США их отношения с балканскими странами получили дальнейшее развитие. Вначале приоритетной оставалась экономическая сфера. На Балканах в годы войны не прекратили функционировать филиалы американских компаний и банков. Продолжилась довоенная конкурентная борьба с германскими фирмами в Румынии. К апрелю 1917 г., моменту вступления Соединенных Штатов в войну на стороне Антанты, зависимость балканских государств от американских поставок и займов стала свершившимся фактом и впоследствии использовалась американской дипломатией как фактор политического давления на союзников и противников (см. подробнее: [11. С. 75–79]).

1916 год стал “переломным” для содержания американо-балканских отношений. Американские правящие круги осознали, что пришло время подкрепить экономическую мощь, приумноженную за годы нейтралитета, моральным авторитетом в Европе. Американской дипломатией был совершен настоящий прорыв в направлении миротворчества. Воюющие державы, наконец, стали всерьез принимать их попытки международного арбитража. При поддержке правительства США были развернуты гуманитарные акции Американского Красного Креста на Балканах, и усилена идеологическая часть американской внешнеполитической пропаганды. Созданный до 1914 г. образ “американского народа – хранителя демократических устоев” в годы войны приобрел оттенок цивилизационной значимости. Америка была призвана вернуть погрязшей в крови Европе истинные ценности западной цивилизации и возглавить миротворческий процесс. Одновременно, часть американской политической и деловой элиты пришла к убеждению, что у Соединенных Штатов должен быть новый набор национальных приоритетов и особых интересов. Несмотря на экономическое лидерство, после войны США безусловно пришлось бы считаться с другими державами, поэтому возникла необходимость в ориентации на “реальную” внешнюю политику, проводимую в интересах американского бизнеса и в целях национальной безопасности США.

Новый американский национализм в 1914–1918 гг. вылился в развертывание кампании тотальной “американизации” иммигрантов, введения ограничений на въезд в страну, пропаганду ксенофобии по отношению к “негражданам”. Сам факт насаждавшейся сверху “американизации” наглядно продемонстрировал рост националистических настроений в США как типичный эффект модернизации общества и реакцию на глобальные процессы во всем мире. Первая мировая война совершила грандиозный перелом в умах людей. Не только Европа и ее конфликтный эпицентр – Балканы – потеряли ориентиры в политическом и духовном пространстве. Америке тоже не удалось этого избежать. В стране, которая претендовала на роль арбитра в решении международных споров, национализм так же, как и в Юго-Восточной Европе, взял на себя компенсаторную функцию, стал своего рода “политической интеграционной религией” (термин У. Альтерматта) в условиях секуляризованного общества [12. С. 376–377]. Несмотря на практиковавшиеся крайние формы консолидации американской нации, в целом общественно-политическая атмосфера внутри Соединенных Штатов в годы войны не помешала активизации деятельности иммигрантских организаций, созданных выходцами из балкан-

ских стран для оказания всесторонней помощи “Старому Краю”, как они называли свою историческую родину.

Самые большие южнославянские диаспоры в США – хорватская и словенская – в годы Первой мировой войны организовали югославянское объединительное движение и использовали в политических целях все известные атрибуты этничности (коллективное имя собственное, общая историческая память, миф о единых предках, культивирование связи с “родной землей” и чувства солидарности со старым краем, пропаганда южнославянской культуры). Официальной целью объединительного движения было “собрание” трехименного народа “сербо-хорвато-словенского” и создание собственного суверенного государства в Юго-Восточной Европе, территориальные границы которого совпали бы с ареалом расселения этнических югославо. Еще в годы войны движение обнаружило свою неоднородность. Его внутренние противоречия отражали политическую борьбу в Европе по поводу выбора “великосербского” или “югославянского” национальных проектов будущего государства. На последнем этапе войны цели движения совпали с миротворческими инициативами американской дипломатии. Югославы и представители других балканских общин на территории Соединенных Штатов рассчитывали заручиться поддержкой США для реализации своих национально-политических идей по окончании военных действий в Европе. Одним из существенных успехов военной пропаганды балканских иммигрантских организаций стало привлечение внимания американской общественности к балканской проблематике. Первая и вторая администрации президента В. Вильсона не осуществляли прямой поддержки каких-либо определенных политических и экономических акций балканских эмигрантов на своей территории, но и не чинили им препятствий в вербовке добровольцев в балканские армии, организации сбора средств и т.д. Разногласия в эмигрантских общественно-политических движениях в годы войны продемонстрировали то, что “справедливость” в контексте “новой дипломатии” очень относительна, и разница в ее понимании может привести к еще большей конфронтации и напряжению на Балканах, если видеть выход в перекраивании границ и создании новых государств на полуострове. Сдержанное отношение к акциям эмигрантских организаций в 1917 г. указывало на то, что американские правящие круги еще не определились, насколько внешнеполитические интересы США пересекаются с требованиями балканских национальных политиков¹.

В конце 1917 – начале 1918 гг. американская дипломатия стала проявлять серьезный интерес к балканским проблемам, что объяснялось обеспокоенностью за экономические и политические позиции в Европе по окончании мировой войны. Степень влияния в сфере международных отношений измерялась способностью влиять на события далеко за пределами собственных государственных границ. Неслучайно министр внутренних дел США Ф. Лейн отметил в 1917 г. отличие американской пропаганды от деклараций других воюющих держав: “Наш статус в этой войне дает нам моральное превосходство, благодаря которому мы могущественны настолько, чтобы быть скромными, мы можем стать настоящими властителями человечества, покорителями невидимого царства людских умов” [13. Р. 127].

¹ О деятельности эмигрантов из балканских стран на территории США в 1914–1918 гг. см. подробнее: [11. С. 94–113].

Уровень организации исследования балканских проблем в США в конце 1917 г. выявил слабость и неподготовленность американской научной школы для проведения подобных изысканий. Тем не менее, общие теоретические разработки балканского отдела “Inquiry”, исследовательского бюро, выполнявшего правительственный заказ, соответствовали общественным ожиданиям в Юго-Восточной Европе и смогли стать основой для внешнеполитической программы США в отношении Балкан после 1918 г. Экономисты, юристы, историки и ученые других специальностей за время работы бюро составили 1 752 доклада. Из них Европе были посвящены 894, а непосредственно Балканам – 159 [14. Р. 184].

Многие документы, переписка и мемуары самих ученых показывают, что люди, работавшие в бюро, действительно верили в то, что их труд поможет установлению в мире новой, более совершенной системы международных отношений, в которой не будет места оголтелому милитаризму и войнам. Сотрудников вдохновляла мысль о том, что они, по большому счету, работают над тем, чтобы мрак безумия, в который погрузилась Европа с 1914 г., навсегда развеялся, и наступила эпоха “вечного мира”. Американские ученые, прежде всего, обращали внимание президента и главы госдепартамента на следующие важные балканские проблемы: 1) восстановление территориальных рубежей тех балканских стран, которые обладали независимостью до войны; 2) рассмотрение целей национальных движений на Балканах и поощрение некоторых из них вплоть до образования новых суверенных государств; 3) определение официального отношения к Болгарии и Австро-Венгрии, союзницам Германии; 4) изучение территориальных претензий и фактических новых границ между балканскими государствами, прогнозирование взаимоотношений народов Балканского полуострова после войны.

В конце 1917 г. советник президента Э. Хауз, по поручению В. Вильсона, заказал бюро большой доклад по Европе, значительное место в котором отводилось Балканам. Именно он лег в основу знаменитых “14 пунктов” президента Вильсона и в целом послужил базой для балканской программы американской делегации в Париже на мирной конференции 1919 г.

Почти треть доклада была посвящена кругу балканских проблем, а поскольку по содержанию они были включены в общеевропейский контекст, то их можно рассматривать как часть единого плана Соединенных Штатов по послевоенному переустройству Европы. Первый вопрос, на который искали ответ американские аналитики, заключался в том, превратятся ли балканские народы в “добрых соседей” или в “слабых вассалов” Германии и проводников ее интересов на Ближнем Востоке [15. Р. 24]. Сотрудники бюро пытались просчитать такой геополитический вариант, при котором бы Германия сохранилась как европейский силовой центр, но с очень ограниченной сферой влияния. Параллельно американские дипломаты в конце 1917 – начале 1918 г. вели секретные переговоры о возможном реформировании Австро-Венгерской монархии при финансовой поддержке Соединенных Штатов при условии немедленного заключения Габсбургами сепаратного мира [16. Р. 6–7]. Поэтому вопрос о ее сохранении и предоставлении автономии балканским народам, проживающим на ее территории, оставался открытым. По крайней мере, в докладе упоминались как независимые государства только Сербия, Черногория, Греция, Болгария и Румыния. Вопрос о создании нового государства югославян тогда мало занимал американских дипломатов. Основное, что предложи-

ли по Балканам в этом докладе сотрудники “Inquiry”, был общий подход к разрешению балканских противоречий. Он содержал в себе принципы, которые позже получили условное название “новой дипломатии”, т.е. дипломатии, основанной на честном и открытом сотрудничестве между государствами, уважающей права наций на самоопределение. В связи с этим в докладе говорилось следующее: “Никакое справедливое решение запутанных проблем, ставящих лицом к лицу глубоко обиженные балканские народы, не может быть основано на произвольном Бухарестском договоре (1913). Договор этот является продуктом пагубной дипломатии, с которой народы мира теперь совершенно покончили. Договор нанес ущерб каждой балканской нации, даже тем, которым он как будто благоприятствовал, набросив на них постоянную зловещую тень военной угрозы. Он несомненно способствовал потере болгарским народом естественного чувства верности и былой лояльности. Он отказал Сербии в доступе к морю, являющемся для нее необходимым, так как только выход к морю делает ее независимость полной. Справедливое разрешение вопроса должно начаться, конечно, с очищения (под “очищением” в данном контексте следует понимать “вывод войск” Германии и Австро-Венгрии. – Н.Ж.) армиями центральных держав территорий Румынии, Сербии и Черногории и восстановления сербской и черногорской государственности. В конечном итоге общность различных балканских народов должна основываться на справедливом равновесии национальных и экономических соображений, примененных в благородном и изобретательном духе после беспристрастного научного исследования. Вмешательство и интриги великих держав должны быть прекращены, а методы достижения национального единства с помощью резни должны быть отброшены” [15. Р. 36–37].

Пафос процитированного отрывка подразумевал, что активная дипломатическая борьба в сочетании с декларацией выше названных справедливых и популярных принципов еще раз продемонстрируют всему миру, что именно Соединенным Штатам посильна роль мудрого арбитра и защитника малых и слабых народов. Оговорка, которой авторы отчета предваряли общие соображения о границах на Балканах, гласила: “Было бы, очевидно, неразумным пробовать наметить в настоящее время границы балканских государств. Некоторые общие соображения, однако, можно попытаться сохранить в памяти” [15. Р. 37]. Далее приводились примерные границы со ссылками на то, что они будут проведены либо в соответствии с национальными рубежами, либо по ранее заключенным открытым международным соглашениям. Так же оговаривались соображения европейской безопасности [17. Т. 3. С. 216].

Источники информации американцев о состоянии дел на Балканах оставляли желать лучшего, поэтому многие конкретные предложения по изменению балканских границ оказались в конце 1918 г. уже неактуальны. Представляется, что гораздо большее значение имела общая стратегия решения балканских проблем, разработанная бюро. Американские эксперты справедливо указывали на то, что балканские противоречия невозможно решить простой перекройкой границ или применением силовых методов. Их призыв к изменению, прежде всего, духовной и экономической ситуации на Балканском полуострове не устарел до сих пор.

4 декабря 1917 г. в ежегодном послании к Конгрессу, ставшем всемирно известным как речь “Мир без аннексий и контрибуций”, Вильсон говорил о том, что пришло время “освободить народы Австро-Венгрии, Балкан и Тур-

ции...от чужеземной власти прусской военной и торговой автократии”. При этом была сделана оговорка: США не желают никоим образом разрушения и “перекраивания” Австро-Венгрии. Президент уверял: “Это не наше дело, что они потом будут делать со своей жизнью, экономической и политической. У нас нет такой цели или желания диктовать им что-либо. Мы только хотим видеть, что их дела – в их руках...Мы надеемся защитить народы Балканского полуострова и народ Турецкой империи, их право и возможность сделать их жизни безопасными, защитить их судьбы от давления извне и от диктата зарубежных судов и партий” [18. Р. XI]. Эта речь и объявление Соединенными Штатами войны Австро-Венгрии (7 декабря 1917 г.), способствовали появлению у югославских националистов новых надежд и расчетов на США как на активного и сильного защитника их интересов².

Неопределенность позиции “новой дипломатии” породила у югославы надежды на особое покровительство со стороны США. Югославы опасались, что будущие границы во многом предопределяются зонами союзнической оккупации после перемирия. В стремлении заполучить большую территорию на Адриатике, чем итальянцы, югославы хотели заручиться поддержкой такого могущественного государства, как Соединенные Штаты, которое к тому же в силу своей географической удаленности от Балкан, не могло бы долго оставлять свои войска на Адриатическом побережье, где у США не было особых интересов. Америке впервые представился повод сыграть роль “приглашенной империи” на Балканском полуострове. Приглашение поступило от Югославянского Комитета в день заключения перемирия с Австро-Венгрией 3 ноября 1918 г. Союзники возразили против передачи австро-венгерского флота под исключительный патронаж США и пришли к соглашению о предпочтительности межсоюзнического контроля [20. Р. 412–413]. Отказ Соединенных Штатов сыграть активную роль на начальном этапе послевоенного устройства на Балканах был во многом обусловлен независимыми от них в тот момент обстоятельствами. Опытные итальянские дипломаты “переиграли” их и других союзников еще в конце мая – начале июня 1918 г., когда шла подготовка широкомасштабного наступления против Австро-Венгрии на Итальянском фронте. Соннино обратился к американскому правительству и Межсоюзническому Высшему Военному Совету с просьбой прислать полмиллиона американских солдат. Поскольку эти силы были задействованы на Западном фронте, то политический характер этого маневра бросался в глаза. В итоге, для “моральной поддержки” союзника американцы прислали один полк морских пехотинцев [21. Р. 118, 234]. После этого Италия, когда ей нужно было оправдать свои акции по оккупации Адриатики, ссылалась на то, что территории ставились под “союзнический контроль”, а Соединенные Штаты не могли реально влиять на ситуацию, располагая такими чисто символическими (в сравнении с итальянской армией) вооруженными силами [22. S. 80–81]. В советской “Истории Югославии” говорится о союзнической оккупации портов на Адриатике в ноябре 1918 г., в которой принимали участие Италия, Англия, Франция, США и Сербия [23. С. 31]. Фактически, оккупация проводилась ита-

² От имени Югославянского Комитета его глава, д-р Анте Трумбич, 9 декабря послал В. Вильсону телеграмму, имевшую историческое значение. В ней, в частности, говорилось: “Америка может быть уверена, что наш народ, находящийся под гнетом [Австро-Венгрии] примет на своей территории американские войска как наших защитников и освободителей” [19. Р. 189].

льянскими силами (12 тыс. солдат) под командованием итальянского генерала Диача, в этих действиях принимал участие только один американский батальон, и тот был отозван из Далмации в конце ноября Секретарем по военным вопросам США Бейкером [18. Р. 332]. Еще один американский батальон в составе союзнических сил (опять преимущественно итальянских) недолгое время находился в Цетинье (Черногория), пытаясь помешать союзу Черногории с Сербией [24. Р. 367].

Невозможность влиять на события на Адриатике осенью–зимой 1918 г. привела к эволюции геополитических планов США по Балканам. Американские правящие круги уже с сентября стали склоняться к проекту создания нового весомого политического фактора, который бы стал препятствием для усиления влияния европейских союзников на Балканские страны. В качестве варианта рассматривалось присоединение Австрии к Германии. Впервые это официально прозвучало в комментариях Э. Хауза к “14 пунктам”: “Немецкая Австрия. Эту территорию по праву следует разрешить присоединить к Германии, но против этого сильно возражают во Франции ввиду связанного с этим увеличения населения Германии” [17. Т. 4. С. 155]. В декабре 1918 г. глава американской правительственной делегации в Германии Дризель уже зондировал в Мюнхене почву о возможности объединения Баварии, Тироля и Штирии или о создании федерации с центром “вне Берлина”, лучше всего – в Вене. Новое государственное объединение, основанное на национальном принципе (германские народы), должно было стать постоянной угрозой для молодого государства южных славян, объединившегося под эгидой Сербии [18. Р. 148]³.

Ситуация конца 1918 г. (рост национализма в Юго-Восточной Европе, вырвавшийся среди прочего в требованиях компенсаций в стане победителей, отчаяние и униженное положение побежденных, просивших заступничества) наглядно продемонстрировали американской дипломатии, насколько накаленной будет обстановка будущих мирных переговоров. Посещение американскими эмиссарами в конце ноября – декабре 1918 г. балканских стран и встречи с их политическими лидерами были для дипломатов США своего рода “шоком”, “открытием” той Европы, которую они не знали и не понимали. Американский эксперт С. Бонзал в начале декабря 1918 г. сделал в дневнике запись о том, что у него появились серьезные сомнения в возможности установления прочного и справедливого мира на Балканах в духе “новой дипломатии”. Балканские условия представлялись такими сложными и запутанными, история балканских народов – настолько кровопролитной, а политическое, культурное и экономическое развитие областей настолько разнилось, что “экономисты и наблюдатели, надеющиеся все решить за счет конфедерации и переговоров, только породят новые войны”. Национальные интересы на Балканах слишком разнятся, чтобы можно было провести границы, устраивающие всех [26. Р. 68–69]. Мемуары Бонзала полны примеров того, насколько непримиримо были настроены балканские соседи по отношению друг к другу. Во время разговора с королем Черногории Николой американский эмиссар спросил, почему бы черногорцам не помириться с албанцами после четырех лет братоубийственной войны, как это сделают другие народы. Король возразил: “Но мы сражаемся с этими безбожными албанцами четыреста лет. Это

³ Этот американский проект на Парижской конференции 1919 г. был категорически отвергнут Францией и горячо поддержан Великобританией (см.: [25. С. 178]).

совсем другое” [26. Р. 70]⁴. Встреча с черногорцами, которые были политическими врагами короля Николы, вообще подействовала на Бонзала удручающе. Он был в ужасе от этих людей и отметил в дневнике совершенную бесполезность переговоров с такими “варварами”, для которых не было ничего святого. Это были просто “сборища разбойников и убийц, каждый из которых убьет родного брата за пару башмаков”. Геополитические схемы, казавшиеся идеальными в Вашингтоне, в балканской реальности, предстали полной утопией. Уезжая из Черногории 31 января 1918 г., Бонзал записал: “Я покинул этих варваров с мрачными предчувствиями... В этом бурлящем котле еще закипит немало крови прежде, чем эти враждующие дикари снова вернутся к повседневному труду...те из них, кто останется в живых” [26. Р. 82–84]. В Румынии американская гуманитарная помощь использовалась для поддержки партизанского движения в Трансильвании, воевавшего под лозунгом “Великой Румынии”. Один из лидеров Национальной партии румын Трансильвании сказал Бонзалу при встрече: “Мы можем сейчас сами о себе позаботиться. У нас есть винтовки, и мы знаем, как ими пользоваться. От Вас [США] нам нужны медикаменты и немного продовольствия, т.к. немцы разорили наши фермы, а русские принесли в наши дома тиф”. Никаких политических и территориальных уступок на предстоявшей мирной конференции румыны делать не собирались [26. Р. 168]. Не лучше обстояло дело с Грецией. Греческий премьер-министр Венизелос заявил Бонзалу, что его страна не упустит такой уникальный исторический шанс и воспользуется поражением Турции, чтобы присоединить к Греции о. Крит и ряд других территорий [26. Р. 175]. Еще 3–10 октября 1918 г. по условиям первого перемирия с Болгарией Греция оккупировала Вардарскую Македонию [28. Р. 85]. Македонские болгары не раз обращались к президенту Вильсону с просьбой спасти их землю от “уничтожения” и “разорения” [18. Р. 250, 254–257]. Вильсон при помощи американских экспертов попробовал оказать дипломатическое давление на греков и объяснить им, что восстановление справедливости в его речах обозначает отрицание условий прежних тайных договоров. Венизелос ответил на это 30 декабря 1918 г. меморандумом. Он начинался со статистики о количестве жителей в Королевстве Греции (4 300 000 греков) и продолжался списком греческих диаспор за границей. Цифры были очень показательны и выражали точку зрения греческого правительства лучше любых слов. В Албании (Северный Эпир) проживало 151 000 греков, 731 000 – во Фракии и Константинополе, 43 000 – в Болгарии; 1694 000 – в Малой Азии, 102 000 на островах Додеканез; 235 000 – на Кипре; ок. 150 000 были рассеяны в Египте и Африке; 450 000 – в Южной Америке, 400 000 – России. Простые подсчеты показывали, что на момент окончания Первой мировой войны 45% этнических греков проживало вне Греции. Венизелос считал это достаточным основанием для применения принципа самоопределения наций и проведения такой внешнеполитической линии, вследствие которой под иностранным суверенитетом осталось бы лишь 26% греков. Отсюда вытекали основные территориальные претензии,

⁴ Крупный теоретик по расовым и национальным проблемам А.М. Роуз указывал на особую сложность в разрешении конфликтов, когда сталкиваются различные верования, что всегда имело место на Балканах. (“Противника нередко считают пособником или защитником сил греха, ереси... и зла”). Борьба с таким врагом означала отстаивание справедливости и служение Богу (см.: [27. С. 270]).

которые греческие националисты планировали удовлетворить за счет своих балканских соседей [28. Р. 123–124].

Упорство, с которым греки собирались отстаивать права своей нации, добавляло еще один довод в пользу сторонников мрачных прогнозов о послевоенном “мире” на Балканском полуострове.

Таким образом, события на Балканах в ноябре–декабре 1918 г. показали, что балканские националистические движения вышли из-под контроля великих держав и были способны вести себя как субъекты, а не объекты международных отношений. Их лидеры были обеспокоены решением проблем национальной безопасности своих государств и рассматривали кандидатуру США на роль возможной “приглашенной империи”. Президент Вильсон по ряду причин тогда отказался активизировать американскую политику на Балканах. Сыграли свою роль и внутривластный фактор (нежелание большей части американского электората вмешиваться в запутанные европейские конфликты), и противодействие со стороны военных союзников, стремившихся не допустить появления нового игрока на балканской сцене. Геополитическая программа США по балканским странам в течение 1918 г. не раз эволюционировала и подвергалась корректировке. От желания сохранить Австро-Венгрию с широкой автономией для славянских народов она трансформировалась в расплывчатый проект, стержнем которого стал принцип “самоопределения народов”. Данные американских наблюдателей в Черногории, Сербии, Румынии предвещали крайне сложные переговоры по балканскому вопросу на предстоявшей мирной конференции в Париже, где США собирались выступить в качестве главного арбитра. Тогда же обнаружились первые сомнения американских дипломатов в реальности воплощения проектов Соединенных Штатов, страдавших типично американской “геополитической самонадеянностью” и не учитывавших исторической подоплеку балканских конфликтов.

В 1919 г. на Парижской мирной конференции американские делегаты во главе с президентом Вильсоном пытались последовательно отстаивать свой вариант мирного переустройства Европы на основе принципов “новой дипломатии”. Зашедшие в тупик переговоры по “адриатическому” вопросу и другим балканским проблемам продемонстрировали ошибочность ставки американской дипломатии на этнолингвистические критерии разрешения конфликтов на Балканском полуострове и неконструктивность “права народов на самоопределение”. Установлению стабильности в этом европейском регионе мешали также внутривластные распри, нежелание многих балканских политиков отказаться от идеи решить внутривластные проблемы своих стран за счет территориального расширения и политики денационализации и террора в присоединенных землях. Парижская мирная конференция 1919 г. не дала гарантий национальной безопасности балканским государствам в виде четких границ и возможности автономного развития для отдельных областей, населенных национальными меньшинствами. Одобренная ее участниками система репараций законсервировала неблагоприятный инвестиционный климат и экономический застой на Балканах.

Конгресс Соединенных Штатов не ратифицировал Версальский договор и Устав Лиги Наций. Подобное решение было обусловлено началом интровертной фазы развития американского общества, его рефлексии после грандиозных перемен, вызванных участием Соединенных Штатов в войне в Европе. Американская культура переживала время смены национального “идеального

проекта”: из “плавильного котла” Америка превращалась в страну равных возможностей *только для американских граждан*. Законодательство первой половины 1920-х годов по ограничению потока иммигрантов в страну явилось логическим завершением начавшейся в годы Первой мировой войны кампании “американизации”. В связи с этим, после 1919 г. наблюдалось резкое снижение эмиграции из Юго-Восточной Европы, возвращение значительного числа балканских эмигрантов новой волны на родину и, как реакция на “американизацию” – всплеск национального самосознания в хорватских, словенских, греческих и других диаспорах на территории США.

В первой половине 1920-х годов можно констатировать общее снижение деловой и дипломатической активности Соединенных Штатов, по сравнению с довоенным и военным периодами⁵. Подобный спад объяснялся тем, что для американского бизнеса после войны были более интересны проекты в традиционной сфере влияния – Латинской Америке, куда и направился основной поток американских инвестиций. Тем не менее, в указанный период все балканские страны ощущали финансовую зависимость от американских кредитов. Крупные американские концерны (например, “Стандард Ойл оф Нью Джерси”) продолжали успешно конкурировать с европейскими фирмами. В Греции и Румынии им удалось добиться для себя режима наибольшего благоприятствования. Практически неизменными на протяжении всей первой четверти XX в. остались слабая заинтересованность широкой американской общественности в балканских делах (исключение составляли американские граждане – выходцы с Балкан), восприятие большей частью американского общества балканских стран как чего-то “варварского” в противопоставлении “западной цивилизации” потомков англосаксонской расы. На протяжении рассмотренного хронологического отрезка осведомленность в балканских вопросах была свойственна только части высших финансовых и политических кругов Соединенных Штатов и представителям балканских диаспор на территории США, которые не желали смешивать понятия американского гражданства и собственной национально-культурной идентичности. Опыт американо-балканских отношений первых десятилетий XX в. был опытом взаимодействия “нового американского” и различных “балканских” национальных проектов. Связующие нити – иммиграция, деятельность транснациональных корпораций, создание системы международной безопасности – показали, как важно под влиянием инерции процессов глобализации и массовизации общественного сознания в мировых масштабах верно расставить акценты во внутренней и внешней политике и как опасно переходить грань между пониманием национальной идентичности как культурного явления и трактовкой ее как политического фактора. Выводы, к которым пришли в 1917 г. американские эксперты, совпадают с прогнозами современных аналитиков. Балканские противоречия можно преодолеть только с помощью долгой работы по изменению мышления и стереотипов в сознании населения Балканского полуострова, пропаганды “прозрачности границ”, создания условий экономического благополучия региона и воспитание чувства толерантности к представителям иной конфессии и национальности.

⁵ О деятельности американской дипломатии по решению балканских вопросов в Париже в 1919 г. и американо-балканских отношениях в первой половине 1920-х годов см. подробнее: [12. С. 156–187, 187–207].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Iriya A.* From nationalism to internationalism. London, 1977.
2. *Coolidge A.C.* The United States as a World Power. New York, 1909.
3. *Croly H.* The Promise of American Life. New York, 1914.
4. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5056.
5. Compilation of the messages and papers of the presidents. In 20 vls. Washington, 1903–1921. Vol. XVI.
6. U.S. Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1908–1913. Washington, 1909–1920.
7. *Фурсенко А.А.* Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы – 1918. М.; Л., 1965.
8. *Митев Т.* Македоно-българският централен комитет в САЩ. София, 1992.
9. *Никитаи Е.А.* Проблемы войны и мира в общественном мнении США накануне первой мировой войны: Дисс. ... к.и.н. СПб., 1997.
10. *Prpic G.J.* South Slavic Immigration in America. Boston, 1978.
11. *Жуковская Н.В.* Балканский вопрос во внешней политике Соединенных Штатов Америки в первой четверти XX века. Дисс. ... к.и.н. Воронеж, 2002.
12. *Чертина Э.С.* Первая мировая война и этничность: пробуждение вулкана // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1999.
13. *Lane F.* The American Spirit (Addresses in war-time). New York, 1918.
14. *Gelfand L.E.* The Inquiry. London, 1963.
15. *Baker R.S.* Woodrow Wilson and World Settlement. (Original Documents of the Peace Conference). London, 1922–1923. Vol. 3.
16. *Hugh R.* Wilson. Diplomat between Wars. New York, 1941.
17. Архив полковника Хауза. М., 1939–1944.
18. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Washington, 1926.
19. The Immigrants' Influence on Wilson's peace policies. Lexington, 1967.
20. *Альдрованди Марескотти Л.* Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника (1914–1919). М., 1944. С.155, 158; *Burnett Ph.M.* Reparation at the Paris Peace Conference. From the Standpoint of the American Delegation. Documents. New York, 1940. Vol. 1.
21. *Baker R.S.* Woodrow Wilson. Life and Letters. New York, 1927–1939. Vol. 8.
22. *Zivojinovic D.R.* Amerika, Italija i postanak Jugoslavije, 1917–1919. Beograd, 1970.
23. История Югославии. М., 1963. Т. 2.
24. *Mamatay V.S.* The United States and East Central Europe. 1914–1918. A Study on Wilsonian Diplomacy and Propaganda. Princeton; New Jersey, 1957.
25. *Турок В.М.* Очерки истории Австрии. 1918–1929. М., 1955.
26. *Bonsal St.* Suitors and Suppliants. The Little Nations at Versailles. New York, 1946.
27. *Роуз А.М.* Происхождение предрассудков // Расовая проблема и общество. М., 1957.
28. *Petsalis-Diomidis N.* Greece at the Paris Peace Conference (1919). Thessaloniki, 1978.

© 2004 г. *И.В. ЧУРКИНА*

ДАВОРИН ХОСТНИК – ЛИНГВИСТ, ПУБЛИЦИСТ И ПЕДАГОГ

Русофильские настроения, характерные для словенцев и в первой половине XIX в., резко усилились после революции 1848 г. Словенские политики остались недовольны действиями венского правительства: ведь они все время оставались верными Габсбургам, надеясь на удовлетворение своих национальных требований, но вместо этого получили только ряд незначительных уступок. Часть словенских национальных деятелей, особенно из числа бывших сторонников иллиризма, стала возлагать надежды на осуществление своих национальных чаяний на Россию, великую, независимую славянскую страну. Молодое поколение словенских патриотов, вышедшее на арену политической деятельности в 1850-х годах, горячо поддерживало такие настроения.

С введением конституционного правления в Австрии в начале 60-х годов XIX в. в словенских землях появились многочисленные национально-просветительские организации: издательские общества “Общество св. Могора” и Словенская Матица (1864), гимнастическое общество “Южный Сокол” (1863), “Драматическое общество” (1867), многочисленные читальни, представлявшие собою клубы, где можно было не только почитать книги и газеты, но и послушать лекции, провести вечера художественной самодеятельности. Среди членов этих организаций были популярны идеи славянской взаимности, стержнем которых были восхищение и надежда на Россию.

В России после поражения в Крымской войне усилился интерес к славянам, в том числе к австрийским. В этой войне Россия оказалась в противоборстве с крупнейшими европейскими державами Англией и Францией, а габсбургская Австрия, которую русский царь несколько лет назад спас от гибели, не только не помогла ей, но и заняла позицию недружественного нейтралитета. Для многих политиков это стало доказательством того, что Россия не может иметь друзей среди западноевропейских народов, единственными верными ей союзниками могут стать только славяне. Эту идею проводил в своих докладных записках русский историк М.П. Погодин еще с 1830-х годов. Высшие политические круги России в известной степени поддерживали эту точку зрения. В связи с празднованием в 1862 г. 1000-летия России русское правительство наградило орденами 27 славянских деятелей, в том числе двух словенцев – известного слависта Ф. Миклошича и лидера словенского национального движе-

ния Я. Блейвейса, издателя основной словенской газеты “Kmetijske in rokodelske novice” (“Крестьянские и ремесленные новости”).

Еще более доброжелательную позицию по отношению к славянам заняло русское общество, прежде всего славянофилы. В 1858 г. был основан Московский славянский благотворительный комитет. В конце 60-х годов XIX в. возникли славянские комитеты в С.-Петербурге, Киеве, Одессе. Главным представителем комитетов в славянских землях Австрии стал протоиерей церкви при русском посольстве в Вене М.Ф. Раевский, действовавший там с 1843 по 1884 г. Через него шли книги, денежные пособия, религиозная утварь от славянских комитетов в различные общества австрийских славян, отдельным славянским ученым, студентам, православным церквям и т.д. За передачу Словенской Матице более 200 книг Раевский осенью 1866 г. был избран первым ее почетным членом, единственным, не являвшимся гражданином Габсбургской империи вплоть до ее распада. Вторая половина XIX в., таким образом, стала временем установления и развития русско-словенских культурных связей.

Такова была обстановка в словенских землях в то время, когда формировалось мировоззрение Даворина Хостника.

Даворин Хостник родился 14 сентября 1853 г. в деревне Подрой вблизи маленького городка Шмартно у Литии. Его отец, довольно зажиточный крестьянин, хотел хотя бы одного из сыновей сделать образованным человеком. После окончания начальной школы Даворин в 1865–1872 гг. учился в люблянской гимназии. Однако в 7 классе он должен был ее оставить: его родители, люди глубоко религиозные, желали, чтобы он стал священником. Но под влиянием либеральных идей юноша отказался, помощь из дома прекратилась, и ему пришлось искать заработок. В 1872–1873 гг. Хостник сотрудничал в либеральной газете “Slovenski narod”. В 1873 г. он поступил на военную службу и был определен в пехотный полк, стоявший в Триесте. В 1875 г. Хостник снова начал писать корреспонденции в “Slovenski narod”. Еще раньше у него пробудился интерес к России, о чем свидетельствует его письмо от 27 марта 1874 г. к И.А. Бодуэну де Куртенэ, слависту, изучавшему в то время словенские диалекты. “Я с радостью изучаю языки, – писал Хостник, – и кроме немецкого и словенского лучше всего пишу по-французски. Особенно мне хотелось бы выучить русский язык, но мне не хватает хорошего учебника. По-хорватски, сербски и чешски я тоже читаю, а русскому я хотел бы так научиться, чтобы знать его как свой родной язык” [1. Ф. 102. Оп. 2. Д. 326. Л. 1–2].

Служба в армии Хостника не удовлетворяла. В 1876 г. он замечал в письме к своему другу Й. Цимперману, поэту и переводчику: “Ты очень удивишься, если я тебе скажу, что думаю в конце будущего года сдать в Триесте экзамен на аттестат зрелости. Думаю, что ты понимаешь, что решение, к которому я пришел в горькой жизненной школе, в стенах, где каждый день обучают искусству, как лучше проливать человеческую кровь, что это решение твердое”. И здесь же мимоходом упоминал о своей встрече с Брезоваром [2]. Варфоломей (Ерней) Брезовар был одним из стипендиатов Славянского учительского института, учрежденного в 1866 г. в Петербурге с целью готовить из окончивших курс филологии славянских юношей преподавателей древних языков для российских гимназий. В 1870 г. Брезовар окончил институт и был направлен в Курскую гимназию. Встреча с Брезоваром, приехавшим на летние каникулы в родные места, не была единственной. В апреле 1877 г. Хостник сообщал Бо-

дуэну де Куртенэ: “Г. проф. Брезовар из Курска, мой старый знакомый и уроженец того же села, что и я, уговаривал меня уже давно, чтобы я постарался получить русскую стипендию” [1. Ф. 102. Оп. 2. Д. 326. Л. 3об.]. В письме от 20 апреля 1877 г. Хостник просил Бодуэна помочь ему получить русскую стипендию, чтобы подготовиться на должность учителя древних языков в России. Здесь же он признавался своему корреспонденту, что ему ненавистна немецко-магьярская Австрия. “Истина, – отмечал он, – что для меня после французов русские являются самым любимым народом. Жить среди них – цель моей жизни”. Вместе с тем Хостник подчеркивал: “Я словенец... душой и телом” [1. Ф. 102. Оп. 2. Д. 326. Л. 3–4об.].

Хостнику не удалось получить русскую стипендию. В зимний семестр 1877/1878 г. он записался на отделение романской филологии Венского университета. Такой выбор не был случайностью. Хостник давно увлекался французским языком, сумел его выучить так, что стал переводить французскую литературу на словенский язык. Первые его переводы публиковались еще в 1873 г. в газете “Slovenski narod”. Особенно много переводов Хостника с французского было издано в 1877–1878 гг. Среди них можно отметить “Стакан воды” Э. Скриба, несколько произведений Жюль Верна, в том числе его знаменитый роман “20 тысяч лье под водой”. Исследователь студенческих лет жизни Хостника Т. Смолей считает, что он являлся самым видным переводчиком с французского в Словении во второй половине XIX в. [3]. Однако на отделении романской филологии Хостник проучился только три семестра, а на четвертый он перешел на отделение классической филологии. Учился Хостник прекрасно: уже со второго семестра по решению академического сената он стал получать государственную стипендию в 240 флоринов.

В годы учебы Хостник активно участвовал в общественной жизни славянских студентов. Он являлся одним из инициаторов создания “Славянского альманаха”. 4 сентября 1878 г. он сообщал Бодуэну: “Славянские ученики здешнего университета намереваются издать в начале 1879 г. альманах на всех славянских языках; только поляки не захотели в нем участвовать” [1. Ф. 102. Оп. 2. Д. 326. Л. 9об.]. “Славянский альманах” действительно вышел в свет в апреле 1879 г. в 1200 экземплярах. А в конце 1879 г. Хостник неожиданно отправился в Россию в качестве домашнего учителя помещицы Тепловой, вдовы двоюродного брата И.С. Тургенева. Его скорый отъезд, согласно воспоминаниям сына Хостника Владимира Мартыновича, был связан с грозившими ему репрессиями со стороны австрийских властей за его активную национальную деятельность. Уже 1 января 1880 г. Хостник писал родным из Киева о своих первых впечатлениях о России: “Люди добрые, сияет им то же солнце, что и Вам, светит тот же месяц, молятся они тому же Богу, что и Вы, и если бы Вы пришли сюда и заговорили по-словенски, Вас бы все поняли”¹.

В том же 1880 г. Хостник сдал экстерном экзамены в Харьковском университете и получил русский диплом. Сначала он стал учителем мужской прогимназии в Борисоглебске, затем перешел во вновь открывшуюся прогимназию в г. Рыльске Курской губернии, где с 1883 по 1923 г. преподавал немецкий и французский языки. В России его стали звать Мартыном Матвеевичем. В 1887 г. Хостник женился на дочери православного священника Александре Владими-

¹ Из архива семьи Хостник в Словении.

ровне. У них родилось пятеро детей: дочери Александра (1887), Милица (1889), Ольга (1890) и два сына: Владимир (1893) и Митрофан (1897). За все время проживания в России Хостник только дважды посетил родину. Первый раз в 1881 г. он приехал в родные места, чтобы жениться. Однако его избранница отказалась ехать в Россию. Второй раз Хостник побывал там в 1894 г. на золотой свадьбе своих родителей. Но по настоянию австрийских властей он должен был через месяц вернуться в Россию. Роковую роль в этой высылке сыграла его публицистическая деятельность в словенской прессе.

После ухода в армию, поступления в Венский университет и отъезда в Россию связи Хостника с газетой “Slovenski narod” прервались почти на десять лет. За это время произошло много событий: восстание сербов в Боснии и Герцеговине, апрельское восстание в Болгарии, война Сербии и Черногории против турок, наконец, русско-турецкая война 1877–1878 гг., приведшая к освобождению Болгарии от турецкого ига и обретению полной независимости Сербией, Черногорией, Румынией. Победа России усилила русофильские симпатии словенцев. По словам профессора Мелика, причины этого заключались не только в славянской ориентации словенцев, но и в том, что события на Балканах стали неотъемлемой частью их собственной политической борьбы: поскольку сочувствие немецкой партии было на стороне турок, то “всякая победа повстанцев, сербов или русских, являлась вместе с тем и словенской победой, а всякое их поражение – также и словенским поражением” [4. S. 275].

Особенно горячо пропагандировал русские успехи “Slovenski narod”. Его корреспонденты связывали с победой России самые смелые планы. Так, летом 1877 г. в нем появилась статья “Новое славянское государство”, в которой говорилось: “Как падение Царьграда в 1453 г. стало рубежом во всемирной истории, так и уничтожение Турции в Европе станет историческим рубежом, который ознаменует собой возрождение славянства и изменение всего лица Юго-Восточной Европы” [5. 6 VII 1877]. Говоря о возрождении славянства, автор несомненно подразумевал его политическое возрождение, ибо культурное уже шло полным ходом со второй половины XVIII в. В среде либералов в это время сформировалось русофильское крыло. Его формированию способствовала не только победа России, но и быстрое распространение в австрийских землях идей пангерманизма. Конечной целью пангерманистов являлось объединение Австрии с Германией, но пока они требовали только укрепления контактов между этими странами, введения в Цислейтании немецкого языка в качестве государственного и т.п. Своим острием пангерманизм был направлен против славянских народов Цислейтании – прежде всего чехов и словенцев. Русофильство словенских либералов в значительной степени являлось ответом на рост пангерманских настроений среди немецкого населения в словенских землях.

В конце 1880-х годов русофилы имели серьезные позиции в либеральных изданиях “Slovan”, “Ljubljanski zvon”, “Slovenski narod”. Они в известной степени находились под контролем ведущего политика либералов Ивана Хрибара. Он возглавлял в Любляне отделение чешского банка “Славия”, являлся директором словенской национальной типографии и отличался горячими симпатиями к России. В 1886–1887 гг. одним из ведущих публицистов газеты “Slovenski narod” стал Д. Хостник. Он попал туда по рекомендации В. Зарника, активного деятеля младословенского (либерального) движения с конца 1850-х годов. Статьи Хостника выходили под псевдонимом “Круторогов”. В них про-

поведовались славянские идеи, освещалась внутренняя и внешняя политика России.

Словенский историк культуры и литературы И. Приятель считает, что Хостник являлся духовным сыном поздних славянофилов и Каткова [6. S. 275–276]. Словенский историк Д. Кермавнер соглашается, что в отношении внешней политики России он полностью шел за Катковым, но подчеркивает, что отношение Хостника к внутренним проблемам России было другим [7. S. 376]. Исследование статей Хостника в “Словенском народе” показывает справедливость суждений Кермавнера. Сам Хостник в некрологе Каткову писал, что тот в вопросах внутренней политики России “часто ошибался” [5. 6 VIII 1887].

Первые корреспонденции Хостника под названием “Письма из России” начали публиковаться с 31 марта 1886 г. Это была серия статей, посвященных 25-летней годовщине освобождения крестьян от крепостного права. Хостник подчеркивал, что этот юбилей в России не был отмечен, в то время как 100-летний юбилей грамоты Екатерины II, отдававшей крестьян в полную власть дворянам, в 1885 г. праздновался широко. Манифест об отмене крепостного права, отмечал Хостник, многие помещики встретили с неудовольствием. И хотя после этого акта прошло уже много лет, крестьяне до сих пор должны платить им выкуп. “Мужик есть и останется заклятым врагом помещика, – делал вывод Хостник, – пока будет видеть малейшее напоминание о прошлом”. Противоречий между крестьянами и помещиками манифест не отменил. И рассматривая эти классы русского общества, Хостник, сын крестьянина, решительно становился на сторону крестьян. Он характеризовал русских дворян как грубых, полуобразованных людей, у которых атрофированы чувства даже по отношению к собственным детям. И хотя Хостник упоминал о некоторых гуманных и образованных помещиках, но это упоминание только немного смягчало его резкий отзыв о них в целом. Зато о русских крестьянах Хостник писал с искренней симпатией. Он призывал соотечественников не верить немецкой пропаганде, показывавшей русского мужика пьяницей и вором. “Русский мужик, – подчеркивал Хостник, – украдет только тогда, когда он умрет с голоду, если не украдет... Пьет русский мужик с горя и с радости”. И далее: “Русский народ благороден, добр, честен, нельзя забывать, что за 25 лет до этого он был еще рабом, скотиной помещика” [5. 1, 5, 8 IV 1886]. Хостник верил, что пройдет некоторое время и путем просвещения всех слоев населения противоречия между помещиком и крестьянином исчезнут. “Мужик должен подняться, – писал он, – помещик опуститься; к этому оба способны, так как лучшего и благороднейшего по своей природе народа, чем русский, нельзя найти”. Доказательство этого Хостник видел в необыкновенном русском гостеприимстве и самопожертвовании, которое русские показали при освобождении болгар [5. 22 V 1886].

Многие государственные учреждения в России Хостник оценивал критически, в том числе и местное самоуправление. В его органы имели право выбирать только земельные собственники и домовладельцы, поэтому многие представители интеллигенции, чиновников, а тем более беднейших слоев населения не обладали избирательными правами [5. 26 V 1886].

При всем сочувствии к русскому народу и нелюбви к помещикам Хостник являлся убежденным монархистом. Он считал, что все русские цари по мере сил стремились помочь своему народу, были его защитниками. Исключение он делал только для Екатерины II по той причине, что она была немкой. По

мнению Хостника, она даровала многие привилегии русским дворянам, боясь, что ее выгонят в Германию. Искреннее преклонение вызывал у него Александр II, которого он называл царем-освободителем “рабов русских и турецких” [5. 5, 8 IV 1886]. Согласно взглядам Хостника, русский царь не только защитник русского народа, но и главный представитель “русской идеи, которая является также и славянской”. В поддержку этого своего утверждения он ссылался на славянофилов [5. 6 IV 1887].

Хостник оправдывал выступления крестьян против помещиков, но вместе с тем решительно осуждал российское революционное движение. Александра II, по его глубокому убеждению, убила злодейская рука, анархистов он считал “евреями или подкупленными немцами подлецами” [5. 31 III 1886; 31 III 1887].

Если в оценке внутреннего положения России Хостник стоял на позициях крестьянского демократа, то в оценке ее внешней политики он, как уже отмечалось, полностью солидаризировался с Катковым. В Каткове он видел “искреннего патриота, искреннего русского и горячего защитника русского величия и славянской идеи”, человека, который в своих суждениях о внешней политике являлся для России тем же, чем Бисмарк для Германии [5. 6 VIII 1887]. В Каткове Хостнику импонировала прежде всего его враждебность по отношению к немцам. Выросший в условиях усиливавшегося германизаторского натиска на свой народ, Хостник полностью разделял эту враждебность. Для него любовь к родине была неразрывно связана с сопротивлением немецкому насилию. Он был убежден, что “историческая цель немцев – уничтожить славян” [5. 29 X 1887]. Поэтому для Хостника Катков являлся выразителем чисто русской национальной политики. “Все русские всех партий, – писал он, – в отношении внешней политики одного мнения с Катковым, по-иному думают в России только немцы” [5. 14 IV 1887]. В статье “Немецкое шпионство” Хостник причислял к немецким шпионам французских анархистов, русских нигилистов, а также всех тех, кто связан с Ватиканом [5. 3, 4 IV 1887].

Главную опасность для России и для всех славян Хостник видел в Германии. В статье “Будущая война между Россией и Германией” он указывал на неизбежность войны между ними, которая станет “борьбой не на жизнь, а на смерть между славянством и германством”. Ради этой войны Германия милитаризируется, она думает покончить с Россией одним махом. Если ей удастся победить Россию, она “играючи будет держать в своих руках другие славянские народы и топить их один за другим в германском море”. Целью же России в предстоящей войне будет уничтожение германского милитаризма. “Тогда настанет время, когда славянин будет жить так, как хочет, станет хозяином своего дома, своей земли” [5. 3, 5 IV 1886].

В тесной связи с основной идеей Хостника находились и его взгляды на другие славянские правительства. Сербского короля Милана, правительство Болгарии он рассматривал как врагов славянства, ибо они являлись врагами России. Хостник резко отрицательно относился к польской шляхте, считал, что она не спасет польский народ, который сама жестоко угнетает и называет “быдлом”. Ксендзы же полностью поддерживают шляхту. Польским крестьянам Хостник искренне сочувствовал. Он не оправдывал угнетение поляков русскими властями, но при этом пытался утверждать, что его проводят в жизнь немецкие чиновники на русской службе.

Славян, считал Хостник, может спасти от гибели только Россия. Первым шагом к включению их в русскую орбиту он полагал необходимость изучения

русского языка, “на котором говорят 89 млн человек и который имеет такую богатую литературу” [5. 25 VIII 1886]. Для этого славяне должны сначала перейти на общую азбуку – кириллицу.

Хостник знакомил своих земляков не только с внутренним положением и внешнеполитической деятельностью России. Он горячо пропагандировал на страницах “Slovenski narod” русскую культуру, прежде всего литературу. В июле 1886 г. в газете был напечатан некролог знаменитому русскому драматургу А.Н. Островскому. В нем Хостник характеризовал его как проповедника человеколюбия, защитника человеческого достоинства и истинного учителя народа. Но особенную любовь испытывал Хостник к А.С. Пушкину. В феврале 1887 г. он опубликовал большую статью о нем в память 50-й годовщины со дня смерти великого поэта. В Пушкине Хостник видел “величайшего славянского поэта, сына неизмеримой матушки России” и призывал своих земляков: “Покупайте Пушкина, пусть он станет украшением вашей библиотеки, читайте его, переводите его, учитесь у него любить то, что наше” [5. 2 VII 1886; 10 II 1887].

В словенской общественной жизни Хостник видел главных своих врагов в клерикалах, которые в это время стали набирать силу в словенском национальном движении. Его статьи, направленные против пронемецкой политики Австрии и против агрессивных действий католической церкви не могли не вызвать недовольства венских властей. Дважды из-за корреспонденций Хостника конфисковывали тиражи “Slovenski narod”: 23 ноября (№ 268) и 4 декабря (№ 278) 1886 г. [7. S. 376]. Но решающий удар по газете был нанесен год спустя. В конце октября – начале ноября 1887 г. в ней появилась статья Хостника, в которой он резко критиковал австрийское правительство за его содействие германизации славянских народов, выступал против политики папы римского, обозвав его “извергом человечества”. В конце статьи Хостник призывал славян готовиться к решительному бою с немецким гнетом [7. S. 402, 405]. В середине ноября 1887 г. император Франц Иосиф в частной беседе упрекнул словенского депутата венского парламента д-ра Поклукара в русофильстве словенских газет. Это высказывание императора было немедленно опубликовано в прессе. Горицкий архиепископ Миссия, идеолог словенского клерикализма, опираясь на недовольство светских властей, 24 ноября 1887 г. издал послание, подписанное всеми епископами горицкого архиепископства. В нем указывалось самым строгим образом всем священникам не выписывать либеральную прессу и не писать в нее никаких корреспонденций. Последняя статья Хостника была опубликована в “Slovenski narod” 10 ноября. 18 декабря 1887 г. на собрании акционерного общества был установлен надзорный совет, который был должен следить за деятельностью редакции. И. Хрибара, главу словенских русофилов и главного покровителя Хостника, вывели из комитета Национальной типографии. С изменением состава редакции изменилось и направление “Slovenski narod”. Произошли серьезные изменения в направлении либерального литературного журнала “Ljubljanski zvon”, а газета “Slovan”, издававшаяся Хрибаром и писателем И. Тавчаром, прекратила свое существование. Приятель достаточно резко оценивает в этих событиях роль Хостника-Круторогова. “Круторогов бросил в “Словенски народ” роковую бомбу... Тогда Миссия вышел из своего затишья и замахнулся своей мощной рукой не только на словенских русофильских фантастов, но и на словенский либерализм вообще” [6. S. 279–280]. На наш взгляд, Приятель чересчур преувеличи-

вает роль Хостника в усилении гонений на либеральную прессу. Они были вызваны всеми словенскими русофильски настроенными публицистами – Целестином, Подгорником, Хрибаром и другими, конкретная статья Хостника послужила для этого только поводом.

Однако словенские русофилы не остались без своего органа. В “Ljubljanski zvon” было опубликовано заявление о прекращении выхода “Slovan”. Хрибар и Тавчара призывали своих корреспондентов писать теперь в “Ljubljanski zvon” и в новую газету “Slovanski svet”. В заявлении указывалось, что все подписавшиеся на “Slovan” будут получать “Slovanski svet”, следовательно это издание официально признавалось преемником “Slovan”. Рядом с заявлением Хрибара и Тавчара помещалось оповещение о начале издания новой газеты, в котором указывалось, что газета будет сообщать словенцам все интересное, происходящее в славянском мире в области культуры и политики [8. 1888. № 1].

Стал сотрудничать в газете “Slovanski svet” и Хостник. 7 сентября 1896 г. он так писал об этом ученому-слависту И.С. Пальмову: “Трибар (Хрибар. – И. Ч.) приостановил своего “Слована”, и он, самый честный и самый умный из теперешних патриотов и политиков, натолкнул Подгорника на издание “Slov/anskega/sveta” и писал мне: вот где продолжай!” [1. Ф. 105. Оп. 2. Д. 288. Л. 11].

“Slovanski svet” выходил с 1888 по 1899 г. Он стал главным рупором словенских русофилов. В числе его сотрудников кроме Подгорника и Хостника (Рощин) были Ф. Целестин, Л. Лесковец (Ламурский), Ф. Штифтар (Творцов), последние двое – из числа словенских эмигрантов в России. “Slovanski svet” по отношению к российской действительности стоял на более правых позициях, чем Хостник. В новой газете корреспонденции Хостника в значительной степени касались внутреннего положения в словенских землях. Так, он активно выступал против клерикалов, которые в конце 1880-х годах укрепили свои позиции в словенском национальном движении. Являясь одним из самых горячих пропагандистов кирилло-мефодиевской церкви, Хостник полагал, что борьба за нее выбьет оружие веры из рук клерикалов [9. 1891. № 22].

Соглашательская политика либералов после разгрома, учиненного в конце 1880-х годов, вызывала резкий протест Хостника. Он был убежден, что если бы не умерли лидеры либералов 60–70-х годов XIX в. Юрчич, Левстик, Зарник, которые являлись энергичными и смелыми борцами, клерикализм не расцвел бы столь пышным цветом в Крайне (главной провинции Словении). Словенских русофилов, группировавшихся вокруг газеты “Slovanski svet”, Хостник считал преемниками либералов времен словенских таборов. “Мы, стоящие за полную действительно всесловенскую программу и культурную славянскую программу, – писал он, – единственные, кто может спасти словенский народ от гибели” [9. 1891. № 33]. Всесловенская программа, о которой упоминал Хостник, несомненно, являлась программой Объединенной Словении. Либералы ее провозгласили еще в период революции 1848 г., и за нее они ратовали во времена словенских таборов (конец 1860 – начало 1870-х годов).

Что же собою представляла славянская культурная программа? Ее составными частями являлись кирилло-мефодиевская церковь и русский язык в качестве общеславянского. В кирилло-мефодиевской церкви, по мнению ее сторонников, должны использоваться греческий обряд и старославянский язык при богослужении. По сути дела, под кирилло-мефодиевской церковью подразумевалась православная. Об этом откровенно говорил Хостник в частной переписке. Так он подчеркивал в письме к И.С. Пальмову от 7 сентября 1896 г.:

“Всегда меня одушевляла только одна идея: идея православного славянства. И как ни маскирует эту идею “Slovanski svet”, ее можно читать везде между строк” [1. Ф. 105. Оп. 2. Д. 288. Л. 12]. Вместе с тем православие для Хостника имело ценность только как одна из особенностей, характерных черт славянства. Он дал отповедь на страницах газеты “Slovanski svet” одному из православных идеологов Спектатору, который в своих статьях ставил православие выше национальности и утверждал, что главная цель России – ее православная миссия. “Для славян Россия имеет значение только как славянское государство, – подчеркивал Хостник. – Когда она перестанет быть славянским государством и встанет на исключительно православную основу, тогда она будет иметь в наших глазах точно такую же ценность, как Греция или Румыния, или любое другое неславянское государство православного вероисповедания”. Хостник указывал, что православие симпатично для славян не с точки зрения религиозной, но с точки зрения национальной, поскольку язык богослужения и обряды там славянские. “Не православная Россия нам дорога, но славянская Россия”, – заключал он [9. 1890. № 22]. Второй частью культурной славянской программы являлось принятие всеми славянами русского языка в качестве общеславянского литературного языка. Эту идею Хостник развивал еще в “Slovanski narod”.

“Slovanski svet” имел гораздо меньшее влияние на словенскую общественность, чем “Slovanski narod”. С самого начала он являлся дефицитным изданием – часть его подписчиков (гимназисты, семинаристы, учителя начальных школ) получали газету бесплатно по соглашению с редакцией. Подписчиков, плативших за газету, было немного. Прежде всего из-за этого “Slovanski svet” прекратил свое существование в 1899 г. Хостник до конца сотрудничал в нем и даже по мере сил старался помочь ему материально, выступая посредником между Подгорником и С.-Петербургским славянским благотворительным обществом. В письме к Совету Общества от 19 января 1896 г. он так характеризовал своего друга: «Подгорник настоящий римлянин: из-за “Slov. Sveta” семейство его терпит нужду, ему принцип выше семейства». Хостник просил послать редакции 40 рублей в счет его гонорара за словари [1. Ф. 241. Оп. 1. Д. 28. Л. 64об.]. В 1896 г. Подгорник получил некоторую субсидию от Славянского общества. Однако ее ему не хватило, и он решил отправиться в Россию сам. О поездке Подгорника в Россию перед Пальмовым хлопотал Хостник. Он просил его получить от активного члена общества товарища обер-прокурора святейшего синода В.К. Саблера сумму в 1000 руб., которая необходима была Подгорнику для покрытия его расходов. Подгорнику предоставили эту сумму, и 7 сентября 1896 г. Хостник сообщал Пальмову, что Подгорник после трехдневного пребывания в Рьльске отправился в Петербург. Поездка Подгорника была успешной, и в письме к Пальмову от 24 октября 1896 г. Хостник благодарил его и Саблера за внимание, оказанное его другу. На полученные средства Подгорник в начале 1897 г. смог возобновить издание газеты “Slovanski svet”, которая не выходила в свет всю вторую половину 1896 г. Но уже в 1897 г. Подгорник вновь стал просить Хостника выступить посредником перед Славянским обществом в получении новой субсидии. Однако Хостник отказался это сделать, объяснив свой поступок Пальмову в письме от 23 августа 1897 г. тем, что Славянское общество и Саблер и так много сделали для газеты. Хостник считал, что Подгорник не может рассчитывать на одни субсидии, и если газета не окупается, лучше ее закрыть [1. Ф. 105. Оп. 2. Д. 288. Л. 2, 4, 5, 7,

9об., 13об., 14, 19об.]. Все-таки позднее Подгорник получил от некоего Маркова 2 тыс. руб. В письме к Пальмову от 12 июня 1900 г. он писал об этом, добавив, что такая сумма не может его спасти, что ему нужно по крайней мере 10 тыс. гульденов [1. Ф. 105. Оп. 2. Д. 211. Л. 20].

Тесные отношения у Хостника были с Иваном Хрибаром. Как и Подгорник, Хрибар иногда просил Хостника о посредничестве со Славянским обществом. В конце 1870 – начале 1880-х годов словенская молодежь, воодушевленная русской победой над турками, стремилась изучать русский язык. Несколько кружков для этого было организовано в гимназиях, в читальнях. Но русских книг не хватало. “Я обратился к нашему земляку профессору Даворину Хостнику в Рыльске, – вспоминал позднее Хрибар, – и он мне выпросил у Славянского благотворительного общества в Москве пару ящиков книг. Я их разделил между русскими кружками” [10. С. 190–191]. Деятели Славянского общества также обращались к Хостнику, когда им нужно было связаться с Хрибаром. Об этом свидетельствует написанное по-русски письмо Хрибара от 30 сентября 1887 г. В.И. Ламанскому, являвшемуся в то время редактором славянофильского издания “Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества” (далее – “Известия”). “Мой друг Мартин Матвеевич Хостник (Круторогов), – писал Хрибар, – просил меня подослать к вам список всех словенских периодических изданий до опубликования в “Известиях”. Имею честь в удовлетворение этого желания приложить такой список” [1. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1507. Л. 2].

Хостник не прерывал связей и с одним из видных словенских либералов В. Зарником. После его смерти он написал о нем теплый некролог, опубликованный в “Известиях”. В мировоззрении Зарника Хостник отмечал те черты, которые были ему наиболее созвучны: отношение к русскому языку как общеславянскому литературному языку, приверженность кирилло-мефодиевской церкви и идее сближения Австрии с Россией [11. 1889. № 5, 6]. Хостник переписывался с профессором Грацкого университета славистом Г. Креком, со своими знакомыми и друзьями, родителями, письма к которым хранятся в его музее. Ему нередко писали и совсем незнакомые люди. Так, Хостник сообщал Ламанскому о письмах двух священников, один из которых хотел совершить путешествие в Россию, а другой мечтал поселиться в ней. К нему обращались и учителя с конкретными вопросами о том, например, как можно обеспечить себя питанием, если они приедут в Россию. Хостнику писали даже шахтеры, надеясь, что он найдет для них работу в России [1. Ф. 35. Оп. 1].

Хостник не довольствовался тем, что знакомил соотечественников с Россией, он старался рассказать русской общественности о своем народе. Заметки о положении словенцев он писал в “Известиях”, в которых южнославянским отделом заведовал Н.В. Шляков. “Известия” опубликовали серию статей Хостника под названием “Письма о словенцах”. Уже в первых корреспонденциях он подчеркивал надежды словенского народа на Россию. “Все словенцы, – утверждал он, – одинаково искренне относятся к идее славянской взаимности, одинаково любят своих славянских братьев, и, может быть, ни одна славянская народность так крепко не убеждена в том, что Россия наша единственная нравственная опора” [11. 1887. № 10. С. 494–495]. Рассказывая о положении в словенских землях, Хостник острее своей критики направлял на клерикалов. Редактора клерикальной газеты “Slovenec” Клуна он называл словенским ренегатом, добавляя: “Ныне он каноник люблянского кафедрального собора!

Но за то уж как он благодарен правительству! Будь возможно, он давно вылез бы из кожи за графа Таафе!” [11. 1888. № 2. С. 61]. Относительно словенских либералов позиция Хостника была двойственной. Те из них, кто на словах выступал против австрийского премьер-министра графа Таафе, а на деле безропотно подчинялись правительству, вызывали его неприязнь. Вместе с тем он в какой-то степени оправдывал их. “Какая же может быть причина этому холопству словенцев? – восклицал он. – Причина весьма простая: словенцы народ бедный, и вся наша интеллигенция так или иначе находится в зависимости от правительства” [11. 1888. № 3. С. 132]. К либералам-соглашателям Хостник причислял Й. Вошняка, Ф. Шуклье. Идеалом для него были национальные деятели 60–70-х годов XIX в. “Где таборы, где соединенная Словения, где восторженные отзывы о всем русском, поскольку оно касается славянства,” – с горечью замечал он. И все же его не оставляла надежда, что “народ в конце концов увидит, что доверяется тому, который не стоит доверия! Если же этого не случится, то словенцы пойдут не только в Берлин, но куда угодно” [11. 1888. № 6–7. С. 305].

Однако сотрудничество Хостника с “Известиями” продолжалось недолго. В конце 1887 г. Ламанский опубликовал в них цикл статей, в которых писал о неизбежных либеральных переменах в России как условия успешности ее внешней политики. Одновременно он сделал обзор положения в славянском мире и пришел к выводу, что будущее чехов и словенцев весьма печально – их ожидает ассимиляция [11. 1887. № 9, 11, 12].

Вся славянская и славянофильская пресса отрицательно отнеслась к этим выводам Ламанского, в том числе и газета “День”. При этом корреспондент использовал в полемике с Ламанским “Письма о словенцах” Хостника. Ламанский заподозрил, что автором статьи является Хостник и отправил ему письмо. “Ваше письмо меня поразило, – отвечал Хостник. – Видя в Вас олицетворение той идеи, которою я живу и дышу с тех пор, как я сознаю себя славянином, я Вас лично глубоко уважаю и искренне люблю, как люблю народ свой”. Хостник отрицал свое авторство статьи в “Дне” и добавлял, что он согласен с выводами Ламанского. “Единственно, что я не нахожу совсем верным, – заключал он, – то это, что словенцы рабски повинуются немцам и итальянцам. Что делать! Сила у них, а нас-то горсть” [1. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1475].

Поскольку большинство членов С.-Петербургского славянского общества высказывали недовольство статьей Ламанского, последний ушел из “Известий”. После его ухода сотрудничество Хостника в журнале прекратилось. К концу XIX в. Хостник оставил свою публицистическую деятельность. Причину охлаждения к журналистике он откровенно объяснил в письме к сыну своего друга Забрета. “Когда человек видит, – писал он ему в июне 1898 г., – что на сцену вышло новое поколение с новыми идеалами (или без всяких идеалов), тогда он в своих мыслях постоянно говорит с людьми, которых он всегда безмерно уважал, которые всегда были верны принципам истины и чести, и для которых любовь к родине являлась первым и непреложным законом” [12]. Хостник понимал, что на политическую арену в словенских землях вышло новое поколение, с новыми идеями, не всегда совпадавшими с его взглядами. И этому поколению Хостник, почти 20 лет оторванный от родины, ничего сказать не мог.

30 апреля 1895 г. на общем собрании членов С.-Петербургского славянского общества его Совет по предложению издательской комиссии поставил на

обсуждение вопрос об издании пяти словарей: болгарско-русского, сербско-русского, словенско-русского, русско-словенского и словацко-русского. По мнению комиссии, словари должны быть небольшими по объему, “дешевы и доступны для самого обширного круга учащейся молодежи”. При этом предполагалось, что в словарях с русского на славянские языки должны присутствовать грамматики славянских языков, а в словарях со славянских на русский язык – грамматика русского языка. Издательская комиссия предложила и составителей указанных словарей: для болгарско-русского – профессора Драганова из Кишинева, для сербско-русского – студента Половинкина, для словацко-русского – Мичатека, для словенско-русского и русско-словенского словарей – Хостника, словенца на русской службе, профессора в Рыльске [1. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2]. Общее собрание одобрило предложение Совета.

30 мая 1895 г. Совет Общества отправил Хостнику письмо с программой, которая должна была послужить ему руководством при составлении словаря. “Чсть имею изъявить свое согласие на все условия, предложенные мне, – отвечал Хостник 4 июня Совету... – Понимая вполне всю важность такого словаря и не ошибаясь в трудности при его составлении, я употребляю все свои силы и все свое умение, чтобы оправдать доверие, которым почтил меня Совет, и немедленно приступаю к работе”. В том же письме Хостник предложил составить два списка: 1. список по алфавиту тех слов, которые одинаково звучат в русском и словенском языке; 2. список в алфавитном порядке слов, которые имеют при разном ударении разное значение. Эти предложения Хостника были приняты. Для Хостника составление русско-словенского и словенско-русского словарей являлось не только интересным делом как для филолога, и не только способом заработать деньги, оно полностью отвечало его взглядам. “...Мне как словинцу, и вместе с Ф. Подгорником первому и не ослабевшему в борьбе поборнику идеи культурного панславизма, – писал он Совету, – на почве русского как общеславянского языка и кирилло-мефодиевской церкви, да будет дозволено сказать, что изданием означенных словарей Слав[янское] благ[отворительное] общество окажет словинцам неоценимое благодеяние” [1. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 53об.].

Позднее в предисловии к русско-словенскому словарю, написанном 30 августа 1896 г., Хостник так определил его значение для словенцев: “В настоящем труде я предлагаю своим дорогим землякам пособие, которое им даст возможность выучить язык самого большого и могущественного славянского племени, чтобы они черпали неизмеримое богатство русской литературы из первоисточника... Если романские и германские племена с такой омерзительной энергией начали изучать язык великой северной державы, то мы, славяне, конечно, не должны от них отставать” [13. S. VII]. В предисловии Хостник упоминал своего предшественника – Матию Маяра, который в 1867 г. издал “Русскую грамматику для словенцев” (*Slovnica ruska za slovence. Dunaj, 1867*). Хостник являлся не только продолжателем Маяра в этом деле, но и наследником многих его идей, прежде всего идеи всеславяинства, необходимости опоры на Россию, дружбы словенцев с русскими.

Создание русско-словенского и словенско-русского словарей и грамматик к ним (русской и словенской) стало главным делом всей жизни Хостника. Сначала он стал работать над русско-словенским словарем, отдавая ему все свое свободное время. Уже 18 августа 1895 г. Хостник отослал первую часть словаря до буквы “М” в издательскую комиссию. А 11 января 1896 г., т.е. спустя

семь месяцев после начала составления словаря, он направил в Петербург завершающую часть словаря и русскую грамматику для словенцев в качестве приложения к нему [1. Ф. 241. Оп. 1. Д. 28. Л. 63].

Грамматика Хостника была отдана на рецензию А. Мичатеку, составителю “Русско-словацкого словаря”. “Русско-словинская грамматика г. Хостника, – писал в своем отзыве Мичатек, – представляет собой очень добросовестный труд, который может оказать словинцам, желающим усвоить себе русский язык, весьма полезную услугу. Книжка заключает в себе довольно грамматического материала, гораздо больше, чем моя русско-словенская (словацкая. – И. Ч.) грамматика. Правила дает автор верные и излагает их удобопонятно, коротко и ясно. Возражений против книжки имею, следовательно, очень немного” [1. Ф. 241. Оп. 1. Д. 28. Л. 123]. Эта рецензия Мичатека тем более важна, что ее дал не просто хороший филолог, но и человек, который сам работал над подобным трудом и хорошо знал требования, предъявляемые к нему.

На основе отзыва издательская комиссия одобрила словарь и грамматику Хостника и 15 марта 1896 г. обратилась к нему с просьбой узнать, какая типография в Любляне или каком-либо другом городе Австрии возьмется напечатать рукопись русско-словенского словаря по возможно более дешевой цене [1. Ф. 241. Оп. 1. Д. 28. Л. 67]. Хостник попросил найти такую типографию Подгорника. В конце концов выбор пал на типографию А. Габрщек в Горице.

Габрщек был известным словенским культурным и политическим деятелем. Он относился к кругу русофилов и выступал за создание общеславянской культуры и кирилло-мефодиевской церкви. В 1893 г. Габрщек основал в Горице типографию, в которой публиковались газеты и журналы словенских либералов: “Soča”, “Primorec” и др. Но главным для Габрщека было издание литературных серий: “Славянская библиотека”, “Библиотека для молодежи”, “Талия” и др. В них публиковались художественные произведения словенских писателей и писателей разных славянских народов, в том числе и русских. Так, в серии “Славянская библиотека” вышли в свет “Капитанская дочка” и “Гробовщик” Пушкина, “Ночь перед рождеством” и “Шинель” Гоголя, “Воскресение” Л. Толстого. Вне серий Габрщек опубликовал “Евгения Онегина” Пушкина, “Первую любовь” Тургенева, “Записки из мертвого дома” и “Униженных и оскорбленных” Достоевского.

В 1897 г. в типографии Габрщека работа над русско-словенским словарем шла полным ходом, задерживала только нехватка кириллического шрифта, который приходилось заказывать в Лейпциге. Несмотря на задержки, в конце 1897 г. русско-словенский словарь вышел в свет. Чтобы сделать его доступным для самого широкого круга словенской интеллигенции, в конце 1897 г. Хостник просил Славянское общество продавать его по возможно более низкой цене учителям начальных школ, учащимся средних и высших учебных заведений. Одновременно он выражал надежду, что его труд будет способствовать изучению русскими студентами словенского языка [1. Ф. 241. Оп. 1. Д. 28. Л. 121об.].

Весть об издании русско-словенского словаря распространилась среди словенской интеллигенции задолго до его выхода в свет. Уже 17 апреля 1896 г. Подгорник писал Хостнику: “Словенцы меня непрестанно спрашивают, можно ли надеяться, что русско-словенский словарь и русская грамматика выйдут на словенском языке” [1. Ф. 241. Оп. 1. Д. 28. Л. 64]. Словенская пресса, как либеральная, так и клерикальная, рекомендовала русско-словенский словарь

читателям. Небольшие заметки о нем опубликовали сельская “Domovina”, журнал клерикалов “Dom in svet” [14]. Особенно доброжелательно писал о словаре Хостника либеральный “Ljubljanski zvon”. Первое сообщение о словаре появилось в его октябрьском номере за 1897 г. В нем говорилось, что “словарь содержит все правила, которые необходимы для изучения русского, словарь представляет обширный словарный материал”.

В августе 1898 г. в “Ljubljanski zvon” на словарь Хостника была опубликована хвалебная рецензия И. Приятеля, впоследствии крупнейшего историка словенской культуры и видного переводчика с русского языка на словенский, а тогда только что закончившего гимназию абитуриента Венского университета. Он с радостью констатировал, что словенцы получили самое необходимое пособие для изучения русского языка. “Теперь нам больше не надо ходить к немцам, чтобы одалживать у них грамматики и словари”. Особенно понравилось Приятелю, что Хостник использовал в словаре примеры из произведений русских классиков – Пушкина, Грибоедова, Крылова. “Вообще нужно признать, – заключал юный рецензент, – что словарь Хостника и его грамматика – важное явление, замечательный труд в нашей литературе” [8. 1898. № 8].

После того как Хостник отослал последние листы (январь 1896 г.) русско-словенского словаря, он сразу же приступил к работе над словенско-русским словарем и словенской грамматикой для русских. А уже в ноябре 1897 г. он писал в совет Славянского комитета о необходимости как можно быстрее напечатать его новую работу [1. Ф. 241. Оп. 1. Д. 28. Л. 121]. Словенско-русский словарь и словенская грамматика в отличие от его первого труда предназначались для русских студентов и небольшого круга интеллигенции, интересующейся славистикой или славянскими народами. Сам Хостник в письме в совет Славянского комитета от ноября 1897 г. выражал надежду, что его труд “в некоторой мере поможет изучению словенского языка русскими студентами”. Рецензию на русскую грамматику Хостника дал тот же Мичатек.

“Труд почтенный, серьезный, богатый, – говорилось в рецензии Мичатека. – Интересны, между прочим, и некоторые, как полагаю, верные поправки не вполне верного учения наших славистов (Брандт, Флоринский о видах и будущем времени). Определения поданы, насколько это возможно, и в суффиксологии, точные и полные. Против распределения материала грамматики наука вряд ли возразит что-нибудь существенное. Слог, насколько я могу судить, отличается ясностью и правильностью. Словом, не имею никаких сколько-нибудь веских возражений против добросовестного труда г. Хостника” [1. Ф. 241. Оп. 1. Д. 28. Л. 128, 150].

Печатание словенско-русского словаря происходило гораздо медленнее, чем русско-словенского. Только в январе 1901 г. Хостник смог сообщить Пальмову, что типографией Габрщека отпечатано 20 печатных листов словенско-русского словаря и 17.5 листа – грамматики словенского языка. Одновременно Хостник получил от Габрщека 2 экземпляра грамматики [1. Ф. 241. Оп. 1. Д. 28. Л. 150]. Один из этих экземпляров он послал видному русскому филологу академику А.И. Соболевскому. “Покорнейше прошу Вас, – писал Хостник, – принять на добрую память прилагаемый экземпляр моей “Грамматики словинского языка”. Этим я воздаю только посильную дань почтения к Вам как своему учителю: что я таким Вас считаю, Вы убедитесь на многих местах моего скромного труда”. Далее Хостник выражал уверенность, что “в будущем акад[емическом] году студенты будут иметь в руках и грамматику, и

словарь. За неимением пока лучшего, и мои труды принесут пользу студентам-словесникам. Я надеюсь, что критика будет милостива: я ведь, так сказать, пахал целину” [1. Ф. 176. Оп. 2. Д. 486. Л. 1–1об.].

Русская критика не только была милостива к труду Хостника, но и одобрила его. В январском номере за 1902 г. “Журнал министерства народного просвещения” поместил на него рецензию П.А. Лаврова, видного специалиста по старославянскому языку. Лавров приветствовал появление словенско-русского словаря и словенской грамматики, облегчавших изучение словенского языка русскими. Сравнив словарь Хостника со словарями А. Янежича и М. Плетершника, Лавров пришел к выводу, что словарный запас и фразеология в словаре Хостника гораздо богаче, чем у Янежича. Были у Лаврова и замечания. В частности, он указывал, что в словаре отсутствовали слова, одинаково звучащие по-русски и по-словенски, и что не стоило автору давать этимологические объяснения ряду слов, вступая в полемику с теми, кто их толковал иначе, и т.д. Вместе с тем Лавров подчеркивал: “Эти замечания нисколько, однако, не препятствуют нам признать вполне заслугу автора, оказанную составлением словенско-русского словаря”. Еще более высоко оценил рецензент словенскую грамматику Хостника. “Ограничимся только замечанием, – отметил он, – что грамматика обнимает фонетику, склонение и спряжение, образование слов и синтаксис, иначе говоря – полный курс словенского языка. Автор имеет в виду и народный, и литературный язык и обнаруживает знакомство с относящейся к предмету литературой в достаточной степени” [15. С. 182–187]. Грамматика словенского языка Хостника получила высокую оценку у русских ученых – ей была присуждена премия Академии наук. “Присуждение мне премии Академией наук – наиотраднейший момент в моей жизни, – писал Хостник Соболевскому 10 февраля 1901 г., – известие это тронуло меня до глубины души. Лучше моя любовь к слав[янскому] языкознанию не могла быть оценена” [1. Ф. 176. Оп. 2. Д. 486. Л. 2].

Словенская общественность встретила выход “Словенско-русского словаря” Хостника с воодушевлением. Рецензент журнала “Ljubljanski zvon” отмечал, что словарь и грамматика составлены со свойственным автору прилежанием и хотя не полны, но достаточны для начала. “Новая книга Хостника, – подчеркивал рецензент, – имеет огромное культурное значение для славян. Русское благотворительное общество, которое эту книгу издало, хотело сказать: мы, русские, которых более 80 миллионов, не забыли, что вы, словенцы, которых всего полтора миллиона, наши братья. И вы также не забудьте, что русский язык для каждого образованного словенца, если он желает быть истинным славянином, необходим” [8. 1902. № 5. С. 351]. Таким образом, для либералов важна была не только научная, но и политическая ценность трудов Хостника.

Стоит отметить один небезынтересный факт. Если в изданном в 1897 г. “Русско-словенском словаре” только сзади на обложке мелким шрифтом указывалось на словенском языке, что книга издана Славянским благотворительным обществом, то в 1901 г. на заглавном листе было написано по-словенски и по-русски, что словарь издало Петербургское славянское благотворительное общество. В предисловии к “Словенско-русскому словарю” тоже отмечалось, что словарь был опубликован по инициативе и на средства Славянского благотворительного общества и это “возбуждает чувство благодарности в сердцах всех, кому дорого культурное объединение и взаимное ознакомление

разбросанных славянских братьев” [16. S. VII]. Такое открытое оповещение о том, что словарь издан на средства Славянского комитета, и выражение благодарности ему за это, вероятно, можно объяснить тем, что “Словинско-русский словарь” предполагали распространять в России, в то время как предыдущая книга Хостника была предназначена для словенских земель, входивших в состав Габсбургской империи.

Словари и грамматики Хостника вызвали не только положительные отклики. Словенский лингвист С. Шкрабец не был согласен с рядом правил, приведенных в них. Шкрабца поддержали словенские литературоведы М. Мурко и К. Штрекель, а также Бодуэн де Куртенэ. В письме к русскому слависту Б.М. Ляпунову Хостник писал, что его взгляды на словенский язык полностью совпадают со взглядами А. Янежича, Ф. Левстика, И. Шумана, являвшихся авторами словенских грамматик и знавших словенский язык не хуже Шкрабца. Из русских ученых, отмечал Хостник, он опирался на труды Буслаева, Соболевского, Брандта. Не соглашаясь с доводами своего оппонента, Хостник так оканчивал свое письмо Ляпунову: «Не судите меня и слишком строго, ведь я сам за ученого себя никогда не считал... Я утешаюсь хотя тем, что в глуши уездного города занимаюсь наукой “елико могу”» [1. Ф. 752. Оп. 2. Д. 343. Л. 3–10об.].

После окончания работы над словарем Хостник отошел от научной деятельности.

В 90-х годах XIX в. материальное положение Хостника улучшилось – он переехал в собственный дом, определенный доход ему приносило составление словарей и т.д. Но в 1899 г. его постигла большая личная утрата: трагически погибла его жена. “Ужасное горе обрушилось на меня, – писал он Пальмову 23 августа 1899 г., – 2 авг[густа] скоропостижно умерла моя жена. Я остался один с 5 детьми: старшей 12 лет, меньшому сыну 1.5 года” [1. Ф. 105. Оп. 2. Д. 288. Л. 46об.]. Спустя некоторое время Хостник с грустью сообщал Пальмову: “После смерти незабвенной жены жилось мне худо: дети маленькие, находил бонн, но одна хуже другой. Положение незавидное, много мне стоило труда, чтобы не упасть совсем духом. Одна вера в помощь божию спасла меня от уныния. Дети, слава богу, все время не болели, когда кругом была эпидемия, да и учатся старшие хорошо. Я живу только для них и для службы и никуда не хожу” [1. Ф. 241. Оп. 1. Д. 81. Л. 232–232об.].

По воспоминаниям сына, Владимира Мартыновича, после выхода в свет словарей и грамматик и присуждения премии Академии наук, Хостник стал считаться одним из видных славистов в России. Ему пришло несколько приглашений от российских университетов в Томске и Варшаве, от историко-филологического института князя Безбородко в Нежине перейти туда на преподавательскую работу. Но Хостник отказался, считая, что детям будет лучше в Рыльске, где у них просторный дом и замечательный сад. Этот сад, посаженный самим Мартыном Матвеевичем, стал настоящей достопримечательностью города. По словам Владимира Мартыновича, его отец основательно знал ботанику и все свободное время проводил в саду, где выращивал диковинные для тех мест фрукты: черную малину, особые сорта груш. В его саду цвело семьдесят различных сортов роз. На различных сельскохозяйственных выставках и до революции, и в советское время Хостник неоднократно получал дипломы и награды.

За долгие годы жизни в России у Хостника появилось много друзей и добрых знакомых. Среди них были ученые-слависты, прежде всего И.С. Пальмов

и В.И. Ламанский, с которыми он имел длительную, доверительную переписку. Среди корреспондентов Хостника были академик А.И. Соболевский и молодой славист Б.М. Ляпунов, а также поэт-переводчик Н.Н. Бахтин (псевдоним Нович). Бахтин обратился к Хостнику за словенско-русским словарем, и тот послал ему свой авторский экземпляр. В 1904 г. вышла в свет книжка переводов Бахтина словенских поэтов “Словинские поэты”. Один экземпляр он послал Хостнику с дарственной надписью.

И в самом Рыльске Хостник имел много друзей. Раньше всего еще в Борисоглебске он познакомился с Владимиром Родионовичем Домбровским. Когда Домбровский получил место директора прогимназии в Рыльске, он уговорил Хостника отправиться туда вместе с ним. На этой должности Домбровский пробыл до выхода на пенсию в 1904 г. Позднее в “Рыльском листке”, выходявшем в 1917 г., Хостник писал о Домбровском как об организаторе и первом руководителе мужской и женской гимназий в Рыльске, как об основателе Общества помощи бедным ученикам [17. 13/26 X]. К первым знакомым Хостника принадлежал также врач М.Н. Бокитько, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которому в 1917 г. Хостник написал теплый некролог [17. 16/29 VI, 19 VI (2 VII)]. Добрые отношения связывали Хостника с заведующим женской церковной школой Ф.В. Арбузовым. Среди жителей Рыльска у Хостника были не только друзья, но и единомышленники. К ним, несомненно, относился командир 16-й конной батареи полковник Ф.Я. Ермолаев, с подразделением которого летом 1886 г. он совершил путешествие в Чугуев и Полтаву. Позднее Ермолаев стал крестным отцом второй дочери Хостника. Идеино близок Хостнику был учитель Архангельский. В письме к Ламанскому, после того как последний, оставив должность редактора “Известий”, стал издавать журнал “Живая старина”, Хостник писал: “Полковник Ермолаев, преподаватель Архангельский и я остаемся всегда вашими искренними почитателями и, разумеется, подписчиками” [1. Ф. 35. Оп. 3. Д. 53. Л. 10].

В 1910 г. Мартын Матвеевич женился на Ольге Николаевне, дочери рыльского почтмейстера Семенова. Она была образованной, очень музыкальной женщиной, которая искренне привязалась к детям Хостника. С ней он прожил счастливо до конца своей жизни.

В феврале 1911 г. гимназия отметила 30-летний юбилей педагогической деятельности Хостника. Его отмечала вся культурная общественность Рыльска – ведь многие представители городской интеллигенции учились у него. Сохранились благодарственные адреса от учеников гимназии четвертого, пятого, шестого, седьмого классов и от родительского комитета гимназии. “Через Ваши руки прошел уже длинный ряд молодежи, которая не только училась у Вас, но и воспитывалась, видя в Вашем лице живой пример неустанного труда и добросовестного отношения к своему делу, – писали пятиклассники. – Ваше всегдашнее сердечное отношение к учащимся, неизменная доброта и снисходительность приобрели Вам прочные симпатии среди нас”. Семиклассники подчеркивали: “Ваш просвещенный ум и Ваша чуткая отзывчивость всегда влекли нас к Вам в трудные минуты нашей школьной жизни. Стоя на страже наших интересов, Вы с искренним участием относились к нашим нуждам и всегда по мере возможности их удовлетворяли” [18].

В начале XX в. Хостник много сил стал отдавать общественным делам в Рыльске. В 1902 и 1907 гг. горожане избрали его гласным (депутатом) в Рыльскую думу.

Февральскую революцию Хостник встретил с радостью. Несмотря на преклонный возраст (ему исполнилось 64 года) он включился в общественную жизнь города. Так, он участвовал в издании “Рыльского листка”, который выходил с 2/15 июня по 23 октября/5 ноября 1917 г. Его редакторами были преподаватель математики и физики мужской гимназии Николай Петрович Малышев и преподаватель русского языка в духовной семинарии Евгений Андреевич Глебов. Всего вышло 39 номеров. Хостник являлся редактором 11–26 номеров газеты, заменяя Малышева во время его отъезда из Рыльска.

Н.П. Малышев со времени поступления на работу в рыльскую гимназию (1912) стал добрым приятелем Хостника. После окончания одного из русских университетов он окончил Сорбонну во Франции. “Я уже год был студентом, – вспоминает Владимир Мартынович, – с ним познакомился у нас дома. Он ходил в гости к отцу... Он был очень интересный собеседник, с отцом у нас за стаканом чая русскую речь часто сменяли на французскую”. Во время выборов в Учредительное собрание стало известно, что Малышев является большевиком. Большинство преподавателей гимназии отказались общаться с ним, вспоминает бывший ученик гимназии Н.И. Исаев, “только, пожалуй, Мартын Матвеевич продолжал поддерживать с ним прежние отношения”².

Газета “Рыльский листок” была типичным органом демократической интеллигенции. В ней печатались статьи различных направлений: от сочувствующих большевикам и приветствовавших мир без аннексий и контрибуций до обвинявших большевиков в измене и требовавших ведения войны до победного конца. Хостник не только являлся одно время редактором газеты, но и писал в нее корреспонденции. Под своей фамилией он опубликовал только два некролога: Бокитько и Арбузову. Но особый интерес представляет статья “Городские угодья”, подписанная псевдонимом “Круторогов”, тем самым, которым Хостник пользовался в 1886–1887 гг. в “Slovenski narod”. В статье давалось напутствие новым гласным городской Думы. Хостник предлагал Думе позаботиться об осушении болот, о повышении цен за аренду городских угодий. Последнее он объяснял тем, что крестьяне, арендующие эти земли за бесценок, собирают с них богатый урожай и продают его затем на городском рынке по баснословным ценам. Наконец, Хостник требовал, чтобы члены Думы не назначали себе огромных жалований, а заботились о благе города [17. 14/27 VIII].

Хостник сочувствовал большевикам. На это указывает не только его дружба с Малышевым, но и некоторые другие обстоятельства. Его дочь Ольга вышла замуж за родного брата второй жены Хостника Ольги Николаевны большевика Александра Николаевича Семенова (псевдоним – Кириллов). Во время Гражданской войны он был председателем ревкома в городах Тульчин и Проскуров, потом заместителем председателя губернской ЧК в Одессе. Он возглавил борьбу с бандитами и погиб от их рук в 1920 г. Нелегко сложилась жизнь дочери Александры. Она получила консерваторское и незаконченное медицинское образование. Во время Первой мировой и Гражданской войн была сестрой милосердия. Ее муж, сподвижник С.М. Кирова, погиб на Северном Кавказе. Александра Мартыновна переехала в Москву и стала преподавателем

² Воспоминания о Хостнике старожилов г. Рыльска были предоставлены мне журналистом И.М. Коробовым, в 60-е годы XX в. являвшимся председателем Рыльской организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

лем музыки. Ее способности к преподаванию высоко ценились в музыкальных кругах. Она заболела деформирующим полиартритом, в 50-е годы XX в. болезнь сделала ее почти неподвижной, но тем не менее она продолжала давать уроки. Один из ее учеников З.М. Каневский, отважный полярник, потерявший в Арктике обе руки, в своих воспоминаниях пишет о том, как пример Александры Мартыновны помог ему найти свое место в жизни. “Почти не видя инструмента, с трудом различая контуры фигуры ученика, держа в памяти и мелодию, и замысел композитора, она продолжала жить музыкой и жила-то, вероятно, только благодаря ей” [19. С. 26]. Сотрудничали с советской властью сыновья Хостника – Владимир преподавал математику в средней школе, Митрофан был воспитателем в детском доме до 1922 г., а затем ушел в отставку по состоянию здоровья и вскоре умер. По-другому сложилась судьба Милицы. Она вышла замуж за юриста Охотина, который во время Первой мировой войны был прокурором. Охотин не принял Октябрьскую революцию и в 1918 г. вместе со своей семьей эмигрировал в Югославию.

Смерть сына, гибель зятя, эмиграция дочери тяжело отразились на здоровье Мартына Матвеевича. Он продолжал работать в гимназии, которая после революции стала называться школой 2-й ступени имени Г. Шелехова. (Шелехов был рыльским купцом, который открыл Аляску и способствовал присоединению ее к России.) Весной и осенью 1919 г. Хостник имел самое большое количество уроков среди учителей. Кроме преподавания немецкого и французского языков он одновременно занимал должность школьного библиотекаря. Но уже в 1922 г. школьная нагрузка его уменьшилась в четыре раза [20. Д. 17, 689]. О последних годах работы Хостника в школе вспоминал директор школы М.В. Тимонов: “Хостник был всем городом уважаемым человеком, высокообразованным, корректным, обходительным, прекраснейшим педагогом. Его любили и перед ним преклонялись учителя и учащиеся. Так никто не умел обращаться с ребятами, как он. В его присутствии никто не дерзил. Это был чудеснейший человек”. Это подтверждает и бывший ученик Хостника Н.И. Исаев: “Мы знали, что Мартын Матвеевич – славянин, и что в Австро-Венгрии славян угнетали немцы. Поэтому учащиеся относились к Мартыну Матвеевичу с большим уважением. В свою очередь, он, будучи уже в преклонном возрасте и умудренный жизненным опытом, относился к учащимся по-отечески, демократично... Многие из бывших учителей гимназии за годы Гражданской войны покинули Рыльск, а Мартын Матвеевич оставался с нами до конца дней своих”.

В 1921 г. вышла в свет брошюра Хостника “Как собирать, сушить и хранить лекарственные растения в Курской губернии”. Она была написана им, очевидно, по заданию Рыльского районного отделения Курского губернского союза Единой рабочей кооперации и выдавалась бесплатно всем организациям, занимавшимся массовой заготовкой растений (см.: [21]).

1 января 1923 г. на семидесятом году жизни Мартын Матвеевич Хостник ушел на пенсию [20. Д. 653]. Вскоре вслед за этим ему была присуждена советским правительством персональная пенсия Совнаркома, которая назначалась “выдающимся, высшей квалификации лицам, оказавшим Республике незаменимые услуги культурного и общественно-революционного характера или высоко ценимым за заслуги культурно-просветительского характера” [22].

26 марта 1929 г. Мартын Матвеевич умер. “Когда его хоронили, – вспоминает М.В. Тимонов, – было великое шествие, весь город провожал его в последний путь”. На главной площади Рыльска провели траурный митинг.

После смерти отца сын Хостника Владимир Мартынович подарил его дом профсоюзу работников школы. В советское время в нем находился Дом учителя.

Почти пятьдесят лет прожил Мартын Матвеевич Хостник в России. Она стала для него второй родиной. Более сорока лет отдал он благороднейшему делу – воспитанию и обучению детей. Его педагогическая деятельность получила самую высокую оценку как со стороны рыльской общественности, так и со стороны советского правительства. Но Хостник никогда не забывал своей родины, искренне любил ее, пока мог, много сил отдавал тому, чтобы улучшить положение своего народа, выступая в словенской и русской прессе за его национальные права, за равноправие словенских женщин. Однако главной заслугой Хостника перед русским и словенским народами, одинаково близкими и дорогими ему, стала его деятельность по их взаимному ознакомлению. Особую роль в этом сыграли две книги, созданные им, – “Русско-словинский словарь” и “Словинско-русский словарь”, которыми пользовались более пятидесяти лет представители словенской и русской интеллигенции и которые и в настоящее время представляют большой интерес для ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петербургский филиал Архива РАН.
2. Rokopisna zbirka. Narodna in universitetna knjižnica (RZ NUK) Ms. 484.
3. *Smolej T.* Študijska leta Davorina Hostnika (в печати).
4. *Melik V.* Slovenska politika ob začetku dualizma // *Zgodovinski časopis*. 1968. № 1–2.
5. *Slovanski narod*. Ljubljana.
6. *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina 1848 do 1895. Ljubljana, 1966. Zv. V.
7. *Kermavner D.* Slovenska politika v letih 1879 do 1895. Politično-zgodovinske opombe k peti knjigi Ivana Prijatelja. Ljubljana, 1966.
8. *Ljubljanski zvon*.
9. *Slovanski svet*.
10. *Hribar I.* Moji spomini. Ljubljana, 1928. Zv. I.
11. Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества.
12. Rokopisna zbirka. Narodna in universitetna knjižnica (RZ NUK). Hostnikova pisma Zabretovim.
13. *Hostnik M.M.* Ročni rusko-slovinski slovar in kratka slovnica ruskega jezika. Gorica, 1897.
14. *Domovina*. Celje, 27 VIII 1897; *Dom in svet*. Ljubljana, 1897. № 16.
15. ЖМНП. 1902. № 1.
16. *Slovinsko-ruski slovar*. Gorica, 1901.
17. Рыльский листок.
18. Рыльский краеведческий музей.
19. *Каневский Э.М.* Жить для возвращения. М., 2001.
20. Курский областной архив. Ф.1832. Оп. 1.
21. Красная Искра. Рыльск. 1921. 10 июня.
22. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5462. Оп. 7. Д. 25.



© 2004 г. В.И. КОСИК

ЛИЦА БЕЗ НАЦИОНАЛЬНОСТИ: МУСУЛЬМАНЕ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ. 1919–1944 ГОДЫ

Памяти Ибрахима Тепича

Боснийцы. Для них, когда-то бывших хозяев в Боснии и Герцеговине, в 1919 г. настали тяжелые времена. Роли переменялись: теперь сербы могли беспрепятственно творить свой суд и волю. По данным одного из боснийских историков, в период с 1918 по 1921 гг., т.е. до принятия Конституции, было убито 2000 боснийцев [1. S. 57]. Шел “перedel” земли, т.е. сербы теперь ее захватывали, как раньше мусульмане, с молчаливого одобрения властей, вводивших новых хозяев в законные права. Джамии переустраивались в православные церкви. Случалось, что боснийцы были вынуждены, чтобы сохранить себе жизнь, переселяться в другие края. Теперь они испытывали на себе все то, что ранее они устраивали сербам. Во многих местах стало действовать правило: хочешь жить – плати выкуп. Но иногда и деньги не спасали мусульман от нападений сербов даже во время молитвы в мечетях. Вся ярость, долго скрываемая за время турецкого господства, теперь выплеснулась наружу. Частым, почти повседневным явлением, стали убийства, грабежи, случались изнасилования солдатней мусульманок. Реис-уль-улем Чаушевич в интервью французскому журналисту весной 1919 г. говорил: “Тысячи людей убиты, 6 женщин сожжены, 270 сел ограблены и уничтожены – для нас, мусульман, это следствие создания нового государства Югославии, которой мы готовились служить всей душой. Мы все же славяне, но сербы не желают считать нас такими. Считают нас пришельцами-чужаками... После того как сербы стали хозяевами ситуации, нас никогда не звали участвовать в политических встречах и держать совет” [2. S. 63].

В сущности, Босния и Герцеговина должны были стать территорией сербского господства, где не было бы неприятностей, чинимых недовольными агами и бегами. Однако бывшие хозяева также считали Боснию и Герцеговину своей родиной и вотчиной и не собирались покидать ее, хотя причин для этого было более чем достаточно. Здесь следует упомянуть закон, сыгравший огромную роль в переустройстве аграрных отношений и позволивший массе сербских арендаторов стать владельцами земельных участков, когда-то захва-

ченных по праву силы теми же мусульманами. И хотя Белград выплатил огромную сумму бывшим крупным держателям, они были более чем недовольны. Тем не менее эти настроения не переходили так называемых границ политической лояльности. Мусульманские политические деятели, объединенные прежде всего в Югославскую мусульманскую организацию (ЮМО), поддерживали идею югославянства, делая ставку на постепенный процесс сближения народов. В то же время они декларировали тезис о том, что их соплеменники сначала мусульмане, а потом – югославы. Выступая за федеративное устройство Королевства, ЮМО выдвигала требование автономии “мусульманских” Боснии и Герцеговины и, соответственно, формирования своего правительства. Однако тезис автономизации был воспринят Белградом, имевшим давние споры по этой проблеме с хорватами, резко отрицательно. В подобных заявлениях обычно видели прежде всего антигосударственный курс, открытие фронта против сербства [1. S. 93–94].

Именно требование мусульманами Боснии и Герцеговины автономизации, нежелание идти под охраной сербов к “братству и единству”, создавали трудности для Белграда, для сербских националистов, видевших в уступках мусульманам пропасть для своих соплеменников, живущих в Боснии и Герцеговине. Урегулирование всех спорных проблем, отягченных тяжелым прошлым, политизированных настоящим, требовало времени, но его не было.

В сущности, если говорить грубо, то в любой империи есть только одна история – имперской нации. Остальные – лишь этнографический материал, варвары, дикари, язычники, иноверцы, жертвы колеса фортуны. Одним словом – турки воспринимались “европейской христианской улицей” с ее бессознательным чувством превосходства над всеми, кто не мыслит ее ценностями, как символ невежественного и непонятого. Именно такими “турками” для сербов были мусульмане Боснии и Герцеговины. Теперь настал “час мщения” им, растянувшийся во времени на десятилетия, может, на века, возможно навсегда и с обратным ходом. В Королевстве трех христианских народов – сербов, хорватов и словенцев не нашлось места мусульманам Боснии и Герцеговины. Оставалась территория, заселенная недавними угнетателями, постепенно приобретающими черты Муйо и Хасо – символических фигур, олицетворявших невежество и тупость в сербских анекдотах. Но культура заключается прежде всего в мифологии, точнее, в памяти будущего, обозначенного через историю в ее многоликости. И здесь можно вспомнить национализм: для одних – лик, для других – оскал. Сам национализм можно назвать стадийным только в схематичной форме. Он не имеет начала и конца. В прошлом столетии – веке национальных движений – сербский национализм достиг апогея во время правления короля Александра. Закат его связан с событиями Второй мировой войны, а также такими разновеликими факторами как Тито, и накатом иных югославских национализмов после его смерти. Средства сербских националистов – самые различные: от административного ресурса до убийств, от просвещения для себя до насмешливого презрения для других. Фигуры Муйо и Хасо наглядно свидетельствуют о том, что национализм может не только строить себя, но и служить в определенных ситуациях горячим материалом для разгора иных “национализмов”, “не ведающих, что творят” свое же растворение зачастую в чужой идентичности. Пример – Босния и Герцеговина: мусульманский мир всплывает в европейской культуре в окружении тех, кого называют “*господари пата*”. Стремление к идентичности можно увидеть с одной сторо-

ны в этнических чистках, с другой – в появлении в мире югославов. Та же картина угадывается у “православных хорватов” и “сербских мусульман”. Список можно продолжать долго, учитывая ту бурю национализмов, разрушивших Югославию. Дух национальных движений витал над Европой. Шла “балканизация” Балкан. И если многие идеи, установки, постулаты не получили своего развития или провалились, то объяснение случившегося следует искать, иронически говоря, в “свободе воли”.

Борьба за реальную власть, посты, право представлять истину в последней инстанции – неперемный атрибут начального этапа строительства государственности, в том числе и в Боснии с Герцеговиной, включенных в состав Сербии. Можно возразить, что этот период мог бы быть значительно короче, а восседавший тогда на княжеском престоле Александр I Карагергиевич мог бы сплотить противоборствующих политиков если не монархическим обаянием, то силой своей власти. Да, такая власть была продемонстрирована через провозглашение Королевства Югославии. Что в итоге получил князь? – пулю от террориста македонца в Марселе в 1934 г.

Можно поставить вопрос по другому: представим, что государственное строительство будущего югославского общества осуществляется в обстановке политического согласия и терпимости. Возможен ли такой вариант? В принципе – да. Однако существует лишь одно большое “но” – национализм.

Рассмотрим еще одну альтернативу: движение вместе с Сербией. Вероятно, это был бы самый реальный вариант. В сущности, он предполагался обеими сторонами. И в случае его осуществления в выигрыше оказались бы и Сербия, и Босния с Герцеговиной. Однако та же Хорватия считала иначе, и ее сопротивление, ее сила, авторитет, умение сплотить вокруг себя недовольных сербским Белградом – все это обуславливало продолжение мучительной и кровавой борьбы за освобождение от сербского господства.

И тем не менее, представляется, что если бы король Александр остался бы жив, история Сербии и Боснии с Герцеговиной была бы куда менее драматичной. Более того, сама Сербия получила бы дополнительные козыри в своей политической игре на Балканах. Однако личностный фактор – нетерпимость балканских политиков – сыграл свою негативную роль. Это самое простое объяснение, лежащее на поверхности. Возможен и другой вариант: именно поддержка югославизма вела бы к упрощению самой истории. Именно интересы славянской Сербии требовали подчинения ей тех же боснийских интересов.

После создания Сербии для нее приоритетным становится политическое начало, для Боснии с Герцеговиной – национальное. Это все, конечно, весьма искусственно и схематично, тем не менее заслуживает внимания один вопрос: можно ли было избежать этого своеобразного раздвоения? В принципе это не исключено при соблюдении нескольких условий, главное из которых – создание югославской общности.

Итак, судьба Боснии и Герцеговины, сохранившихся в своих прежних границах, после Первой мировой внешне выглядела более “удачной”, нежели разделенной Македонии. Сербский характер Боснии и Герцеговины доказывался через доминирование сербства, что ясно видно из материалов переписи 1931 г.: православных – 1028139 человек, мусульман – 732082, католиков – 547949 [3. С. 512]. При этом из 53 районов в Боснии и Герцеговине православные обладали абсолютным большинством в 28 районах, мусульмане в 13, католики в шести, имея относительное большинство еще в таком же количестве

районов. Далее, в 1931 г. в городах проживало 360255 человек: православных – 81494 (22, 34%), мусульман – 181254 (50, 43%), католиков – 85682 (23, 38%), остальных – 13825 (3, 85%). Соотношение городского и сельского населения было таково: православное – 7, 93% горожан, 92, 07% селян, мусульманское – 25, 30% и, соответственно, 74, 70%, католическое – 15, 38% и 84, 70% [2. С. 460–361].

Как уже подчеркивалось, в первые годы после образования Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) был решен аграрный вопрос. В Боснии и Герцеговине крестьяне освобождались от прежних земельных повинностей. В 1919 г. свыше ста тысяч крестьян стали владельцами обрабатываемых ими земель. Спустя год крестьянству была передана и большая часть беглукских (помещичьих) земель, некоторые – бесплатно. В распоряжение населения были предоставлены государственные и общинные земли – 330 000 дунумов (примерно – 165 000 га) [4. С. 127]. В 90% случаев хозяевами земли стали сербы. Босняки, как подчеркивает боснийский историк Ш. Филандра, были “ограблены” в пользу сербов [1. С. 65].

Народный представитель Х. Алич иронически замечал, что “в аграрной реформе нет никакой программы... аграрная реформа в Боснии и Герцеговине проводится как борьба креста против полумесяца... Как только дело дошло до народного единства, как только мы пришли к нашему единому государству, сразу у всех землевладельцев в Боснии и Герцеговине была отнята земля, кметовская (кмет – испољщик) ли, частная ли, которая с полным правом зовется беглукской... Сколько было пастбищ в Боснии и Герцеговине, которые принадлежали мусульманским селам ... которыми многие земледельцы пользовались сотни лет, все эти пастбища отняты у мусульман” [4. С. 181]. И тем не менее, земельная реформа состоялась, хотя и за счет мусульманского землевладения, в основном крупного. Однако решение аграрного вопроса еще не обеспечивало стабильного развития сельского хозяйства. Разумеется, в Королевство СХС Босния и Герцеговина вошла, имея огромные природные богатства, экономически активное население и хозяйственный опыт, накопленный за время австро-венгерского управления. Но все это не было в надлежащей мере использовано властями.

Здесь необходимо уточнить, что в стране на каждое крестьянское хозяйство приходилось в среднем 5,5 га обрабатываемой земли [4. С. 149]. При этом отмечу, что в Боснии и Герцеговине горы и леса занимали около 42%, каменистая поверхность – около 30%, равнинная часть – примерно 5%. Три четверти пашни шло под пшеницу [4. С. 127]. В 1939 г. на пахотные земли приходилось только 24% , на луга и выгоны – 26%, на плодовые сады – 1%, а остальные 49% были заняты лесами и кустарниками [4. С. 201]. При этом коллективная собственность, в отличие от личной, находилась в запущенном состоянии. Само село еще не вышло из средневековья. Мусульманин больше верил в личный свой труд, нежели в результаты труда совместного.

В герцеговинском селе в торговле практиковался натуральный обмен. Недостаток денег у крестьянства “порождал” долги. Герцеговинский крестьянин питался кукурузой и картошкой с луком. Масло, сыр, молоко, мед, овощи, фрукты он нес на рынок, чтобы разжиться деньгами и уплатить налоги, купить керосина, мыла и пр. Кредитная политика не удовлетворяла потребностям в торговле и ремеслах, не говоря уже о долгосрочном кредите в промышленности и сельском хозяйстве. Финансовая политика руководствовалась чисто фискальными интересами в ущерб экономическому развитию [5. С. 339].

В 1925 г. наступил кризис сельскохозяйственного производства. В 1926 г. – наводнение в Посавине, в 1927 и 1928 гг. – засуха. Филлоксера уничтожила более половины винограда в Герцеговине [5. С. 302]. “Вечная” торговля сливами в Боснии находилась в упадке вследствие начавшегося экономического кризиса. Среди негативных факторов, влиявших на регресс в сельском хозяйстве, была и монопольная политика государства в производстве табака в Герцеговине: низкие откупные цены разрушали эту многовековую культуру. Тогда на заседании скупщины созыва 1926/1927 г. один из парламентариев, Дервиш Хаджи Осман, всю свою критику обратил на министерство финансов, монопольная политика которого в сфере табаководства в Герцеговине довела до нищеты население (герцеговинцы высаживали примерно 130–140 млн стеблей и производили 4–5 млн кг первоклассного табака. До Первой мировой войны из него делали 42 сорта отличных экспортных сигарет) [4. С. 182].

Относительно других сфер хозяйствования статистика показывала, что в 1927 г. количество различных мастерских, магазинов и прочих заведений осталось на уровне 1913 г. Однако в два раза выросло число питейных заведений. Из 62946 разнообразных предприятий число питейных заведений (каваны и механы) составляло 12199, т.е. около 20% [5. С. 338]. Торговля представляла собой конгломерат мелких организаций с мизерным оборотным капиталом. Их хозяева едва могли сводить концы с концами. Приведу одну цифру. В 1921 г. из 271 предприятия (если их можно так называть) всего 28 принадлежали мусульманам. Из 1378 торговых лавок мусульманам принадлежали 324 [2. С. 365].

Сами ремесла издавна были разделены между теми же мусульманами и христианами. Последние занимались ювелирным делом, трудились скорняками, портными, плотниками, выделывали опанки, седла, одеяла, держали тракторы. Мусульмане были шорниками, мясниками, делали ножи, ружья, содержали харчевни, кофейни [5. С. 362].

Относительно религиозной терпимости следует заметить, что пословица “Брат је мио, које вере био” лукавит, но тем не менее нужно подчеркнуть, что преступления на чисто религиозной почве, по утверждению исследователя С. Бокича, были весьма редки. Обосновывая свое мнение, он приводит примеры паломничества мусульман к христианским святыням в Острожский монастырь, к Богородице Чайничской, а влюбленные всех конфессий зажигали свечи в католической церкви св. Анте в Сараеве. При этом взаимная терпимость или толерантность между мусульманами и православными была гораздо выше, нежели по отношению к католикам. Так, исповедующие ислам и ортодоксальное христианство объединялись для совместных протестов против наступления католицизма. Как далее отмечает Бокич, конфессиональные различия на селе, где крестьяне трех вер жили одной жизнью, меньше, нежели в городе. Надо лишь внести небольшое уточнение: мусульмане и христиане старались жить раздельно, т.е. сами села могли быть мусульманскими или христианскими. Привычной была закрытость жизни в махаллах, цехах, семьях. Немало насчитывалось и тех, которые просиживали жизнь в кафанах и пивных, всегда готовые мгновенно, не раздумывая, сразу и сейчас, отдать себя благородному служению обществу, но через минуту утрачивающие интерес к тому, чему готовы были отдать себя. Встречались и такие интеллектуалы, для которых крестьянин – лентяй и вор, а любая общественная деятельность всегда неблагодарна и безрезультативна заранее [5. С. 362–364].

В Боснии и Герцеговине действовали занимавшиеся урегулированием семейных и имущественных отношений мусульман шариатские суды, находившиеся под защитой финансировавшего их государства. Согласно закону, такой суд мог действовать в районе (срезе) с населением в 5000 мусульман. Самостоятельность мусульман проявлялась и в распоряжении известными всем вакуфами, точнее, получаемыми от них доходами, которые шли на религиозные, религиозно-просветительские, гуманитарные цели. Имамы строго следили за жизнью каждого мусульманина – от рождения до кончины: женщины должны были носить фередж, мужчины – феску, запрещались браки с лицами других вероисповеданий, потребление алкоголя, ростовщичество.

Обилие природных богатств края: гидроресурсы, дерево, камень, уголь, железо и др. руды, наличие уникальных природно-климатических зон для виноградарства и табаководства все же позволяли крестьянину при общей патриархальности ведения сельского хозяйства держаться “на плаву”. Хотя, повторяю, трудностей хватало: в 1926 г. количество крупного рогатого скота было чуть больше половины того, что было в 1896 г. Имелись и положительные сдвиги: деревообрабатывающая промышленность после кризиса находилась на подъеме. “Успехи” в рубке леса можно проиллюстрировать следующими цифрами: с 1895 г. до 1936 г. лесные площади сократились на 260 тыс. га [4. С. 201–202]. Горнодобывающая отрасль хозяйствования связывалась с добычей железной руды, которой к концу 1930-х годов добывалось около 250 тыс. тонн. Работали и угольные шахты: на исходе того же времени выдавалось на гора 1100 тыс. тонн [4. С. 201]. Однако следует заметить, что высокая себестоимость и низкое качество угля приводили к его закупкам за границей [4. С. 128].

Одним из показателей технического прогресса того времени служили железные дороги. В Боснии и Герцеговине он был невысок. За двадцать с небольшим лет было построено лишь несколько линий, как например, Босанска Крупа – Бихач, Требинье – Билеча, Устипрача – Фоча.

Безусловно, для развития промышленности нужны были деньги, но их не было, как и охотников вкладывать туда свои средства. В основном наблюдалось развитие отраслей начальных степеней переработки. Здесь могли бы сыграть свою роль банковские инвестиции. На 31 декабря 1923 г. в Боснии и Герцеговине насчитывалось 37 сербских банков с общим капиталом в 138.524 млн динаров, 11 – мусульманских с капиталом в 48.053 млн динаров, 9 – хорватских, 2 еврейских с капиталом в 19.097 млн динаров, 35 остальных с капиталом в 266.578 млн динаров. При этом мусульмане держали деньги в основном в своих банках. Хотя одно время было и исключение – Первая хорватская сберегательная касса, имевшая свои филиалы в Боснии и Герцеговине. Она на льготных условиях предоставляла кредиты мусульманам-предпринимателям, содействовала в учреждении мусульманских денежных институций [2. С. 364–365]. Безусловно, здесь можно согласиться с тем, что это можно считать одним из путей осуществления влияния Хорватии в Боснии и Герцеговине. При этом значительную роль в хозяйственной жизни Боснии и Герцеговины играли евреи, сосредоточившие в своих руках большую часть средств. Вкладывая их в рентабельные предприятия, они поддерживали в какой-то степени тех, кто эти капиталы создал своим физическим трудом [5. С. 363]. Грамотных было мало.

Просвещение населения подвигалось с большими трудностями: не хватало ни денег, ни школ для ликвидации неграмотности, особенно среди женщин.

Достаточно сказать, что в конце 1920-х годов одна школа приходилась на 3000 жителей, а четыре пятых жителей не имели и начального образования [4. С. 129]. В 1928 г. на конгрессе мусульманских интеллектуалов Й. Шильяк, говоря о положении детей в Боснии и Герцеговине, подчеркнула тот факт, что из 23 тыс. безнадзорных детей – две трети мусульмане [2. С. 367]. Преподавателей готовили три мужские учительские школы в Сараеве, Баялуке и Мостаре, одна женская – в Сараеве (там же была открыта и женская католическая школа и находились два мусульманских учебных заведения) В 1930-х годах в стране было основано еще несколько педагогических училищ. Действовали и профессиональные школы, в частности, училище в Тузле, выпускавшее слесарей-механиков. В Сараеве и Брчко находились две торговые школы, громко именовавшиеся академиями [4. С. 129]. К концу 1928 г. в аграрных Боснии и Герцеговине было всего лишь две сельскохозяйственные школы [5. С. 299]. Для получения университетского образования надо было ехать в Белград, Загреб, Любляну или в другие страны, в ту же Австрию, например.

Тем не менее нельзя сказать, что культура без университетской профессуры и студенчества еле теплилась в условиях патриархальной замкнутости мусульманской среды. В городах худо-бедно выходили газеты, журналы, были открыты театры и кинозалы. В 1926 г. в Сараево была основана действовавшая под опекой государства Мусульманская молодежная организация “Осман Джикич”, насчитывавшая до 700 человек [1. С. 97]. Действовали культурно-просветительные общества: для сербов – “Просвета”, для хорватов – “Напредак”, для мусульман – “Гайрет”, определявшееся как сербско-мусульманское культурно-просветительное общество. Цель “Гайрета” состояла в том, чтобы оказывать помощь в получении образования мусульманской молодежи в средних школах и в университетах. В 1923 г. королевский дом Карагеоргиевичей взял это общество под свое покровительство, назначив престолонаследника Петра его протектором. Но... в 1924 г. в Сараеве возникло новое культурно-просветительское общество “Народная опора”, которое не желало ориентироваться на сербство, вследствие чего было запрещено властями, опасавшимися, что его деятельность будет мешать осуществить сербизацию мусульман через “Гайрет” [2. С. 164–165].

Здесь надо отметить и своеобразную замкнутость мусульманского мира. “Мы, мусульмане Югославии, – подчеркивал М. Мехич, обращаясь к своим единоверцам, – а в особенности из Боснии и Герцеговины, должны сознавать то положение, в котором находимся. Мы – исламская стража в Европе. Тем самым повышается ответственность нашей роли и тяжелее задачи. Иначе говоря, наша задача двояка: во-первых, сохранить свое внутреннее духовное и культурное единство и решить целый ряд культурных, национальных и экономических вопросов, тем самым оправдать название самых культурных мусульман. Другая задача состоит в том, чтобы своими делами показать Европе ислам в свете истины, так как она находится на перекрестке в поисках нового сознания и ориентации жизни. И обе задачи мы выполним, если вернемся к моральной жизни, труду и активности, если вернемся к исламу. В труде за исламское благо должны соединиться крестьянин с гражданином, провинциальный рабочий с интеллектуалом... будем храбрыми мусульманами и победа будет за нами” [6. С. 448].

Но нельзя сказать, что мусульманства не коснулось дыхание реформ, проведенных в кемалистской Турции. В начале 1928 г. в Сараеве мусульманскими

интеллектуалами было основано общество “Реформа”. Однако даже уверения реформаторов в необязательности фереджа и фесок вызывали яростные протесты фундаменталистов, которых было большинство. В 1936 г. они подвергли жесткой критике книгу М. Мулалича “Ориент на Западе”, в которой автор обвинял имамов, дервишей и ходжей в неверном толковании Корана, призывая своих единоверцев пойти вместе с Европой по пути прогресса, чтобы не остаться “последним музеем Ориента” [б. С. 448–449].

Неудача реформистов, как подчеркивает сербский историк Б. Глигориевич, была обусловлена общей атмосферой отсталости – экономической и культурной, хотя понятие “отсталый” неприменимо к культуре. При этом следует отметить, что авторитет религиозного вождя мусульман Боснии и Герцеговины – реис-уль-улема Чаушевича, поддерживавшего реформистов, осуществившего перевод Корана с арабского на сербохорватский, что было святотатством в глазах фундаменталистов, неуклонно падал. В 1930 г. его преемником был избран ходжа хафиз И. Маглайлич, которого в 1938 г. сменил Ф. Спахо, брат мусульманского лидера М. Спахо. Оба верховных руководителя мусульман были сторонниками “подлинного ислама”, т.е. фундаменталистами. В мусульманском обществе все больше утверждалось мнение о том, что реформированный ислам – не ислам [б. С. 449].

Теперь о политике. В первое правительство новообразованного Королевства СХС вошли три представителя Боснии и Герцеговины: У. Круль – от сербов, Т. Алаупович – от хорватов, М. Спахо – от мусульман. При этом в политической жизни сербы, как и везде, выступали за “Великую Сербию”, хорваты – за федеративное устройство страны, лидер мусульман М. Спахо – за автономизацию королевства. В складывавшейся ситуации, когда политические страсти угрожали единству страны, сербский король решился на введение в стране диктаторского режима. 6 января 1929 г. Александр Карагеоргиевич выступил с соответствующим манифестом, в котором парламентаризм обозначил как явление, которое “начинает доводить до духовного распада и народного разъединения”. Высшей целью своего правления и высшим законом страны Александр назвал народное единство и государственную целостность. В итоге, Конституция была практически ликвидирована, запрещены политические партии и общества, самоуправление сведено к нулю, распущена скупщина. Свои действия король оправдывал “высшими народными и государственными интересами и их будущностью”. (В 1931 г. под давлением Парижа, предоставившего Белграду внушительный заем, Александр “подарил” стране октроированную конституцию.) В новое правительство генерала П. Живковича вошли три представителя народов Боснии и Герцеговины – У. Круль, Т. Алаупович, М. Сршкич. Спахо остался в оппозиции вместе с такими сербскими политиками как Б. Чубрилович, М. Тупаньянин, Ч. Коканович. Другие сербы из Боснии и Герцеговины, назову имена А. Шолы, С. Любибратича, В. Грджича, пошли на сотрудничество с властями. Замечу, что мусульмане оставались в оппозиции вплоть до образования в 1935 г. Югославянского радикального объединения во главе с М. Стоядиновичем, А. Корошцем и М. Спахо. Этот политический триумvirат правил страной до образования правительства Цветковича–Мачека. При этом по новому территориально-административному делению Босния и Герцеговина в 1931 г. была разделена на 4 бановины, из них только Врбаска была в основном боснийской по своему составу населения, за исключением нескольких

хорватских срезов (районов). Три остальные: Дринская, Приморская и Зетская включали в себя земли других краев и народов.

Огромную роль в политической жизни мусульман в Боснии и Герцеговине играла уже упоминавшаяся ЮМО и другие различные общества с целью выдвижения и защиты прав мусульман. О необходимости политического объединения боснийцев, подверженных притеснениям и злоупотреблениям властей, впервые высказалась группа “Эль – Камер”. На сараевской встрече интеллигенции различных политических убеждений и направлений была выдвинута прежде всего идея о газете, политической, объединяющей народ, политически его воспитывающей и информирующей [1. S. 66]. В 1920-х годах в политической жизни Боснии выкристаллизовались три течения. Представители первого через свою газету утверждали, что “единственная держава всех южных славян основана на широких демократических принципах с монархической формой и династией Карагеоргиевича” и выступали за преимущественное использование принципа автономии в государственном административно-территориальном устройстве в форме, например, французских департаментов. Второе течение представляла группа вокруг газеты “Време”, которая выступала за государственное единство, придерживаясь мнения, что боснийцы будут “от всего сердца” участвовать “в свободном демократическом строительстве – единой державы сербов, хорватов и словенцев, которая актом от 1 декабря 1918 г. провозглашена единым королевством под народной династией Карагеоргиевичей”. Третье течение составляла тузланская мусульманская организация муфтия Хафиза Ибрахима эфенди Маглаича. Она поддерживала народное единство сербов, хорватов, словенцев в единой державе Югославии на основе декларации от 1 декабря 1918 г. и выступала за сохранение существующих краевых границ с их автономными представительствами и особыми краевыми управлениями, если оно не затрагивает государственного единства. Итак все три были за монархию и ее единство, различия наблюдались в уровне самостоятельности краев. При этом подчеркивалась необходимость строительства организации на конфессиональной основе, так как “народ не осознает своего племенного имени” [1. S. 68, 69].

М. Спахо в 1923 г. писал “Многие упрекают, что мусульмане Боснии и Герцеговины объединились в одну политическую партию, и придали ей конфессиональную окраску. Это делают особенно те, кому недостаточно известны обстоятельства возникновения и развития нашей организации. Хотя сразу в начале создания нашего государства был объявлен принцип полного равноправия всех граждан без учета вероисповедной и племенной принадлежности, хотя этот принцип позже внесен в основной закон нашего государства, он у нас не применялся, и мы должны были сразу в начале нашей государственной жизни почувствовать, что этот принцип для нас не действует. Ни жизнь, ни имущество, ни личная свобода, ни даже религиозные святыни мусульман, ни тогда, ни сейчас, не были защищены в должной мере в правовом государстве. Все это было главными причинами возникновения нашей организации в 1919 г.” [1. S. 70].

Национальный вопрос был самым проблематичным в ЮМО. Была принята правительственная теория об едином тройственном народе и тем самым курс на “национализацию” мусульман в сербском или хорватском, даже словенском смысле. В программе ЮМО в первом пункте говорилось: “Работа в этом направлении должна базироваться на терпимости и осмотрительности, миролюбии и эволюции. И поэтому мы против всякой бездушности и страст-

ности, а особенно против насилия и ... племенного имени. Будем сближаться, но никоим образом не делиться. Югославизм считаем наиболее удачным средством сближения и единения” [1. S. 70]. В то же время мусульманство ощущало свою особость и необходимость политической организации для защиты своих интересов. Руководство ЮМО четко заявило: “Мы, мусульмане, хотим прежде всего объединиться как мусульмане, чтобы с нами считались как с сильной общностью, которую должно всегда уважать и которая не даст топтать свои интересы” [1. S. 71].

Однако во время принятия Конституции боснийцы не посмели пойти на прямую конфронтацию с Белградом со своими требованиями краевого устройства государства, территория которого делилась бы на Сербию, старую Сербию с Македонией, Боснию и Герцеговину, Хорватию и Славонию с Истрой и Меджумурьем, Черногорию с Бокой и Приморьем, Далмацию, Срем с Бачкой и Словению с Прекомурьем [1. S. 79–80]. В письме к Н. Пашичу говорилось, что мусульмане готовы рассматривать правительственное предложение по решению внутреннего устройства государства с условием, “чтобы была сохранена компактность территории, населенной мусульманами” [1. S. 77–78]. Целостность боснийско-герцеговинской территории по ст. 135 Видовданской конституции была самой большой компенсацией мусульманам Боснии и Герцеговины за сотрудничество в принятии основного закона. По Конституции королевство было поделено на 26 областей, только Босния и Герцеговина остались в прежнем состоянии. Спахо утверждал, что ЮМО пошла на компромисс, оставив в стороне идею автономии, потому, что в противном случае Босния и Герцеговина подлежали бы разделу: одна часть отошла бы в Славонию, Срем или в Мачву, другая – в Лику, третья – в Далмацию и Черногорию. Все это было чревато тем, что мусульмане бы растворились в других народах [2. S. 93].

К 1922 г. стал ясно виден раскол внутри ЮМО по вопросу сотрудничества с Белградом. Группа Маглаича из девяти человек, выделившаяся вначале во фракцию, а потом в Югославскую мусульманскую народную организацию (ЮМНО), была за сотрудничество с правительством, считая это политически выгодным для Боснии и боснийцев. М. Спахо придерживался другого мнения. ЮМО постепенно приходила к убеждению, что сербы боролись за централистское устройство не для усиления державы, а с целью обеспечения своей власти: “Полное господство сербов во всех государственных институтах, покровительство православию, ... возбуждение политических судебных процессов против мусульман, ухудшение экономической ситуации – это только некоторые причины, которые не позволяют Югославской мусульманской организации участвовать в правительстве” [1. S. 83]. ЦК ЮМО на своем заседании от 14 апреля 1922 г. подтвердил позицию Спахо и его сторонников о “возвращении к автономистской программе во внутреннем устройстве государства” [1. S. 84]. В этой ситуации, в условиях отказа от сотрудничества с правительством и, соответственно, проведения соглашательской политики с сербами, ЮМО должна была искать новых союзников. При этом ее конкурент – ЮМНО – была не согласна с оценкой своего курса как централистского. Централизм для большинства мусульман Боснии и Герцеговины означал прорежимную, просербскую деятельность. Сам Спахо для них выступал как ревизионист, деятельность которого способствовала хорватскому сепаратизму, а не боснийцам. Маглаич считал, что ЮМО с хорватским блоком “не может слиться ни в тактике, а тем более в политических целях. Они в огромном большинстве респуб-

ликанцы, а мы монархисты. Они углубляют пропасть между сербами и хорватами, а мы бы хотели его засыпать. Наша программа говорит о трех племенах одного народа, а они о трех народах. Наша политика югославская: осуждает сербский экстремизм и не направлена против хорватов, в то время как их политика все больше антисербская” [1. S. 85]. Однако ЮМНО была слишком малочисленной и не обладавшей влиянием ЮМО: в 1923 г. ЮМНО терпит неудачу на выборах и сходит с политической сцены. Тогда же в королевстве оформился блок федеральных сил с целью ревизии Конституции и переустройства государства в федерацию. Мусульман Боснии и Герцеговины, словенцев и хорватов в нем представляли Спахо, Корощец и Радич.

Тактика Спахо, поставившего во главу угла достижение автономии, заявления на эту тему, – все это вызывало болезненную реакцию у его политических оппонентов. Так, профессор Д. Тунгуз-Перович подчеркивал, что, дескать, православные сербы боролись не за “какие-то ерундовые автономии”, а – расшифровывая туманный смысл его фразы – за присоединение Боснии и Герцеговины к Сербии и Черногории. Тунгуз-Перович предупреждал Спахо, что национальная история Боснии и Герцеговины покоится исключительно на “православном элементе, который единственно национально определен”, что “Сербия давала полтора миллиона жизней своих лучших сыновей не за автономию Боснии и Герцеговины”, а – за их освобождение и кратчайший путь через их территории к Адриатическому морю [2. S. 146].

В 1935 г. образовалось Югославское радикальное объединение, в которое вошли сербские радикалы, словенская народная партия и ЮМО. В стороне оставались лишь хорваты, которые не желали “идти в ногу” с Белградом. Причина соединения, по романтичному высказыванию М. Спахо, заключалась в необходимости “внести мир и взаимную любовь между находящимися до настоящего времени в ссоре братьями” [1. S. 103]. По сути, боснийцы поддерживали идею югославизма, так как она ослабляла, по их мнению, сербский и хорватский национализм.

Однако “благородная идея” опять терпела крах. В августе 1939 г. между премьером Югославии Д. Цветковичем и представителем Хорватии В. Мачеком с согласия принца-регента Павла было достигнуто давно желанное хорватами соглашение о создании новой бановины Хорватии, в состав которой вошли 13 боснийско-герцеговинских срезов (районов). Их площадь составляла 11403 кв. км с населением 616997 человек. 144 тыс. мусульман из Дервенты, Травника, Фойницы и др. мест оказались вне границ Боснии и Герцеговины. Часть, которая осталась вне Хорватской бановины, должна быть стать жупанией в рамках Сербской бановины с центром в Крагуевце. Это был первый раздел Боснии и Герцеговины, которым не были довольны ни сербы, ни мусульмане. Эта уступка, сделанная в преддверии войны, по сути дела может быть охарактеризована как один из ее предварительных результатов.

После отставки премьер-министра М. Стоядиновича, бывшего инициатором создания Югославского радикального объединения, в новое правительство Д. Цветковича вошел от Боснии Д. Куленович, о котором говорили, что он хорватский националист и человек из окружения В. Мачека. (После смерти Спахо в 1939 г. он был единогласно избран его преемником в Югославском радикальном объединении. В Независимой державе Хорватии (НДХ) назначен зампредом правительства и занимал этот пост до 1945 г. Эмигрировал в Сирию, умер в 1956 г.). Вначале Куленович старался подчеркнуть свою некую

преимущество курсу, проводившемуся Спахо. Новый лидер мусульман Боснии и Герцеговины в своем заявлении 6 ноября 1939 г. в связи с соглашением Мачека–Цветковича подчеркнул необходимость создания связующей сербов, хорватов и словенцев четвертой территориальной единицы для боснийцев, которая, находясь в старых границах Боснии и Герцеговины, стала бы своеобразной гарантией сохранения и упрочения Югославии, “пьемонтом югославянства” [1. S. 107]. Д. Куленович убеждал мусульман, что в будущем Босния и Герцеговина получат особый статус.

Свое отношение к соглашению имело и население Боснии и Герцеговины. В Сараеве 24 ноября 1939 г. было выдвинуто требование автономии в исторических границах Боснии и Герцеговины, в которых гарантировалась бы полное равноправие всех жителей [1. S. 107–108]. “Тайрет” также поддержал автономистов, подчеркивая, что “соглашение сербов и хорватов не будет праведным и полным, если миллион мусульман славянской крови и языка не будет удовлетворен” [1. S. 111]. 20 ноября в Тузле образован инициативный комитет по организации движения за автономию. 25 ноября на встрече в Травнике мусульмане поддержали идею об автономии. Баня Лука последовала их примеру [1. S. 113].

30 декабря 1939 г. при участии Куленовича состоялись два совещания влиятельных горожан Сараева, итогом которых стал выбор инициативного комитета Мусульманского движения за автономию Боснии и Герцеговины. Одновременно было принято решение об основании самого движения как национальной и надпартийной организации.

Сербы, еще раз подчеркну, были резко против автономного статуса Боснии и Герцеговины, считая их сербскими землями. В этой связи следует затронуть деятельность Сербского культурного клуба (СКК), чей статус был официально утвержден в январе 1937 г. Духовными творцами СКК были белградские сербы из Боснии и Герцеговины – В. Чорович, историк, профессор философского факультета, Д. Грджич – культурный и общественный деятель. Причем деятельность СКК наиболее активно развернулась в пограничных областях, где сербство – его национальный и духовный компоненты – было подвержено “чуждым влияниям”. В качестве примера можно назвать территорию Боснии и Герцеговины, которые с их доминирующим сербским населением представляли для деятелей СКК своеобразный щит от поползновений того же Загреба.

В 1941 г., после распада Югославии, Босния и Герцеговина были включены в состав НДХ, а мусульманские лидеры в усташское правительство в Загребе. Италия по соглашению с НДХ заняла Герцеговину, хотя формально вся территория Боснии и Герцеговины вошла в Хорватию. Некоторые части Боснии и Герцеговины вошли в состав жупаний, центры которых находились на других территориях. Только в трех жупаниях главами администрации – великими жупанами – были мусульмане-босняки. Примерно такая же ситуация была и в других государственных органах власти [7. С. 83].

Мусульман Боснии и Герцеговины новые власти считали “хорватами исламского вероисповедания”. Один из лидеров усташей министр богословия и просвещения М. Будак заявлял, что боснийские мусульмане в расовом отношении самые чистые хорваты. В газете “Hrvatski narod” от 28 мая 1941 г. говорилось: “Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы увидеть, что Хорватия, Славония и Далмация – лишь края исторической Хорватии, сердце которой – Босния и Герцеговина” [1. S. 158–159]. Но были и другие “открыве-

ния”: усташская политика, по словам фратара Б. Брале, сказанными в Зенице в марте 1942 г., сводилась к следующему: “Мы с винтовкой и ножом в руках истребляем биологических сербов, и нам удалось с нашей мудрой политикой, чтобы сербы истребляли мусульман. Остаток мусульман мы сами ликвидируем” [1. S. 159].

Новая власть хорватов была многими мусульманами воспринята “летаргично”, как очередная чужая власть. Но были и такие, которые еще раньше национально определились как хорватские боснийцы, поступившие на службу новому государству. Так, братья О. и Д. Куленовичи входили в узкий круг руководителей правительства. Боснийцы были министрами, членами парламента. Председателем Верховного суда в 1944–1945 гг. был А. Угльен. Многие боснийцы возлагали большие надежды на то, что с основанием НДХ будут созданы условия для свободной духовной, экономической и политической жизни. Отличным показателем настроений боснийской интеллигенции служили прохорватские публикации, воспевавшие “свободную Хорватию”. М. Ханджич, выступая от имени Исламского конфессионального объединения, заявил: “Неограниченная Божья воля хотела нам в эти бурные военные времена предоставить в виде благодати Независимую державу Хорватию... и хотя мусульмане в Югославии как государствообразующий элемент показывали полную лояльность, но всегда рассматривались как граждане второго сорта”, на них смотрели “как на каких-то иностранцев, от которых любым способом нужно избавиться” [1. S. 161].

Но были и другие мнения и оценки происшедшего. В воззвании Мусульманского народного комитета в Сараеве 1 декабря 1941 г. утверждалось: “1. Мусульмане не принимали участия в создании усташского государства, которого они не желали, но приняли как меньшее от рабства зло. 2. Мусульмане свое возмущение против усташских насилий и кровавых преступлений, которые и они терпят, публично высказывали в многочисленных письмах, резолюциях”. Подчеркивалось, что ни горстка мусульманского сброда, находящегося в усташских колоннах, ни участие некоторых интеллектуалов в усташском движении не могут послужить причиной для того, чтобы взвалить всю ответственность на всех остальных “невинных и чистых мусульман” [1. S. 163].

В 1941 г. получил широкую известность документ “Мусульманские резолюции” – антифашистские протесты боснийского населения из многих мест, например, Сараева, Биелины, Приедора, Зеницы, Тузлы, Мостара, Баня Луки. Эти “резолюции” возникли как способ выражения “недовольства большинства мусульман фашистской системой национальной, вероисповедной и расовой дискриминации” [1. S. 183]. В НДХ многие боснийцы видели оккупационный, преступный режим. Дополнительную остроту ситуации придавали политизированность, раскол, разделение общества. Национальная и государственная идея покрывались “туманом”, чтобы дать импульс к борьбе. Босняки во время войны боролись зачастую за физическое выживание. Их объединял страх за свое существование. Мусульмане страдали и от четников, итальянцев, немцев, “черного интернационала”. Властвовала политическая раздробленность. Боснийцы входили в усташские формирования, мусульманские легии и в милицию, в партизанские отряды, даже в четнические силы и пр. И соответственно – в усташских частях сражались за сохранение этнически чистой НДХ, в четниках – за этнически гомогенную Великую Сербию, в партизанах Национально-освободительного движения за освобождение страны от иностранных оккупантов и

коллорационистов, в мусульманской милиции за оборону своего физического и духовного бытия. Не было только вооруженной борьбы за Боснию и Герцеговину.

И тем не менее 26 августа 1942 г. на конференции большинства боснийских объединений и организаций граждан был создан комитет “Народного спасения” для нахождения методов и средств выживания. Непосредственным поводом для основания комитета послужило убийство четниками в 1942 г. нескольких тысяч мусульманских гражданских лиц в Фоче. Это событие показало еще раз незащищенность мусульман в НДХ. Именно четнические ужасы заставляли босняков создавать свои вооруженные организации для физического выживания – “мусульманские милиции” – А. Хашича и Х. Гонджича около Кладня, Хаджиефендичева легия в Тузле, Ченгичева милиция в Фоче, Д. Тановича в Гацко, Э. Субашича в Горажде и Чайниче и т.д. [1. S. 179]. Велся поиск сторонников среди немцев, итальянцев, особенно среди исламских народов. Центральной задачей в тех условиях стали сбор сведений о преступлениях против боснийцев и информирование мировой общественности. Через правительства исламских государств, особенно Египта, “Комитет спасения” хотел обратить внимание западных держав на страдания босняков и просить помощи. В частности, была установлена связь с иерусалимским муфтием Эль-Хусейном, через которого были переданы материалы о страданиях босняков египетскому королю Фаруку, королю Аравии Абдул-Азиз Сауду, имаму Йемена Яхью и главе египетского кабинета министров Нахас-паше. Следует отметить, что правительство Египта выделило 20 тыс. египетских фунтов на помощь единоверцам в Боснии. Египтяне также сообщили соответствующую информацию в международный Красный Крест, требуя его вмешательства. Нахас-паша оповестил правительства Великобритании, США, СССР и Королевства Югославии, выступая против убийств невинного мусульманского населения Боснии. Ханджич письменно обращался и к главе Турецкой Республики И. Иненю с просьбой о посредничестве в переговорах с союзническими державами о предотвращении бомбардировки Сараева как пограничного города ислама в Европе. Участник тех событий М. Тральич, оценивая деятельность комитета, выделяет три компонента его работы: 1) через комитет шла информация исламского мира о положении мусульман в Боснии; 2) комитет оказывал материальную помощь, в том числе и в области вооружения, мусульманам, защищавшим свои дома; 3) комитет представлял собой единственную форму организованной самопомощи, что было важно в психологическом смысле, а также имело значение для политического самоутверждения [1. S. 168].

В ноябре 1942 г. был отослан “Меморандум Фюреру немецкого народа”, авторство которого приписывается окружению одного из мусульманских лидеров – У. Хаджихасановича. В тексте излагались “готско/неславянское происхождение бошняков, история особости Боснии и нападений на нее”, но главное было в просьбе помочь в образовании “Жупы Босны” с центром в Сараеве. Ее глава назначался бы Гитлером. Она имела бы свое войско во главе с М. Хаджиефендичем, оснащение которого и обучение солдат брала бы на себя Германия. Соответственно усташская власть в жупе прекращалась. Взамен четырех уступаемых Италии районов на юге Боснии, жупа получала бы выход к морю через Меткович в Плоче. Население жупы включало бы: 925 тыс. босняков, 500 тыс. православных сербов, около 225 тыс. хорватов католиков. Иными словами, планировалось создание многонациональной и поликонфес-

сиональной Боснии с уровнем самостоятельности как у Павеличевской Хорватии и Недичевской Сербии [1. S. 174–175].

Но немцам не нужна была самостоятельная Босния, которую уже получила Хорватия. Единственным результатом этого предложения стало образование в 1943 г. боснийской СС-дивизии, в которой мусульманство видело защиту от тех же четников. Однако боснийцы будут обмануты и разочарованы немецкой политикой: вербовка в дивизию шла насильно, а ее акции характеризовались “преступными приказами борьбы против других народов, а не задачей защиты своего бытия” [1. S. 175]. К 1944 г. дивизия Ханджар практически прекратила свое существование, многие ее бойцы пошли в партизаны [7. С. 86].

Известность получила и инициатива торговца из Тузлы М. Хаджиефенди-ча, который основал и возглавил в самом начале войны Добровольческий домбранский полк численностью в пять–шесть тыс. воинов по защите мусульман от четников. В конце войны в ряде боевых операций против “народно-освободительного движения” эта легия действовала с немецкими военными частями [1. S. 174].

Здесь можно вспомнить еще один анонимный документ, относящийся к концу 1944 г. и предназначенный, безусловно, для иностранной общественности. В нем подчеркивалось, что Босния – интерконфессиональное государство и только таким может быть. При этом немцы обвинялись в том, что по отношению к мусульманам они не показали ни понимания, ни внимания. Утверждалось, что под защитой немцев четники в Боснии совершали массовые убийства мусульманских женщин, детей, стариков, разоряли мусульманские села. То же творилось в Герцеговине и в восточной Боснии при попустительстве итальянцев. Утверждалось, что только демократический порядок дает возможность жизни и равноправного развития всем национальным, социальным и конфессиональным общностям. При этом особо отмечалось, что деление или присоединение боснийско-герцеговинской территории к сербам или хорватам вело бы к вечной смуте между этими двумя народами [1. S. 176–178].

В архивах хранится еще один подобный проект, принадлежащий народному парламентарии, одному из лидеров ЮМО Гавранкапетановичу. Опровергая точку зрения, что Боснией можно управлять только извне, автор писал, что в Боснию приходит извне лишь зло [1. S. 178–179].

Здесь можно вспомнить и проект М. Хаджихича (1944), переданный в лагерь антигитлеровской коалиции. В нем подчеркивалась абсолютная невозможность разделения Боснии и Герцеговины на сербскую и хорватскую области. “Мы утверждаем, – отмечалось в документе, – что боснийцам долгим опытом удалось создать действительно идеальный состав, который ценился в отношениях между конфессиями. Он в слове “комшилик” (соседство, двор), который в Боснии поднят до уровня культа”. Как пишет Ш. Филандра, Югославское королевское правительство за рубежом представляло боснийцев как германофилов, членов пятой колонны, слуг оккупантов и пр., а усташи с фотографией А. Павелича с феской на голове – сеяли ложь о равноправии боснийцев. По Хаджихичу, западные силы должны защитить боснийцев, хотя бы ради своих интересов в исламском мире [1. S. 181]. Во всех этих документах прослеживается тезис о единстве Боснии, единстве в различиях – национальных, конфессиональных.

Безусловно, на территории бывшей Югославии в борьбе против оккупантов и коллаборационистов отличались коммунисты. В коммунистическом

движении Босния считалась кузницей братства и единства сербского и хорватского народов. В то же время много было примеров того, что в начале войны боснийские коммунисты, участвуя в народно-освободительном движении, должны были скрывать свое мусульманство. Равным образом коммунисты, использовавшие сербские базы, должны были утаивать национальную принадлежность своих командиров – мусульман и хорватов [8. С. 53]. При этом само движение часто не показывало себя защитником интересов боснийцев, как например в 1941–1942 гг. в северо-восточной Боснии. Но со временем ситуация менялась. На скупщине Антифашистского веча народов Боснии и Герцеговины 25–26 ноября 1943 г. было записано в резолюции, что вече хочет видеть Боснию и Герцеговину свободными и братскими, а их народы “будут равноправно участвовать с остальными нашими народами в строительстве народной демократической федеративной Югославии”. В 1944 г. 34 имама Боснийской Крайны в своем обращении к боснийскому народу призвали к партизанскому движению [1. S. 190].

Заполучить боснийцев хотели и четники, которые их истребляли. На четническом конгрессе в январе 1944 г. были приняты предложения по работе с боснийцами. Судя по программе, выдвинутой четниками, в будущей монархии во главе с династией Карагеоргиевичей Босния и Герцеговина должны были войти в сербскую федеральную единицу. При этом сами мусульмане в ней создадут себе надлежащее место. Для осуществления этого плана начала издаваться газета, в которой Д. Михайлович регулярно обращался к “братьям-мусульманам”. Среди самих боснийцев были и просербски настроенные лица. Так, в Герцеговине ими была создана Мусульманская национальная военная организация, выступавшая за союз мусульман и православных [1. S. 191].

Следует упомянуть здесь и имя М. Пандже. Он известен своим обращением 1943 г. к “Братьям мусульманам”, в котором, обвинив усташей в убийстве 150 тыс. боснийцев, он подчеркивал: “Босния и Герцеговина столетиями жили самостоятельной жизнью. Народ без различия вер жил в согласии и в братском мире. Поэтому вернемся в то светлое время, когда жизнь протекала в мире и во взаимной терпимости. Навязанная нам усташская хорватская власть принесла Боснии самое большое несчастье. Сбросим эти ужасные оковы и не будем терпеть усташскую власть. Наше многовековое стремление – автономная Босния, в которой одинаковые права будут иметь все, без различия вер, мусульмане, православные и католики. Рвем все связи с хорватами. Босния и Герцеговина требует особое собственное управление до завершения войны, а на будущей мирной конференции будет сообразно воле народов Боснии и Герцеговины определен ее статус”. Панджа основал и мусульманское освободительное движение, но его результаты были весьма скромными. Сам он был схвачен партизанами и передан немцам, которые его выдали усташам [1. S. 191–192].

За время военных действий на территории Боснии и Герцеговины погибло 179 тыс. человек, из которых 72% составляли сербы, 16,5% – мусульмане, 4,4% – хорваты. Спасая свои жизни, покинули Боснию и Герцеговину до 200 тыс. сербов [9. С. 220].

Стоит заметить, что уже с начала освободительного движения шли дискуссии о будущем статусе Боснии и Герцеговины. Одни видели в них автономную область, присоединенную к Сербии или к Хорватии. Другие – автономное образование, но с меньшими правами, нежели остальные федеративные образования. Третьи – страну, обладающую тем же статусом, как и остальные, буду-

щие республики, сформированные на национальной основе. В обсуждении от боснийских коммунистов участвовали Р. Чолакович и А. Хумо, а от имени коммунистического руководства Югославии – М. Джилас, С. Жуйович, М. Пияде. Боснийская сторона выступала за равноправие Боснии и Герцеговины, другие выходили с предложениями, ограничивающими статус страны. И.Б. Тито поддержал боснийцев, т.е. республику [1. S. 187]. Тем самым Боснии и Герцеговине была возвращена государственность в “новой свободе”.

В конце ушедшего времени, но не памяти, наступило очередное “освобождение” от “сербского бремени” с заменой его на европейское управление, а баз Югославской Народной Армии – на американские. Однако произошедший раздел Боснии и Герцеговины не может не вызвать в недалеком будущем очередного освобождения – полного и окончательного. А сейчас народы готовятся к новой схватке: у них еще остались настоящие мужчины. Но... я могу как-то поверить в необратимость произошедшего, когда будет восстановлен мост в Мостаре, а дети мусульман и христиан будут вместе играть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Filandra Š.* Bošnjačka politika u XX stoljeću. Sarajevo, 1998.
2. *Purivatra A.* Jugoslovenska muslimanska organizacija u političkom životu Краљевине srba hrvata i slovenaca. Sarajevo, 1977.
3. *Димић Љ.* Културна политика Краљевине Југославије 1918–1941. Први део. Београд, 1996.
4. *Благојевић О.* Економска мисао у Босни и Херцеговини (до другог свјетског рата). Београд, 1993.
5. Напор Босне и Херцеговине за ослобођење и уједињење. Сарајево, 1929.
6. *Глигоријевић Б.* Између православља и католицизма – Ислам у Југославији 1919–1941 // Ислам, Балкан и велике силе (XIV–XX век). Београд, 1997. Међународни научни скуп 11–13 децембар 1996.
7. *Романенко С.А.* Југославија: кризис, распад, војна. Образование независних држав. М., 2000.
8. *Иванова В.* Националната идентичност на Босненско-херцеговинските мусулмани във ФНРЮ (1946–1961) // Историческо бъдеще. София, 2000.
9. *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000) М., 2001.

© 2004 г. *О.Н. ИСАЕВА*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАКЕДОНИСТИКИ

Основной проблемой македонистики – сравнительно молодой ветви славяноведения – является проблема возникновения и развития македонской нации. Хорошо известно, что уже многие десятилетия такие вопросы, как: кто такие македонцы, когда появилась македонская нация, какие факторы способствовали ее возникновению – являются предметом острой дискуссии, вышедшей за рамки научного мира и охватившей политические и общественные круги стран балканского региона.

Отметим определенные результаты исследований в этой области различных национальных школ и положения, которые вызывали и продолжают вызывать наибольшую полемику.

Прежде всего, необходимо вкратце определить суть вышеназванной проблемы, часто называемой македонским вопросом, и основные этапы ее развития. Можно вполне согласиться с мнением С.А. Романенко, что «признание или непризнание существования македонцев как народа и нации с правом на национальное самоопределение, включая и образование собственного государства, составляет суть так называемого “македонского вопроса”, который отравлял международные отношения на Балканах с середины XIX века» [1. С. 488].

К началу XX в. македонский вопрос превратился в самую острую региональную проблему, имевшую не только геополитическое, но и национальное содержание. К этому времени Македония – сердцевина Балкан с чрезвычайно смешанным в этноконфессиональном отношении населением стала не только центром антиосманской борьбы, но и “яблоком раздора” между соседними государствами, местом их ожесточенной борьбы “за землю и кровь”. Как известно, болгары считали славян Македонии частью своего народа, сербы – своими сородичами, а греки – “славофонами” (славяноговорящими греками).

Болгарская, греческая, сербская пропаганда обострили проблему национальной самоидентификации славянских жителей Македонии, ускорили процесс формирования новой южнославянской нации – македонской, развивавшейся более медленными темпами по сравнению с соседними. Ситуацию усложнило развитие на этой и сопредельной территории албанского национального движения, находившегося примерно на той же стадии развития, что и македонское.

В ходе кровопролитных региональных войн 1912–1913 гг. македонский вопрос – этот гордиев узел Балкан – был разрублен, подрегион был разделен на

три части между Грецией, Сербией, Болгарией. В пропорциональном отношении Эгейская Македония, доставшаяся Греции, охватывает более половины территории историко-географической области, Вардарская Македония, отошедшая Сербии, – примерно одну треть, а Пиринский край, полученный Болгарией, – ее десятую часть. Территориальные границы, разделившие Македонию в 1913 г., с незначительными изменениями существуют и поныне.

Раздел территорий и начавшаяся там политика принудительного переселения и ассимиляции местного населения стали для македонцев наиболее драматичными событиями XX в. С этого времени главной целью радикального течения македонского национального движения стало объединение всех трех частей в единое государство.

В годы Второй мировой войны, когда произошел очередной передел македонских территорий, вызвавший повторную волну насилий и притеснений на национальной почве, возникли различные варианты решения македонской проблемы. Один из них был связан с болгарской оккупацией большей части сербских и греческих владений в Македонии. Другой вариант был инициирован югославскими коммунистами, возглавившими борьбу с оккупантами. Его реализацией стали решения Антифашистского собрания народного освобождения Македонии (АСНОМ) от 2 августа 1944 г. об образовании Народной Республики Македония как субъекта югославской федерации. Первое национальное собрание провозгласило своей задачей объединение всего македонского народа и выразило надежду, что участие македонцев Болгарии и Греции в антифашистской борьбе создаст предпосылки для этого объединения [2. С. 678].

После освобождения Вардарской Македонии были реально заложены основы македонской государственности. Появление собственного парламента и правительства, своя, самостоятельная организация жизни македонцев содействовали не только их политическому самоопределению, но и сохранению национальной культуры и языка. Служебным языком новой республики объявлялся македонский народный язык. Сложность и деликатность ситуации заключалась в том, что на тот момент этот язык не был до конца сформирован, а число образованных македонцев в Вардарской части области едва достигало одной тысячи [3. С. 238]. Только в мае 1945 г. специальной комиссией был утвержден македонский алфавит, а чуть позже определена и грамматика македонского языка. Работа по кодификации македонского языка продолжалась длительное время, что нашло отражение в орфографических кодексах 1950 и 1970 гг.

С 1945 г. термин “македонец” стал официально употребляться в качестве этнонима новой нации в ФНРЮ (с 1963 г. – СФРЮ), составившей большинство Народной Республики Македония (позднее – Социалистической Республики Македония). О македонцах заговорили как о самой молодой славянской нации, рожденной в условиях Второй мировой войны. Правда, в самой Республике Македония, объединившей большую часть новой нации, не забывали напоминать о глубоких исторических корнях последней.

В первые послевоенные годы македонская идентичность была признана и в Пиринском крае Болгарии, где стали осуществляться меры по обеспечению культурной автономии македонцев. Тогда эти действия болгарских властей связывались с планом объединения трех частей Македонии в рамках южнославянской или балканской федерации. Реализации этого плана, поддерживаемого Москвой, помимо договоренностей между югославскими и болгарскими лидерами должна была содействовать и победа греческих коммунистов в

гражданской войне. Советско-югославский конфликт, начавшийся в 1948 г., окончательно похоронил этот проект, а поражение греческих коммунистов в 1949 г. привело к дальнейшей эмиграции македонцев из Эгейской Македонии, бывшей основным очагом гражданской войны.

С конца 1940-х годов македонская проблема, оставаясь дестабилизирующим фактором балканской политической жизни, перешла в плоскость обсуждения прав македонского национального меньшинства в Болгарии и Греции. Выступления Белграда (Скопье) в защиту прав македонцев в соседних странах вызывали у последних подозрения в посягательстве на принадлежащие им части македонских территорий.

Болгарские власти, хотя и свернули после 1948 г. преподавание македонского языка в Пиринском крае, до середины 1950-х годов продолжали рассматривать местных македонцев как особую этническую группу на правах национального меньшинства. После апрельского пленума ЦК БКП 1956 г. началось сначала косвенное, а затем прямое отрицание наличия македонцев в Пиринском крае¹. Македонцев, живущих в Югославии, стали рассматривать как нацию искусственную, созданную по политическому заказу, а потому ущербную и нежизнеспособную. На позицию болгарских политиков и ученых очень сильно влияла национальная традиция, в силу которой большинство населения Болгарии смотрело на славянское население Македонии как на неотъемлемую часть болгарского народа.

В 1968 г. болгаро-югославская полемика по македонскому вопросу вылилась в настоящую кризисную ситуацию с элементами военной истерии. Этому способствовало не только пышное празднование 90-летия освобождения Болгарии от османского владычества, всколыхнувшее в обществе память о включении в Сан-Стефанские границы почти всей Македонии. Свою роль сыграл и чехословацкий кризис 1968 г., в частности участие Болгарии в военной акции стран ОВД против Чехословакии. В Белграде не исключали возможности проведения против Республики Македония подобной акции, идеологическое обеспечение которой выполнила брошюра по македонскому вопросу, изданная в Софии огромным тиражом в ноябре 1968 г. [6]. В ней Македония характеризовалась исключительно как географическое понятие, обозначающее одну из составных частей исконно болгарской территории. Прямо утверждалось, что македонского народа не существует, что две трети населения Республики Македония составляют этнические болгары, в отношении которых проводится политика денационализации, включая и создание искусственного македонского языка. С обеих сторон стали вестись военные приготовления, начались взаимные обвинения в территориальных притязаниях, во вмешательстве во внутренние дела, в попрании международного права. Подобные отношения, с небольшими изменениями, сохранялись фактически до конца 1980-х годов.

Образование после распада югославской федерации в 1991 г. независимой Республики Македония стало новым, очень важным этапом национально-государственного строительства. Оно, правда, не положило конец долгим спо-

¹ При проведении в 1946 г. переписи населения Болгарии примерно 70% населения Пиринского края воспользовалось впервые появившимся правом записаться македонцами. При переписи 1956 г. 63,7% населения края (177789 человек) заявили о себе как о македонцах (см.: [4. С. 106, 110; 5. С. 28]). Однако в вышедшем в 1961 г. "Статистичен годишник на НРБ" уже не было рубрики о национальном составе и не упоминалось о македонцах.

рам вокруг македонской нации. Болгария, хотя и признала первой суверенитет нового государства, по-прежнему отказывалась видеть в славянском населении Македонии отдельную нацию и в связи с этим не признавала существование самостоятельного македонского языка, считая его диалектом болгарского. Языковая проблема, надолго заморозившая развитие межгосударственных отношений, была разрешена только в конце 1990-х годов, когда было принято компромиссное решение, что документы будут подписываться на “официальных языках двух стран”.

Первая половина 90-х годов XX в. была временем наибольшего обострения греко-македонских отношений. Греция, как и Болгария, была недовольна статьёй конституции Республики Македония, в которой говорилось о праве Скопье защищать статус и права македонского народа в соседних странах. Афины выступили с протестом против названия новой республики, усмотрев в нем притязания на часть одноименной греческой территории (Эгейской Македонии). Греческая сторона, упорно отстаивая “греческий идентитет” Македонии как историческую очевидность, обвиняла Скопье в посягательстве на культурное наследие, принадлежащее только грекам [7. С. 88–91].

Таким образом, с момента появления Республики Македония сначала как части югославской федерации, а затем как суверенного государства, вопросы, связанные с ее населением, языком, историей, культурой и даже названием, стали предметом спора ученых и политиков стран региона. Подобное неблагоприятное окружение создало в Республике Македония атмосферу “осадного психоза”, что не могло не отразиться на исторической науке, возникшей здесь в конце 1940-х годов. Находясь в постоянном состоянии самообороны, она в сложных условиях создавала национальную концепцию истории, призванную решать задачи политического характера.

Тесная связь исторической науки с политикой весьма характерна для всех стран региона, особенно тех, где у власти находились коммунистические партии. Но в Социалистической Республике Македония эта связь была даже более сильной, чем в Болгарии или Румынии. Здесь влияние партийных руководителей, пишущих на исторические темы, было более мощным, чем воздействие молодой Клио на политику. После краха коммунистического режима и обретения суверенитета историческая наука, оказавшаяся в центре политической борьбы, снова попала под контроль. И сейчас мало кто из македонских историков, по их собственному признанию, может сопротивляться сильному давлению власти или оппозиции [8. С. 512]. Таким образом, можно полностью согласиться с мнением Ш. Трестба, известного знатока проблемы, что историческое исследование в Македонии представляет собой прямую политическую акцию [9. С. 54].

Во многом это и обусловило кризис, переживаемый ныне македонской исторической школой. Он выражается в усилении свойственных ей и ранее недостатков. В первую очередь к ним нужно отнести невысокий научно-теоретический уровень исследований. В частности, исследования по рассматриваемой проблематике базируются на конгломерате элементов марксистского и марксистско-ленинского понимания истории и романтическом представлении о нации, свойственном XIX в.

Для македонской историографии, имеющей достаточно узкий тематический и историко-географический диапазон, характерно периодическое обращение к одним и тем же вопросам. Это связано с празднованиями юбилеев,

которые, как и в других балканских странах, являются катализаторами исторической науки. Но объемные юбилейные издания зачастую изобилуют стереотипными подходами к изучаемым проблемам. В последние годы заметно уменьшилось количество новых исследований, часто переиздаются старые работы под измененными названиями. Резко упали тиражи исторической литературы. Произошло и разобщение македонских историков на конфликтующие группировки. Эта разобщенность привела к сбою хорошо отлаженной ранее юбилейной машины. К примеру, празднование 100-летия Илинденского восстания 1903 г. разбилось на три плохо организованные конференции. Отсутствие на них участников из других стран свидетельствует об усиливающейся изоляции историков Македонии.

Главным достижением македонской исторической науки явилось создание обобщающего труда по истории македонского народа, охватывающего период с глубокой древности до середины XX в. Этот труд, подготовленный коллективом Института национальной истории в 1969 г., был своего рода ответом на упомянутую выше брошюру по македонскому вопросу, подготовленную Институтом истории Болгарской Академии наук. Он, по словам авторов, стал “первой попыткой ознакомить мировую науку с собственным видением истории македонского народа и в этом смысле – частью истории нации” [10. С. 12].

Концепция данного труда основывалась на национальном принципе, неразрывно связанном с принципом территории, т.е. упор был сделан на историческом развитии македонского народа на территории его исконного проживания. Труд состоит из трех томов, первый из которых достаточно бегло и фрагментарно освещает события на территории Македонии с первобытнообщинного времени до конца XVIII в., второй – события XIX–начала XX в., включая Первую мировую войну, а третий – историю Македонии с 1918 по 1944 г. Многие концептуальные положения этого труда вызвали критику, особенно в соседних странах, в Болгарии этот труд был охарактеризован как “фальсификация болгарской истории” [9. С. 212].

Кардинальные перемены в жизни республики начала 90-х годов XX в. поставили перед историками задачу переработать и расширить историю македонского народа. С конца 1990-х годов стало выходить новое, шеститомное издание по истории, но концептуальных прорывов в нем не было. Как и ранее, при изложении исторических событий с древнейших времен до конца XVIII в. в первых двух томах этой публикации, преимущество отдавалось тематическому, а не хронологическому, принципу. Авторы объясняли это “спецификой периода и недостатком соответствующих источников” [11. С. 3]. События XIX – начала XX в. излагались в третьем томе указанной публикации, периоду между Балканскими войнами 1912–1913 гг. и Второй мировой войной был посвящен четвертый том, а история Македонии с 1939 по 1945 гг. рассматривается в пятом, последнем на сегодняшний день, томе этой серии.

Структура изложения материала в “Истории македонского народа”, как и обзор исследовательской литературы, изданной в республике за прошедшее время, свидетельствуют о неравномерности изучения различных периодов истории Македонии. Медиевистика, например, всегда была падчерицей македонской исторической школы. Главный интерес македонских специалистов по средневековью вызывает, в основном, держава царя Самуила конца X – начала XI в., которая считается первой формой македонской государственности [12. С. 13].

В Новой истории наиболее полно исследована вторая половина XIX–начало XX в. Это самая важная фаза македонского национально-освободительного движения, связанная с крупнейшими восстаниями, формированием национального самосознания, оформлением национально-государственной доктрины – македонизма и борьбой за ее воплощение в жизнь. Возникновение в 1893 г. Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) и ее дальнейшая деятельность, Илинденское восстание 1903 г. и десятидневная Крушевская республика обстоятельно изучены в македонской историографии, которая трактует их как эпохальные события, означающие появление на исторической сцене македонского народа как полноценного субъекта.

В Новейшей истории наиболее результативной является тематика, связанная с национально-освободительной борьбой 1940-х годов на македонских территориях и созданием Республики Македония. Отпор оккупантам в годы Второй мировой войны рассматривается в традициях национального и революционного движения македонского народа и его борьбы как против османского ига, так и против греческих, сербских и, прежде всего, болгарских притязаний. Поэтому в македонской научной и публицистической литературе широко распространился тезис о воплощении в решениях АСНОМ от 2 августа 1944 г. идеалов и заветов Илинденского восстания. Формулировка “АСНОМ – второй Илинден” в наши дни получила расширенное содержание: события 1991 г., связанные с провозглашением суверенитета, считаются по значимости “третьим Илинденом”.

В исторической литературе социалистического периода коммунистическая партия, руководившая национально-освободительным движением, рассматривалась как демиург македонской нации и государства. Правда, работ, в которых рождение македонской нации напрямую связывалось с сороковыми годами, было немного, значительно чаще писали о других датах: 1893 г. – создание ВМРО или 1903 г. – Илинденское восстание. Именно эти события истолковывались как ярчайшие свидетельства рождения македонской нации.

Подобные утверждения укладывались в концепцию запоздалого развития македонской нации. Ее сторонником был один из тогдашних руководителей Социалистической Республики Македония К. Црвенковский, призывавший не искать корней македонской нации в средневековье, а исходить из того, что нация понятие историческое, связанное с развитием капитализма. Но с завершением в начале 1970-х годов политической карьеры этого деятеля концепция запоздалого развития стала уходить в прошлое, и сейчас в работах македонских историков можно обнаружить только ее следы.

Сменивший К. Црвенковского Л. Колишевский был сторонником концепции радикального македонизма или концепции исторического континуитета македонского народа, начиная с периода раннего средневековья. Эта концепция больше соответствовала обстановке обостренных болгаро-югославо(македонских) споров того времени. И кроме того, смена концепций означала, что характерная для того времени апология собственного коммунистического руководства начала постепенно сменяться апелляцией лишь к национальным интересам.

Наиболее маститым и активным сторонником этой концепции является академик Б. Ристовский. Итогом его многолетней работы в этой области стало масштабное исследование “Македония и македонская нация”, вышедшее в свет в 1995 г. Эта монография, по словам ее автора, была рождена “желанием содействовать самопознанию и самозащите македонцев, дать им и всем заинтересованным возможность увидеть истинный путь развития македонского

народа и особенно развития македонской нации и культуры, указать естественно-исторические процессы и длительную драматическую борьбу за создание суверенной македонской державы” [13. С. 7].

Основная цель книги – показать непрерывность македонского национального сознания, отражающего многовековую историю македонского народа. Отстаивая первостепенную важность изучения национального самосознания, Б. Ристовский считает, что в настоящий момент, судьбоносный для Македонии и македонцев (поскольку имеются представления о последних как о “многокультурной” и “многонациональной общности”, и потому существует возможность кантонизации и новых разделов этой части македонских земель и поскольку мир еще не удостоверился в зрелости и единстве македонского народа), этот вопрос должен стать приоритетным для современной исторической науки Македонии. По его мнению, вопрос о самопознании и о признании национального прошлого и культуры македонцев становится вопросом их безопасного развития и даже существования как народа.

Новацией исследования Б. Ристовского стало “удревнение” истории македонского народа. Если раньше его рождение связывалось с появлением на Балканах в VI–VII вв. славянских племен, то теперь дата рождения македонского этноса была перенесена в еще более далекое прошлое – в IV в. до н. э., во времена Филиппа II и его сына Александра Македонского. В работе Б. Ристовского это положение сформулировано следующим образом: “В истории македонского народа славянский характер основного этноса населения играл решающую роль, но нельзя упускать из вида значения античных македонцев, которые дали этому народу территорию, культуру, имя и кровь” [13. С. 22].

Б. Ристовский особое внимание уделяет воздействию христианизации и кирилло-мефодиевского дела на процесс формирования македонского народа. Просветители славянства солунские братья Кирилл и Мефодий и их ученики Климент и Наум Охридские стали национальными символами македонцев. Культ исторического наследия античной Македонии, а также традиций славянской письменности и культуры, по мнению Б. Ристовского, стал основой национального самосознания македонцев [14. С. 75].

Рассматривая деятельность создателей славянской письменности, македонские авторы приходят к утверждению, что она возникла на основе старомакедонского языка. Считается, что, положив в основу переводов богослужебных книг солунское наречие, Кирилл и Мефодий возвысили македонский говор до уровня первого литературного славянского языка. Есть авторы, которые не боятся утверждать, что македонцы в то время были “самым образованным народом и не только среди славян” [15. С. 156–158].

Обращаясь к периоду раннего средневековья, Б. Ристовский вкладывает в определения “Македония”, “македонский” не региональное, а этнотерриториальное, этнолингвистическое содержание, он категорически отрицает наличие у македонцев и болгар общих этногенетических корней, общих истоков культуры и языка. Более того, Б. Ристовский утверждает, что “македонско-славянско-византийская христианская культура” и “языческая протоболгарско-фракийско-славянская цивилизация почти два века развивались независимо друг от друга” [14. С. 30].

Спецификой развития македонского народа Б. Ристовский считает то, что “единственной исторически континуированной константой на этой территории были язык и культура, которые, сублимировавшись в народном творчестве, создали народный дух и национальное самосознание” [14. С. 47]. Подчеркивая существование тысячелетней языковой и литературной традиций у маке-

донцев, наличие “литературно-исторического континуитета”, Б. Ристовский отмечает “государственный дисконитет”, многочисленные “дегенеративные и дезинтеграционные процессы в истории македонского народа”. По его мнению, не раз в истории македонцы имели собственные государственные политические образования, но они были или недостаточно развиты, или имели малую территорию и не признавались другими, или имели чуждые названия. Отмечая существование у македонцев мощной державы в конце X – начале XI в. (“державы Самуила”), Б. Ристовский пишет, что попытки ее возобновления имели место и в XI, и в XIII вв., но наибольшего успеха они достигли в XIV в., во время правления “короля Марко – последнего суверена Македонии”.

Работы Б. Ристовского отличает широкое использование исторической ретроспективы, идеализированных образов прошлого, причем прошлое подвергается инструментальной интерпретации. Эти работы несут на себе печать “политического фольклора”, являющегося концентрацией не только действительно прожитого народом исторического опыта, но и устойчивых представлений этого народа о своей исторической судьбе. Одновременно в них обозначились и претензии македонцев на исторический приоритет ряда достижений в сфере культуры и государственного строительства.

Подобные представления македонских ученых о временном и пространственном континууме македонского этноса разжигают антимакедонские кампании в соседних странах, в ходе которых также смешиваются мифы и факты, оспаривается принадлежность культовых героев прошлого и под покровом академизма и научной объективности используются ничем не аргументированные утверждения. Можно сказать, что большинство историков и в Болгарии, и в Греции, когда речь заходит об античной, средневековой или современной Македонии, продолжают выступать в роли политических пропагандистов.

Наглядным примером подобной пропагандистской литературы может служить брошюра Б. Димитрова об измышлениях македонизма, изданная в 2000 г. и переизданная в 2003 г. Софийским университетом [16]. Ее целью является разоблачение основных положений македонизма о древности македонской нации, македонского языка, государства, церкви и доказательство того, что история македонцев – это история болгар. Современную македонскую нацию автор трактует как сербское творение 1944 г., дожившее до нашего времени только благодаря лжи и репрессиям. Б. Димитров повторяет старый, по сути, тезис, что за идеей “македонской нации” скрывается антиболгарский план, внедряемый в жизнь ловким сочетанием насилия и цинизма, а македонизм представляет собой реакционную политическую концепцию.

В подобном же духе прошла летом 2003 г. в Благоевграде научная конференция, посвященная 100-летию Илинденско-Преображенского восстания. Это восстание традиционно было представлено докладчиками как “вершина освободительной борьбы болгар в Македонии”. Выступающие на конференции упрекали македонских коллег в фальсификации документов восстания ради того, чтобы доказать, что македонские герои боролись за независимость Македонии и того, что македонский народ не имел никаких связей с болгарским. Напротив, доказывалось, что Гоце Делчев и другие борцы за свободу Македонии мечтали о воссоединении с Болгарией. В заключение директор Македонского научного института в Софии Д. Гоцев выразил надежду, что “братья-македонцы, раскопав завалы сербской лжи, примут протянутую им руку соотечественников, осознают свои болгарские корни и, в конце концов, вернуться в объятия матери-Болгарии (цит. по: [17]).

Крайняя политизация македонского вопроса затруднила его изучение в нашей стране. Опасение вызвать болезненную реакцию со стороны балканских стран, стремление последних решать научные проблемы на государственном или партийном уровне приводили к административному сдерживанию публикаций отечественных специалистов по македонской проблематике. В итоге возникла парадоксальная ситуация: советские ученые, много сделавшие для изучения македонского вопроса и создавшие научно обоснованную концепцию его развития, были обречены на молчание [18. С. 7].

Наиболее полно история Македонии с древнейших времен до середины XX в. была изложена в двухтомной “Истории Югославии”, вышедшей в свет в 1963 г. В конце 60-х – начале 70-х годов XX в. советскими исследователями была разработана собственная концепция исторического складывания и развития македонского народа, которой с известными модификациями российские ученые придерживаются и сегодня. Эта концепция в кратком, но обобщенном виде была изложена в цикле статей по македонской проблематике в Большой советской энциклопедии, а также в ряде справочных и учебных изданий. Важной вехой на пути изучения дискуссионных сюжетов македонской истории стал выход в 1999 г. сборника статей “Македония: проблемы истории и культуры”.

Если кратко обобщить высказывания отечественных исследователей по проблеме становления македонского этноса, то их можно свести к следующим положениям. Позиция отечественных историков состоит в том, что на протяжении ряда столетий славянское население Мезии, Фракии и Македонии развивалось в тесной связи, составляя по существу этнически однородную массу, хотя и имевшую некоторые диалектные и бытовые различия. В IX в. завершился последний период общеславянской истории и начался процесс культурной и языковой дифференциации славян, который вел к формированию отдельных славянских народностей и государств.

В литературе принято выделять болгар в качестве одной из наиболее ранних этнолингвистических групп, формирование которой происходило с конца VII в. в условиях взаимодействия протоболгар и численно превосходивших их балканских славян. Примерно с середины IX в. термин “болгары” стал применяться для обозначения всего населения средневекового Болгарского царства и вытеснять в Македонии общее обозначение “славяне”. Славянское население Македонии ощущало и именовало себя в этот период болгарскими, даже тогда, когда столицей болгарского государства становились македонские города Охрид и Преспа. Следовательно, лишены каких-либо оснований утверждения о существовании этнокультурной специфики славянского населения в географической области Македония в средневековый период [19. С. 27–28].

Начало формирования македонской нации, по мнению специалистов, можно отнести ко второй половине XIX в. Согласно утвердившейся в отечественной историографии точке зрения, национально-освободительное и культурно-просветительское движение в Македонии на протяжении большей части XIX в., во всяком случае до освобождения Болгарии в 1878 г., шло в общем русле болгарского национального возрождения. Основная масса населения македонских земель в национальном отношении полностью еще не сложилась, но развивалась в сторону становления болгарского национального самосознания.

Следует подчеркнуть, что отечественные исследователи, рассматривая развитие Македонии в ходе общеполитического процесса, отмечали существенные особенности края. В первую очередь, указывалось на серьезное социально-экономическое отставание македонских земель по сравнению с расположенными к востоку от них болгарскими территориями, на замедленность процесса нацио-

нального возрождения. Подчеркивалось, что национально-просветительское движение, развернувшееся в Болгарии в первой трети XIX в., в македонских землях началось позднее и развивалось медленнее, чем на болгарских территориях. Подъем массовой борьбы, охвативший Болгарию в 60-е – первой половине 70-х годов XIX в. и явившийся высшей точкой всего процесса национального возрождения, почти не затронул Македонию. Таким образом, в силу указанных причин и этнической пестроты населения, македонские земли оказались как бы в стороне от центра консолидации образующейся болгарской нации.

Отечественные исследователи отмечали, что еще до освобождения Болгарии у части македонских торговцев и ремесленников, а также у немногочисленной интеллигенции появился обостренный интерес к местной народной культуре, пробуждались патриотические чувства, желание сохранить областную специфику. Уже в 60-е годы XIX в. некоторые из просветителей Македонии стали создавать учебные пособия на основе местных говоров, а позже у местных деятелей, которых стали называть “македонистами”, возникла идея создания самостоятельного македонского языка.

После решений Берлинского конгресса 1878 г., когда Болгария и Македония оказались в разных политических и экономических условиях, у населения Македонии появилась новая национальная перспектива, причем явно вне рамок общebolгарского развития. Произошедшее углубление отличий двух вышеназванных областей усилило среди македонской интеллигенции рост этнического самосознания, понимание известной обособленности политических и культурных интересов края. Этому способствовала и позиция правящих кругов Болгарии, смотревших на Македонию лишь как на объект своих интересов и решительно опровергавших малейшее упоминание о ее языково-культурной специфике. Стала усиливаться идея македонизма, что нашло свое выражение в спорах по поводу соотношения болгарского литературного языка и македонских говоров. Важнейшим итогом этого процесса стало появление в 1903 г. работы К. Мисиркова, в которой доказывалось существование особого македонского языка и самостоятельной македонской нации.

Процесс трансформации славянского ядра Македонии в самобытную нацию протекал в сложных условиях. Соперничество Болгарии, Греции, Сербии, мечтавших о полном или частичном поглощении Македонии, повлияло на выработку македонской национальной идеологии, основное содержание которой сводилось к акцентировке этнической самобытности македонцев, к отстаиванию их прав на собственную территорию. Наиболее ярко эта защитная доминанта проявилась в деятельности ВМРО, нацеленной на достижение политической автономии в рамках Османской империи.

Исследования по истории национально-освободительного движения македонского народа второй половины XIX – первой половины XX в., принадлежащие перу западных исследователей, подтверждают существование давно подмеченных закономерностей в развитии национальных движений угнетенных народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Эти закономерности были выявлены выдающимся чешским ученым М. Хрохом (Грохом) и определены им как три фазы, лежащие в промежутке между отправным пунктом любого конкретного национального движения и его успешным завершением в виде сформировавшейся нации. В течение первой фазы активисты национального движения занимаются защитой народного языка и самобытной культуры. В ходе второй фазы новое поколение активистов вырабатывает национальную идеологию и пытается “разбудить” ее в представителях своей этнической груп-

пы, а в третьей фазе на повестку дня ставится вопрос о достижении политической самостоятельности и в борьбу вовлекаются широкие слои населения.

Основываясь на работах западных исследователей, Ш. Требст предпринял попытку определить временные рамки указанных фаз македонского национального движения. Первая фаза легко уложилась в период до 1893 г., а третья – в период с 1944 по 1953 гг. Наибольшую сложность, на взгляд Требста, представляет вторая фаза, охватывающая период с 1893 по 1944 гг. В ней он выделяет два временных отрезка, один – с 1893 по 1903 гг., а другой с 1919 по 1924 гг., в ходе которых осуществлялись неудачные попытки организовать на основе патриотической агитации революционное движение в Македонии. Оно и в том и другом случае оказалось расколотым по этнополитическому и идеологическому принципам, что сказалось на результатах движения [20. С. 130–132].

Ш. Требст, ссылаясь на работы известных специалистов, считает, что суть македонского вопроса, а также концепций македонской государственности (автономия, независимость) менялись и находились в зависимости от переживаемой фазы развития. Им отмечается и большая роль внешнего фактора в укреплении македонской национальной идентичности, особенно в период 1940-х и 1990-х годов. Можно согласиться с мнением Ш. Требста, что с укреплением суверенитета Республики Македония вырастет и свобода македонских, болгарских, сербских, греческих ученых, занимающихся историей македонского региона со времен античности до наших дней [20. С. 140].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романенко С.А. Югославия, Россия и “славянская идея”. Вторая половина XIX – начало XXI веков. М., 2002.
2. Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. В 2-х т. Скопје, 1981. Т. 2.
3. Апостолски М. Студии и статии. Скопје, 1975. Т. 2.
4. Преброяване на населението на Народна Република България на 1 XII 1956. Общи резултати. София, 1960. Т. 2.
5. Статистичен годишник на НРБ. София, 1959.
6. Македонскиот въпрос. Историко-политическа справка. София, 1968.
7. Мартис Н. Фальсификация истории Македонии. Афины, 1992.
8. Тодоровски З. Македонската историографија и политика (актуелни рефлексии во македонскиот плуралистички систем) // Македонската историска наука. Достигувања и проблеми. Скопје, 2000.
9. Требст С. Бугарско-југословенската контроверза за Македонија 1967–1982. Скопје, 1997.
10. 50 години Институт за национална историја 1948–1998. Скопје, 1998.
11. Историја на македонскиот народ. Скопје, 1998. Т. 2.
12. Панов Б. За развојот на македонската медијалистика // Македонската историска наука. Достигувања и проблеми. Скопје, 2000.
13. Ристовски Б. Македонија и македонската нација. Скопје, 1995.
14. Ристовски Б. Сознајби за јазикот, литература и нацијата. Скопје, 2001.
15. Вражиновски Т. За националниот карактер на Македонците. Скопје, 1997.
16. Димитров Б. Десетте лъжи на македонизма. София, 2003.
17. Утрински весник. 11 VIII 2003.
18. Волков В. Македонскиот вопрос в политике и науке // Македонија: проблеми истории и культуры. М., 1999.
19. Литаврин Г. Прошлое и настоящее Македонии в свете современных проблем // Македонија: проблеми истории и культуры. М., 1999.
20. Требст С. ВМРО + 100 = ПЈРМ? (Политика на македонската историографија) // Македонската историска наука. Достигувања и проблеми. Скопје, 2000.



© 2004 г. А.Г. БУТУЗОВ

О ГЕОГРАФИИ РУССКИХ НА БАЛКАНАХ В XX ВЕКЕ

Вплоть до Первой мировой войны отсутствовали объективные экономические, политические и религиозные предпосылки для развития широкомасштабных миграций русских на Балканы. Лишь несколько десятков тысяч русских старообрядцев к тому времени проживали в отдаленных сельских районах полуострова, на севере Добруджи (липоване). В начале XX в. небольшая русская колония, представленная преимущественно состоятельными людьми, сложилась в Стамбуле [1. С. 20].

Прелюдией к массовой русской эмиграции можно считать, предположительно, длительное пребывание в Болгарии нескольких тысяч пленных российских солдат из 40-тысячного корпуса, направленного в разгар Первой мировой войны на Салоникский фронт. Широкий размах исход русских в регион получил после окончания Гражданской войны на юге России. Впервые ход и масштабы переселений определялись, прежде всего, комплексом внешнеполитических факторов, среди которых особое место занимали геополитические интересы ведущих европейских государств. В качестве отличительных черт послереволюционной эмиграции в черноморские страны назовем явное преобладание военных, и как следствие, непомерно высокий процент одиноких, чаще разлученных с супругами, мужчин призывного возраста, а также менее выраженное преобладание этнических русских среди соотечественников. Обращают на себя внимание и узкие хронологические рамки русской эмиграции на Балканы. С падением меньшевистского режима в Грузии весной 1921 г. приток собственно русских в регион практически иссяк. Итак, уже к началу 20-х годов XX в. Балкано-Черноморский регион стал одним из магистральных направлений послереволюционного исхода русских.

Во многом благодаря своему географическому положению Турции было суждено стать одной из стран первого прибежища эмигрантов. В результате четырех последовательных эвакуаций из Новороссийска и Одессы (1920 г.), самой массовой – с Крымского полуострова (зима 1920–1921 гг.) и, наконец, из Батуми (1921 г.) в зоне черноморских проливов сложился крупнейший за рубежом очаг концентрации русских беженцев. В начале 20-х годов прошлого столетия только в районе Стамбула было сосредоточено около 200 тыс. наших соотечественников [2. С. 42; 3. С. 30]. В общей сложности, на оккупированной союзниками турецкой территории, включая полуостров Гелиболу

(Галлиполи), побережье и острова Мраморного моря, к указанному времени, по подсчетам автора, могли найти прибежище до 250 тыс. эмигрантов.

Учитывая бедственное материальное и жилищное положение беженцев, прекращение французскими оккупационными властями продовольственной помощи и ультиматум турецких властей о поголовной депортации военных спровоцировали отъезды русских из зоны черноморских проливов. Основную массу военнослужащих и гражданских лиц из района Стамбула в короткий срок перебросили в Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС), в меньшей степени – в Болгарию [3. С. 39; 4. С. 252]. Гораздо меньшее, в сравнении с балканскими очагами эмиграции, влияние на формирование русского рассеяния на Балканах оказали миграции из других регионов, в частности, из Северной Африки. Так, в большинстве своем в Королевство СХС, отчасти – в Болгарию вывезли из Египта гостей английского короля [5. С. 320]. Из Туниса в будущую Югославию переехала часть выпускников морского корпуса.

Приток беженцев в Королевство СХС приобрел массовый характер с 1920 г., когда местное правительство стало активно поощрять русскую иммиграцию [6. С. 7; 7. С. 14; 8. С. 71]. Отчасти патернализм центральных властей и благосклонность большинства местных жителей объяснялись традиционно тесными политическими и культурными связями с Россией. Но югославская элита руководствовалась, в первую очередь, экономическими и этнополитическими мотивами. В Сербии и Черногории, потерявших в ходе балканских войн до половины мужчин трудоспособного возраста, значительную часть интеллигенции, чрезвычайно остро ощущался дефицит рабочей силы и квалифицированных специалистов. Тем более что сербам при заметном отставании по уровню социально-экономического развития от территорий, населенных преимущественно хорватами и словенцами, было сложно сохранить гегемонию в стране с необычайно пестрым этническим составом населения.

В ходе так называемой сербской эвакуации в начале 1920 г. в Королевство СХС прибыло 8,5 тыс. эмигрантов из Новороссийска, а вскоре 2,5 тыс. ранее размещавшихся на Лемносе беженцев со статусом гостей английского короля. Еще на раннем этапе отчетливо обозначилось преобладающее влияние государства в расселении русских. В 1920 г. созданные по инициативе властей самоуправлявшиеся колонии (общины) формально объединяли подавляющее большинство наших соотечественников (8 тыс. чел.).¹ Русские расселились практически по всей стране. Но эмигранты из состава первых организованных эвакуаций сосредоточились, главным образом в Сербии [6. С. 10]. При этом в географии различных волн имелись существенные отличия. Из-за острой потребности центральных министерств и ведомств в квалифицированных кадрах, тяготение первой волны эмиграции к поселению в крупных центрах, в первую очередь в Белграде, было особенно выраженным. Самые значительные очаги концентрации россиян возникли в Белграде, Земуне, Панчево, Сараево, Загребе [6. С. 8–10]. Не случайно, в 1920 г. в Королевстве СХС ввели ограничения на вселение в некоторые крупные города [6. С. 8]. Часть эмигрантов, въехавших в страну по железным дорогам через территорию Греции и Болгарии, осела в южных районах Сербии и Македонии. Беженцев так называемой английской эвакуации, напротив, расселили, главным образом, в сельской местности Вое-

¹ Колония (община) могла насчитывать даже менее 25 членов старше 21 года.

водины, отчасти в Баранье. Там возникло более 30 сельскохозяйственных казачьих станиц, каждая из которых объединяла от 10 до 50 мужчин [8. С. 72]. Аграрное освоение края стимулировалось, полагаем, максимальной для страны относительной убылью населения и значительными резервами плодородных земель.

Но самую крупную волну россиян, включая 20 тыс. гражданских лиц, доставили в конце 1920 – начале 1921 гг. из Стамбульского района на побережье Которской, Бакарской бухт, в Дубровник [6. С. 11–12; 8. С. 71, 72]. Третья волна эвакуации сопровождалась невиданным увеличением числа русских общин. Но русские оседали и в ранее созданных колониях [6. С. 12]. Подавляющее большинство беженцев отправили в глубь страны, прежде всего, в Сербию. В первой трети 1920-х годов 2/3 русских колоний в Королевстве СХС приходилось именно на сербские территории [9. С. 20]. Крупный очаг крымской эмиграции возник в бассейнах Моравы и Тимока. По-прежнему активно осваивалась не только Центральная Сербия, но и Воеводина, ставшая вторым после столицы центром сосредоточения русских в Королевстве СХС (1/6 их численности). К 1923–1924 гг. только на Банат и Бачку приходилось более 1/3 всех русских общин страны [6. С. 20]. Но у эмигрантов в крае отчетливее, чем прежде, проявилась ориентация на обустройство в крупных и средних городах. Там сосредотачивалась половина значительных по численности эмигрантских колоний страны. В этой связи можно отметить исключительную роль учебных заведений Королевства СХС в развитии русского высшего образования на всем Балканском полуострове. Тем не менее, русский очаг в Воеводине не утратил своих аграрных черт.

В остальных районах Сербии, как и прежде, наиболее отчетливо проявилась тенденция к обустройству россиян вне многолюдных центров. Не случайно, именно Сербия выделялась столь высоким удельным весом сельских общин в общей массе русских колоний. Но наши соотечественники в крупных городах, в особенности в столице, сохранили преимущественно интеллектуальный род занятий своих членов.

Русские общины были основаны также в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Словении, Черногории и Македонии [6. С. 20]. Из-за особенностей аграрного строя, относительно меньших потерь мужчин трудоспособного возраста и квалифицированных кадров Хорватия и Словения не испытывали столь острой необходимости в пришлой рабочей силе. Но даже несмотря на противодействие этнорегиональных элит и населения, крымские беженцы активнее своих предшественников обустроивались в этих провинциях. Сеть русских колоний в Хорватии, Словении и Черногории в основном сложилась именно в ходе третьего организованного переселения. Так, Херцеговину считалась второй по численности своих членов после Белграда русской колонией страны. Комфортные климатические условия и максимальный для крымской партии уровень заболеваемости предопределили концентрацию в районе Которской бухты эмигрантских медицинских учреждений, приютов. Не случайно, на южном побережье Адриатики сложился крупный очаг эмиграции. Но в отличие от Ядрана, где осели более состоятельные слои эмиграции, члены казачьих станиц Бараньи и Славонии занимались преимущественно сельскохозяйственным трудом. Тем не менее, для Хорватии, в еще большей мере Словении, вероятно, была характерна значительная роль крупных и средних городов в расселении

русских. При этом на фоне столицы колония Загребя выделялась высокой долей гражданского населения и лиц свободных профессий.

Последний всплеск русской иммиграции в Королевство СХС связывают с прибытием в первой трети 1920-х годов не менее 11.5 тыс. военных, включая штаб Врангеля [6; 8. С. 53]. Так, в 1921 г. до 4–5 тыс. кубанцев с Лемноса направили на строительство важнейших стратегических магистралей в горах на юге Сербии и в Македонии, а 5 тыс. солдат и офицеров с Галлиполи в пограничную охрану [10. С. 60; 4. С. 138, 155]². Переход военных к мирной жизни сопровождался возникновением новых русских колоний, вплоть до весны 1922 г. компенсируя распад ранее созданных общин³.

Период	июль 1920 г.	октябрь 1920 г.	февраль 1921 г.	март 1921 г.	апрель 1921 г.	февраль 1922 г.	апрель 1922 г.	1923– 1924 гг.
Кол-во общин	70	57	215	233	250	323	300	300

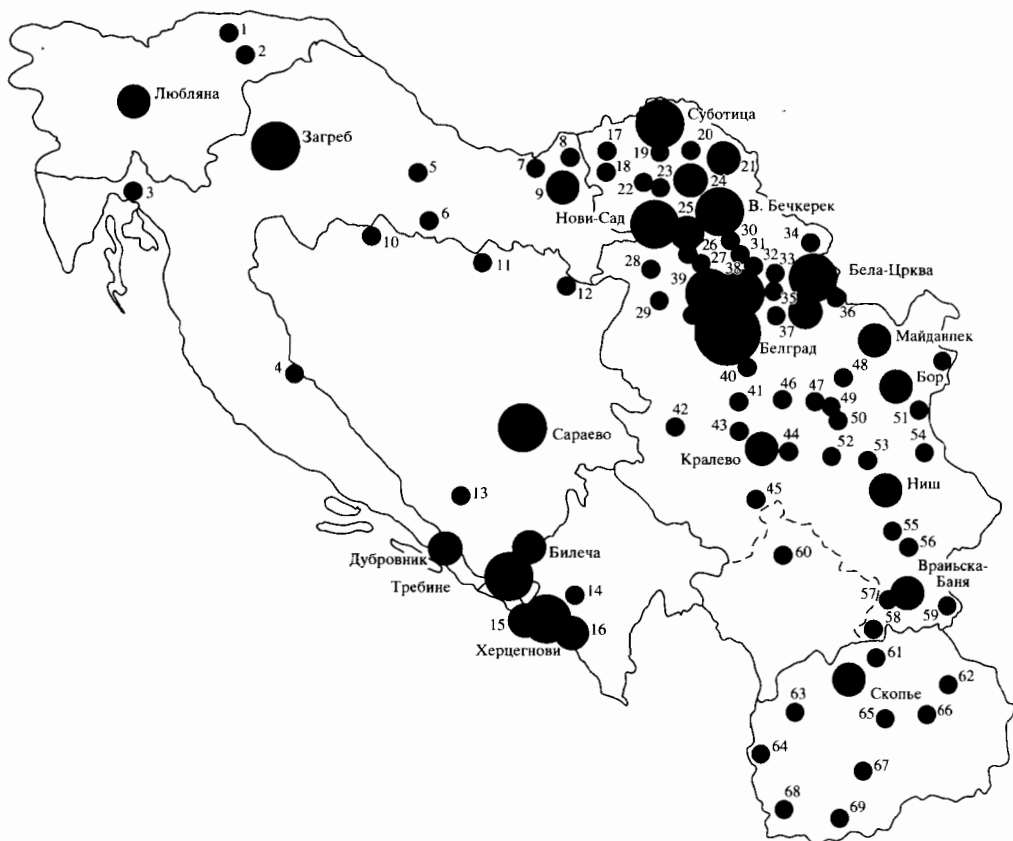
Более того, полагаем, в Македонии и ряде районов Сербии сеть русских колоний сформировалась главным образом именно в ходе растянувшейся до 1930 г. демобилизации белоэмигрантов.

Несмотря на близость к России, подавляющее большинство эмигрантов прибыло в Болгарию через третьи страны, прежде всего, из района Стамбула, островов Эгейского и Мраморного морей. Поначалу жесткая позиция местных властей в отношении эмигрантов обусловила несколько запоздалое включение Болгарии в орбиту массовой русской эмиграции. Но Болгария приняла значительную часть эвакуированной из лагерей на Босфоре и Лемноса армии Врангеля [3. С. 33; 10. С. 60, 72; 12. С. 99]. Не случайно, начиная с этого времени, поток переселенцев состоял главным образом из военнослужащих. При этом в отличие от Королевства СХС, в Болгарию из Египта доставили часть (вероятно, 4 тыс. беженцев) новороссийской и одесской эвакуаций [2. С. 319–320]. Если расформированные части направлялись главным образом на шахты, то сохранившие воинскую организацию единицы, предположительно, довольно широко размещались по стране. В отличие от Королевства СХС, перемещения в пределах Болгарии оказали более осязаемое влияние на становление расселения эмигрантов. Во-первых, процесс демобилизации здесь завершился в основном в первой трети 1920-х годов. Во-вторых, болгарские власти не ограничивали миграционной подвижности россиян. В частности, тяжелейшие условия труда и быта предопределили быстрый исход большинства россиян из района Перника, в первую очередь, в столицу [3. С. 33]. Тем не менее, в ведущем угольном бассейне страны, вероятно, по-прежнему концентрировалась значительная часть русских. В результате, по сравнению с Королевством СХС, в Болгарии экономические факторы еще на первом этапе сыграли преобладающую роль в расселении послереволюционной эмиграции (см. карту).

Полагаем, расселение русских в довоенный период во многом определялось размещением добывающей и тяжелой промышленности. Не случайно, в

² Шоссе Вране–Босильград–Гостивар–Дебар даже получило название “Русский путь”.

³ Составлено автором по данным [4. С. 44; 6. С. 12; 8. С. 15; 11. С. 36].



Расселение русских в Югославии (на 1930 год)

Список наименований:

1. Марибор. 2. Птуй. 3. Бакар. 4. Стрмица. 5. Дарувар. 6. Нова-Градишка. 7. Белишче. 8. Бели-Монастир. 9. Осиек. 10. Босанска-Дубица. 11. Дервента. 12. Брчко. 13. Мостар. 14. Рисан. 15–16. Котор. 17. Сомбор. 18. Пригревица. 19. Бачка-Топола. 20. Ново-Орахово. 21. Кикинда. 22. Куцура. 23. Србобран. 24. Нови-Бечей. 25. Сремски-Карловцы. 26. Инджия. 27. Стара-Пазова. 28. Сремска-Митровица. 29. Шабац. 30. Сакуле. 31. Дебеляча. 32. Црепая. 33. Долово. 34. Вршац. 35. Баваниште. 36. Велико-Градиште. 37. Пожаревац. 38. Панчево. 39. Земун. 40. Обреновац. 41. Аранджеловац. 42. Титово-Ужице. 43. Заблаче. 44. Врнячка-Баня. 45. Рашка. 46. Крагуевац. 47. Светозарево. 48. Паневац. 49. Цуприя. 50. Парачин. 51. Засчар. 52. Крушевац. 53. Алексинац. 54. Княжевац. 55. Лесковац. 56. Грделица. 57. Вране. 58. Прешево. 59. Босилеград. 60. Косовска-Митровица. 61. Куманово. 62. Кочани. 63. Гостивар. 64. Дебар. 65. Титов-Велес. 66. Штип. 67. Прилеп. 68. Охрид. 69. Битола.

20–30-е годы XX в. подавляющее большинство наших соотечественников осело в южных районах страны. При этом участие в разработке мелких месторождений цветных металлов, рубке леса в горных и предгорных районах объективно способствовали рассредоточению малоквалифицированных кадров беженцев. Напротив, эмигранты с высоким образовательным уровнем имели больше шансов обосноваться в крупных городах. Так, значительная концентрация беженцев, включая гражданских лиц, возникла не только в столице, но и в Варне, Бургасе, Шумене, Плевене, Пловдиве. София заметно уступала Белграду по динамизму культурной и интеллектуальной жизни. Тем не менее, Болгария, наряду с Югославией, стала одним из значительных центров сосре-

доточения русского студенчества за границы. В тоже время, в связи с режимом наибольшего благоприятствования в сфере образования (организацией некоторых курсов на русском языке в Софийском университете) в Болгарии отпала необходимость в организации русских вузов.

Не в пример Чехословакии, Королевство СХС и Болгария не могли оказать столь широкомасштабной финансовой помощи русским. Возможности для трудоустройства были также ограничены. И, поэтому, несмотря на патернализм властей, Балканы выступали источником массового оттока русских. Во многом поэтому столь существенно разнятся оценки численности беженцев. Примечательно, что по сравнению с Югославией, в Болгарии транзит оказал меньшее влияние на динамику абсолютных показателей беженства. Более скоротечным оказалось пребывание подавляющего большинства послереволюционных эмигрантов в других странах Балканского полуострова. Но если в Греции нежелание властей абсорбировать россиян объяснялось экономическими трудностями, то в Румынии – жесткой позицией местных властей по русскому вопросу.

Уже в первой половине 1920-х годов переселение из славянских стран полуострова приобрел черты полноводного потока. Военные и студенты перебирались, главным образом, во Францию и Чехословакию [10. С. 60, 73; 12. С. 104]. Но с конца 20-х годов XX в. все большей популярностью, как направление эмиграции, пользуется Южная Америка [9. С. 25]. Однако именно Болгария благодаря близости к России и меньшего, чем в Югославии, влияния монархистов стала одним из ведущих европейских очагов репатриации. Тысячи русских беженцев из Югославии, Турции, Греции, Румынии и даже Италии использовали территорию Болгарии для возвращения на родину [13. С. 32].

В этой связи отметим, что на протяжении довоенных десятилетий просоветски настроенные беженцы не играли сколько-нибудь значительной роли в политической жизни балканского расселения. С другой стороны, присутствие довольно влиятельной русской колонии негативным образом отразилось на характере отношений с Советским Союзом вплоть до 1940 г. Близ югославской столицы, в Сремски-Карловцах с 1921 г. располагался Архиерейский Синод Русской Зарубежной церкви, впоследствии призвавший эмигрантов к тесному сотрудничеству с фашистской Германией. Но наши соотечественники оставили заметный след в экономической и культурной жизни славянских столиц, прежде всего Белграда. С послереволюционной эмиграцией связано зарождение в Королевстве СХС многих важных профессий и служб [11. С. 36]. Русские внесли заметный вклад в развитие театрального искусства, в основание Геодезического института в Белграде, принимали активное участие в градостроительстве и законодательстве, были широко представлены, особенно в начале 1920-х годов, среди профессуры университетов. Немало россиян работали сельскими учителями и врачами [8. С. 73].

Без установления в различных сферах более или менее регулярных контактов с окружающим населением адаптация русских вряд ли была возможна. В течение довоенного периода при превалирующем участии миграций этнотрансформация оказывала все нарастающее влияние на расселение и динамику численности русских в регионе. Так, в отдаленных от ведущих русских центров районах, в частности в сельской местности Воеводины, в 1930-е годы получила определенное распространение ассимиляция эмигрантов, заметно облегчавшаяся резкими диспропорциями их полового состава, языковой и конфессио-

нальной общностью с коренными жителями. София и особенно Белград, учитывая менее выраженный перевес мужчин среди членов местных колоний, вероятно, упрочили к началу Второй мировой войны свои лидирующие позиции в демографической структуре русских соответствующих стран. Таким образом, картина расселения русских в регионе, сложившаяся при доминирующем воздействии внешних миграций, не претерпела в довоенный период кардинальных изменений вследствие внутренних переселений, естественных и этнических процессов.

Итак, в 20–30-е годы XX в. география русских в странах Черноморско-Средиземноморского бассейна сложилась, в первую очередь, при ведущей роли внешнеполитических и внешнеэкономических факторов (ситуации в самой России, СССР и странах Западной и Центральной Европы). Прежде всего, это видно на примере Северной Африки. Вместе с тем, важную роль в развитии расселения русских, особенно на фоне некоторого ослабления оттока за пределы региона, сыграли причины внутривосточного и внутризюгославянского порядка (симпатии высшего руководства ряда государств, острая потребность в специалистах и малоквалифицированной рабочей силе). В частности, это нашло свое отражение в широком распространении внутренних перемещений. При этом, в отличие от подавляющего большинства зарубежных стран, русские в странах региона активно участвовали не только в развитии административной, социальной и транспортной инфраструктуры, промышленности, но и в аграрном секторе на значительных территориях Балканского полуострова. Другой отличительной чертой формирования расселения русских в регионе можно назвать весьма осязаемое, по сравнению с другими ведущими очагами эмиграции, влияние этнорелигиозных мотивов.

Вторая мировая война сопровождалась серьезными сдвигами в географии русских на Балканах. В частности, добровольное участие, по меньшей мере, 2,5 тыс. эмигрантов в подавлении движения сопротивления в Югославии вылилось в откровенную вражду значительной части местных жителей ко всем русским. С освобождением Югославии в 1944 г. подавляющее большинство эмигрантов, опасаясь репрессий, было вынуждено выехать оттуда на Запад вместе с отступавшими немецкими частями. Вскоре после провозглашения народной демократии многие из оставшихся русских были депортированы в СССР, в меньшей степени Албанию, Болгарию [11. С. 37; 14. С. 44]. Новый всплеск исхода из Югославии в другие страны, в том числе за океан, спровоцированный обострением противоречий между И.В. Сталиным и Й.Б. Тито в 1948 г., фактически положил конец некогда весьма многочисленной русской колонии.

Напротив, в соседней Болгарии значительный отток послереволюционных эмигрантов в 1944–1947 гг. не привел к сколько-нибудь существенным сдвигам в расселении русских. В еще большей степени сказанное справедливо в отношении Румынии, где послевоенные переселения почти не сказались на динамике численности русских. К середине XX в. подавляющее большинство тамошних старообрядцев проживали в районах традиционного расселения (69% и 11% всех русских в административных областях Констанца и Галац) [15].

В послевоенные десятилетия в балканских странах естественные и особенно этнотрансформационные процессы становятся основными факторами, определяющими численность русских. Так, риску остаться в полной изоляции, второе и третье поколение эмигрантов в Югославии предпочло ассимиляцию с окружающим населением, хотя проявления русской культурной жизни отме-

чались в среде местной русской молодежи вплоть до конца 1980-х годов. В результате, из множества югославских центров послереволюционной эмиграции к настоящему времени сохранились сравнительно немногочисленные колонии в Белграде и Воеводине, тогда как в Болгарии существует значительное русское население. Более того, современное расселение местных русских в общих чертах повторяет расселение довоенной волны. Русские концентрируются преимущественно в крупных городах, прежде всего, в Софии. По-прежнему наивысшую для русского населения Балкан степень сопротивляемости ассимиляции демонстрируют липоване в Румынии. Во многом это объясняется спецификой их конфессиональной принадлежности (старообрядцы), расселением в пределах преимущественно аграрной территории (дельта Дуная) и длительностью проживания совместно с другими этническими группами.

Насчитывающая, по меньшей мере, трехсотлетнюю историю, русская иммиграция на Балканы лишь в весьма короткий промежуток времени носила подлинно массовый характер. Хронологические рамки послереволюционной иммиграции с собственно территории России ограничены, почти исключительно началом 1920-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русский комитет в Турции. Материалы по вопросу об эвакуации русских беженцев из Константинополя. Константинополь, 1922.
2. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971.
3. Раев М. Россия за рубежом. История русской эмиграции. 1917–1919. М, 1994.
4. Русские в Галлиполи. Берлин, 1923.
5. Каратеев М. По следам конкистадоров. История группы русских колонистов в тропических лесах Парагвая. Буэнос-Айрес, 1972. Ч. 1.
6. Козлитин В.Д. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) // Славяноведение. 1992. № 4.
7. Русская эмиграция. 1920–1930. Белград, 1931. Вып. 2.
8. Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова 1. Београд, 1994.
9. Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории. 1919–1944 годы // Славяноведение. 1992. № 4.
10. Русская эмиграция. 1920–1930. Белград, 1931. Вып. 1.
11. Сысоев Г. Лучшее, что имела Россия // Новое время. 4 I 1992.
12. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Париж, 1973. Доп. вып.
13. Почему мы вернулись на родину. Свидетельства реэмигрантов. М, 1987.
14. Литвинова Г. Русские американцы. М., 1993.
15. Румыния. Бухарест, 1959.



ОБЗОР НОВЫХ ИЗДАНИЙ ПО СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫЧЕСТВУ И МИФОЛОГИИ

(*Studia Mythologica Slavica*. Ljubljana, 2000. Vol. III. 244 S.; 2001. Vol. IV. 268 S.)

Продолжает выходить в свет научный альманах “*Studia Mythologica Slavica*” (SMS), первый выпуск которого был издан в 1998 г. На страницах журнала “Славяноведения” уже был помещен обзор первых двух выпусков этого издания [1]. В этом номере мы познакомим читателей с содержанием третьего и четвертого выпусков альманаха.

Как и в предыдущих выпусках, материал третьей и четвертой книжки расположен по тематическому принципу в рубриках, уже ставших традиционными для этого издания.

В третьем выпуске раздел, посвященный проблемам реконструкции славянской мифологии, открывается статьей Й. Махачека и А. Плетерского “Древнеславянские культовые структуры в Поганско у Бреслава (Чешская Республика)” (S. 9–22). В статье представлены результаты “метрического” анализа конструкций славянского городища Поганско (VIII–X вв.). Авторы вычленяют там два языческих святилища, могильники, раннесредневековую церковь, жилые постройки, крепостные валы, обнаруживая “календарную” ориентацию этих комплексов (по преимуществу на точку летнего солнцестояния).

Продолжая серию опытов по реконструкции персонажей славянского языческого пантеона, Н. Чаусидис представил эссе “Дажьбог в Хронике Малалы и его связи с другими средневековыми и фольклорными источниками” (S. 23–41). Рассмотрев образ Дажьбога, как он представлен в древнерусской интерполяции из “Всемирной Хроники” Иоанна Малалы и в фольклорных источниках (прежде всего южнославянских), автор не нашел сходства между книжным образом “солнечного божества” и фольклорно-мифологическими персонажами типа сербского Дабога. Эти “разночтения” дали возможность исследователю предположить связь Дажьбога с иранским мифом о Зерване, Ормузде и Аримане и сделать вывод о том, что в славянской традиции существовало два Дажьбога – южнославянский (хтонический) и восточнославянский (солярный). Материальное подтверждение своим гипотезам автор видит в целом ряде артефактов, происходящих из различных регионов (в том числе неславянских) и относящихся к различным временным периодам, что едва ли может подкрепить предложенную реконструкцию.

В данном выпуске альманаха представлена и региональная тематика. Две статьи посвящены природным святыням Белоруссии. Коллектив авторов – Э. Левков, А. Карабанов, Л. Дучиц, Э. Зайковский, В. Винокуров – предста-

вил исследование “Культовые камни Белоруссии” (S. 43–56), снабженное богатым иллюстративным материалом. Предлагается также классификация культовых камней, зафиксированных на территории Белоруссии. Это собственно камни, среди которых выделяются: 1) магические валуны, в число которых входят камни-“следовики”, чудодейственные камни, “скарбники” (камни на месте зарытых кладов) и т.п.; 2) “анимистические” валуны, согласно народным верованиям представляющие собой превращенных людей (характерен мотив превращения в камни великанов-волотов), животных, постройки; 3) камни, связанные с культом предков – “дзедавікі”; 4) камни, связанные с “языческими” божествами (Дажьбогов камень, камень Волосень, “Божьи” и “святые” камни и т.п.), святилищами (камни Капище или Алтарь), а также с мифологическими персонажами (многочисленные “Чертовы” камни); “криптогенные” валуны с углублениями, знаками, надписями, рисунками. Второй тип – это сооружения из камней: 1) надгробные и культовые постройки; 2) “идолы” – каменные головы и фигуры; 3) каменные кресты.

Чрезвычайно ценно, что, описывая каждый тип, авторы сопровождают изложение свидетельствами о формах почитания тех или иных камней, обрядах и ритуальных действиях, приуроченных к этим объектам. Думается, в перспективе было бы крайне полезно привлечь и материал белорусских топонимических преданий, связанных с культовыми камнями. Сочетание материального объекта с фольклорно-мифологическим “текстом” о нем – благодатная тема для исследования.

Что касается принципов классификации, то они, безусловно, могут быть в дальнейшем скорректированы. Заметим, что сейчас отнесение различных объектов к разным категориям базируется в основном на их названиях. Однако если обратиться к “этнографическому” контексту, окажется, что камни-“следовики” могут быть связаны с сакральными персонажами, так называемые криптогенные валуны – с культом предков, “Чертовы” камни часто оказываются знаками погребенных кладов и т.д. Правоммерно предположить, что ясность в классификацию подобных культовых объектов могут внести как раз фольклорные тексты, дающие представление о функционировании святыни в той или иной локальной традиции. Снабдив каждый объект его “фольклорным описанием”, можно установить, является ли его имя первичным по отношению к окружающим его текстам, или, наоборот, название святыни порождено текстами о нем (или под их влиянием неоднократно менялось).

Тема локальных святынь продолжена публикацией Л. Дучиц “Культовые деревья в Белоруссии” (S. 57–61), в которой рассматриваются свидетельства почитания деревьев (в первую очередь дуба) в белорусской картине мира. О культовом почитании деревьев свидетельствуют такие названия, как “Святы Дуб”, “Добры Дуб”, “Волат”, “Перунаў Дуб” и др.; архаичные представления отразились, по мнению автора, в таких наименованиях, как “Змеёў Дуб”. Отмечены также следы почитания сосны, липы, груши, березы, вербы – но это уже факт фольклорных верований, а не фрагменты культов, связанных с конкретными деревьями, и потому, на наш взгляд, такие свидетельства должны рассматриваться отдельно, в связи с поверьями о деревьях, бытующими в восточнославянской народной традиции.

Отражению фольклорно-этнографического материала в книжных источниках посвящена статья Л. Помпео «Гуманистическая этнография в “Epistola de sacrificiis et idolatria veterum Borussiae, Livonum aliarumque vicinarum gen-

tium” Яна Сандецкого-Малецкого» (S. 63–74). В анализируемом тексте XVI в. автор выделяет ряд фрагментов, относящихся к традиционной культуре региона, включающего территории нынешних Польши, Литвы, Латвии, Белоруссии и Украины. Это сделанные Сандецким-Малецким описания жатвенного обряда, ритуалов, приуроченных ко дню св. Георгия (23 апреля), погребального обряда. Данные фрагменты, во-первых, во многом соответствуют этнографическим описаниям более позднего времени, а во-вторых, содержат аутентичные термины (типа *zazinek*, *ozinek*, ср. “зажинки”, “обжинки”) и тексты на “рутенском” языке (например, похоронное причитание на белорусском диалекте). К сожалению, сравнительный славянский материал автором привлекался только из трудов В.Я. Проппа и Д. Фрезера, что не позволило ему дать по-настоящему полную картину соответствия материалов Сандецкого-Малецкого живой народной традиции.

Следующая группа материалов погружает читателя в мир фольклорно-мифологических образов.

М. Кропей в статье “Десятый ребенок в народной традиции” (S. 75–88) рассматривает образ десятого по счету ребенка (*desetnik*, *desetnica*) в славянской, балтийской и ирландской традициях. Согласно народным представлениям, такой ребенок может быть воплощением божества, демонического существа или обладать магическими способностями. Опираясь на материал словенских народных песен, автор рассматривает в этом контексте образы Зеленого Юрия и Маргетицы (Марии), соотнося таким образом фигуру десятого ребенка с существом из сакрального мира (ребенок божества, само божество) и определяя его функции как в первую очередь связанные с плодородием. Остается, однако, неясным, как автор интерпретирует тот факт, что аналогичные поверья в славянской традиции связаны не только с десятым ребенком, но отчасти и с третьим, и с седьмым, и с девятым, и с двенадцатым, и с тринадцатым... Возможно, здесь следовало бы обратить специальное внимание на то, что все эти дети чаще всего еще и самые младшие в семье – “последыши” или “поскребыши” [2], традиционно наделяемые в народной культуре сверхъестественными свойствами.

Проблеме соотношения шаманизма с традиционными венгерскими верованиями посвящена статья Л. Кюрти “Путь талтоша: переоценка религиозно-магического специалиста” (S. 89–114). Автор обнаруживает в образе талтоша, шамана, способного обращаться в жеребца или быка (вихря) и сражаться с другими талтошами, защищая благополучие своего коллектива, сибирско-алтайские мотивы, но скептически относится к концепциям, воспринимающим шаманизм как древнюю религию венгров. Этот скепсис можно разделить, если учесть, что сходный персонаж – *здухач* – существует и в южнославянских верованиях.

Значимый для народной культуры образ пастуха рассматривается в статье М. Менцей “Пастухи-колдуны” (S. 115–124). Анализируя фигуру пастуха в народных верованиях, автор приходит к выводу, что не все пастухи могут быть отнесены к категории “знающих”, т.е. обладающих магическими способностями. Пастух может получить свою силу не только в результате обладания магическим текстом типа восточнославянского “отпуска”, но и в результате контакта с представителем потустороннего мира. Ученый вновь обращается к образу “волчьего пастыря” [3], анализируя механизм власти пастуха над дикими животными (в первую очередь волками). В качестве иллюстративного материала в статье широко привлекаются тексты заговоров и описания обря-

дов типа “замыкания пасти волку”. Однако большинство этих текстов не имеет прямого отношения к пастушеской магии, являясь общеизвестным набором охранительных средств, которыми пользуются в быту не только и не столько пастухи.

Публикация И. Годоровой-Пирговой “Мир демонов в рассказах и образах” (S. 125–132) открывает новую для альманаха тему современного городского фольклора. Обратившись к современным нарративам о сверхъестественных явлениях, автор сравнивает их с традиционными народными мифологическими рассказами (быличками) о контактах человека с нечистой силой. Материал показывает, что в рамках современной массовой культуры одно и то же загадочное явление (например, таинственные круги на земле) может быть объяснено и с позиции традиционных верований (как следы демонических персонажей самодив или вил – так называемое *виллино коло*), и с позиции современных “научных” представлений (след на месте приземления НЛО).

Л. Ристески в статье “Посмертный ритуальный танец – оро – у балканских славян” (S. 133–148) обратился к одному фрагменту погребальной обрядности, рассмотрев его в контексте послепохоронного ритуального комплекса. На основе материалов из большинства южнославянских регионов (Македония, Словения, Хорватия, Сербия, Босния и Герцеговина, Черногория, Болгария) был проанализирован хореографическо-музыкальный (песенный) обряд, целью которого является нейтрализация опасности, исходящей от покойника, и защита живых членов социума. Автор представил структурно-семиотический анализ танца “оро”, особое внимание уделив его символическому языку (движение по кругу, кружение, особая роль матери или вдовы умершего и т.п.).

Трансформациям образа литовского бога Перкунаса посвящена статья Н. Лауринкене (S. 149–157). Функции громовника Перкунаса в литовском фольклоре воспринял библейский пророк Илья подобно тому, как у восточных славян он заместил Перуна: автор предполагает, что такая трансформация в литовском фольклоре произошла под влиянием славян – сходные мотивы известны в соседних районах Белоруссии. То же сходство обнаруживает и образ Юргиса – Юрия (св. Георгия), которого традиционно сближают со славянским “языческим” Ярилой (хотя аутентичность последнего вызывает сомнения).

Рубрика “Семиотические интерпретации народной традиции” включает исследования, выполненные в русле структурно-типологического анализа.

Фольклорно-мифологический мотив “заклятой” души, заключенной в тело обвившейся вокруг дерева змеи, рассмотрел Р. Дапит (S. 161–171). Основой для исследования послужила резьянская сказка (отметим, что статья сопровождается публикацией диалектного текста) о том, что змея (душа) дожидается своего избавителя, который должен восстать из колыбели. Данный мотив сравнивается не только со словенскими верованиями о посмертном существовании, но также с иконографической версией “Легенды о кресте”, выполненной итальянским художником Пьеро делла Франческо.

К мифо-эпической традиции балтов обратилась в публикации “Отражение некоторых особенностей построения заговорной картины мира в структурной организации текста (на материале литовских заговоров)” М. Завьялова (S. 173–186). Как отмечает исследовательница, “основной принципиальной особенностью заговорного текста является <...> стремление к воссозданию единства мира, к целостной и замкнутой структуре” (S. 174). Этой цели слу-

жат и отдельные закономерности, наблюдаемые при построении заговорного текста: повторы, уменьшительно-ласкательные суффиксы, повторение определенных звукосочетаний, особая роль имени в грамматических конструкциях. Все перечисленные формальные элементы создают особую спрессованную текстовую структуру, в которой все объекты ассоциативно связаны (по синонимичному признаку или по признаку смежности, по звуковому сходству), а сам текст похож “на сжатую в комок пружину, готовую к удару” (S. 183).

Ф. Ваз да Сильва в статье “Золушка – истребительница дракона” (S. 187–204), опираясь на не получивший в фольклористике всеобщего признания тезис В.Я. Проппа о том, что “все волшебные сказки происходят из единого источника”, пытается доказать, что сказочные сюжеты типа “Золушка” и “Истребитель/победитель дракона” составляют единое “семантическое созвездие” (S. 187). С позиций “символического анализа”, предложенного автором, нерелевантным оказывается какое бы то ни было классификационное деление сказочных сюжетов, а значимость приобретают, например, мотив потери обуви, через который происходит узнавание героя, антагонистические пары мать–дочь, отец–сын, “хтонические” коннотации, связанные с прядением, пеплом и т.д.

Рубрика “Не индоевропейские параллели” содержит статью М. Мильчински “Завоевание внутренней природы по Раджа-Йоге” (S. 207–215), посвященную одному из основных направлений индийской йоги.

В разделе “Развитие исследовательских методов и критические обзоры” представлены краткие рецензии на ряд вышедших изданий, связанных с проблемами славянской мифологии. В краткой рецензии Н. Михайлова на “мифологические” книги М. Евзлина и З. Шмитка (S. 218–221) отмечается тенденция к синтезу “антагонистических” подходов, именуемых рецензентом “теоретическим” (структурный анализ) и “практическим” (систематизирующим фольклорные реалии). Интерпретации археологических свидетельств о славянских святилищах на о. Рюген посвящена работа Х.-Д. Каля (S. 223–238). Рецензия Р. Зарова (S. 239–243) на противоречивую книгу Д. Хаббз “Русь–матушка” (“Mother Russia”) содержит ряд критических замечаний, касающихся серьезных фактических ошибок и казусов относительно мифологии и религии славян; рецензент относит их за счет слабого знакомства с этой темой на Западе, особенно в англоязычных странах.

В четвертом выпуске SMS раздел, посвященный проблемам реконструкции славянской мифологии, отличается тематическим единством – все статьи посвящены персонажам славянского пантеона, их позднейшим ипостасям и трансформациям, вопросам христианизации славянских народов.

В публикации М. Шашель Кос “Белин” (S. 9–16) анализируется народный культ “святого Белина” у словенцев в окрестностях Толмина. Этот персонаж почитался как целитель. Автор пытается прояснить генезис народных представлений о Белине, сопоставляя его с Белинусом/Беленусом – кельтским божеством, почитавшимся в римской провинции Акилия. На формирование культа “св. Белина”, с точки зрения исследователя, мог повлиять языческий культ Белобога (*Belibog*, *Belinec*), который славяне принесли с собой при переселении в этот регион.

Н. Михайлов (S. 17–24) подверг разбору трактат М. Френцеля о славянских богах (“*Dissertationes historicae tres de idolis Slavorum*”, XVII в.), содержа-

щий эклектичное описание славянского и лужицкого пантеонов и представляющий собой яркий образец “кабинетной мифологии”.

В статье Ф. Шмидта “Животные и человеческие строительные жертвы у северо-западных славян” (S. 25–34) анализируются археологические находки костных останков животных в окрестностях Мекленбурга и Ретры. Останки, найденные на местах, где впоследствии были воздвигнуты здания, автор трактует как свидетельства обряда строительной жертвы, подкрепляя свою гипотезу фактами славянского фольклора и письменной традиции. Он обнаруживает и свидетельства человеческих жертвоприношений. Впрочем, археологические интерпретации человеческих останков как жертв требуют особой осторожности – данные фольклора о принесении человеческой жертвы для прочности крепости и т.п. не могут восприниматься как непосредственные свидетельства этой кровавой практики.

А. Плетерский в своем исследовании (S. 35–46) стремится ответить на вопрос: “Противились ли южные славяне христианизации?” Опираясь на данные археологии, автор приходит к выводу, что в южнославянском регионе язычество и христианство смогли выработать механизм сосуществования, следы которого наблюдаются и по сей день. Представления о симбиозе язычества и христианства, “двоеверии” и тому подобных явлениях стали общим местом исследований по славянской культуре, при том что в этой культуре практически не осталось следов собственно дохристианских представлений и культов, фольклор был христианизирован (заметим, что приводимое автором свидетельство симбиоза – “идол” св. Мартина из Сильберберга (S. 42) – не имеет прямого отношения к славянам и представляет собой кельтскую статую).

Работа Н. Чаусидиса “Мифические оппоненты на раннесредневековых поясных наконечниках” (S. 47–80) – очередной опыт исследователя в области реконструкции славянского язычества. Анализируя зоо- и антропоморфные изображения на аварских поясах VII–VIII вв., автор атрибутирует им символику, связанную с противоборством небесного и хтонического персонажей из-за обладания скотом. Он предполагает, что пояса могли принадлежать и паннонским славянам, поскольку авары участвовали в их этногенезе.

Р. Заров в статье “Принятие христианства полабскими славянами” (S. 81–96) справедливо отмечает сложности, сопровождавшие этот процесс, и связанные не только с приверженностью ободритов к традиционным верованиям, но и с имперскими амбициями германских христианизаторов, стремившихся подчинить славян.

Завершающая раздел публикация В. Турчана “Древнеславянские святилища в Чехии и Словакии” (S. 97–116) содержит каталог памятников по преимуществу великоморавской эпохи (VIII–IX вв.). При этом обсуждается проблема славянского жречества: автор справедливо указывает на сложность выделения жреческих комплексов среди погребальных памятников.

Состав раздела “Семиотические интерпретации народной традиции” более пестрый. Открывает его статья “Астральная символика дороманского рельефа в Кёчахе (Годищах)” (S. 119–140), автор которой, З. Шмитек, реконструируя символику изображения на фасаде церкви св. Георгия в Австрийской Каринтии, приходит к выводу, что это ни что иное, как изображение созвездия Ориона. Обратившись к словенскому фольклору, ученый находит в нем реликты классической астральной мифологии; приводятся также народные названия Ориона типа “косари” и наименования, связывающие это

созвездие с именами свв. Иоанна, Петра и Андрея. Остается все же открытым вопрос: что именно символизирует Орион (если так трактовать это изображение) на фасаде храма – является ли это наследием античных традиций (тогда каких?) или перед нами раннехристианское изображение антропоморфного креста, или изображение, связанное с представлением о месте пребывания души после смерти?

Знакомить читателей с фольклорной традицией славян из области Резия в северо-западной Италии продолжает Р. Дапит. В его публикации (S. 141–158) речь идет о текстах заговоров и их символике, а также о самой фигуре “заклинателя”. Автор не ограничивается резьянским материалом, демонстрируя также образцы заклинательной традиции из областей Фриули и Крас (приводятся аутентичные диалектные тексты – заговоры от змеиного укуса, от болезней, от злых духов и др.).

М. Менцей в статье «“Волчий пастырь” в контексте новейших исследований по славянской мифологии» (S. 159–187) сравнивает результаты собственных исследований об этом мифологическом персонаже (см. [3]) с разработками других ученых, в частности, с исследованиями Р. Катичича и В. Белая в области славянского культа плодородия. Ключевой фигурой оказывается св. Юрий, часто выступающий в славянских верованиях как предводитель и покровитель волков или, согласно другой точке зрения, как ипостась славянского языческого бога плодородия, похищенного предполагаемым хтоническим божеством Велесом. М. Менцей усматривает сходные черты в славянских новогодних обрядах и ритуалах “волчьих праздников” и приходит к выводу о том, что культ “волчьего пастыря” является “пастушеской версией” общеславянского культа плодородия.

Д. Айдачич посвятил свою статью (S. 207–224) образу женских мифологических персонажей, вил, в южнославянских народных балладах, сравнив этот образ с поверьями и рассказами о вилах. Отмечается противоречивость образа вилы в фольклорных нарративах (дружественный или, наоборот, враждебный человеку персонаж), обусловленная, вероятно, слиянием представлений о вилах как природных духах и демонических существах; соответственно анализируются балладные сюжеты, в которых описываются жестокость и коварство вил, с одной стороны, и их любовная привязанность к человеку – с другой.

Статья М. Детелич “Святой Сисиний в сумерках устной словесности” (S. 225–240) рассматривает путь конкретного мифопоэтического мотива из сферы агиографии в область фольклора. Материалом для исследования стала так называемая Сисиниева легенда и апокрифическая молитва от лихорадки. В приложении публикуются тексты разных жанров (апокрифическая молитва, легенда о св. Сисинии, легенда о св. Петке и дьяволе, рассказ о чуде св. Сисоя), на примере которых показана трансформация 15 мотивов – противостояние героя и антагониста, поставленная перед героем задача, испытание героя, изгнание противника и т.п. – на пути от книжной легенды к сказке.

Интересный и ценный с фольклорно-этнолингвистической точки зрения материал представлен в работе А. Светиевой “Празднование дней св. Варвары, св. Игнатия и Рождества в области Кратово” (S. 241–252). Приводимые в статье данные из северо-восточной Македонии показывают, что цикл зимних праздников, начинающийся со дня св. Варвары (4 декабря) и оканчивающийся кануном Рождества (24 декабря), и сегодня чрезвычайно актуален в народном календаре. Отмечаются такие черты этого праздничного цикла,

как аграрная направленность обрядов, наличие магических ритуалов, способствующих успеху и плодородию, и т.п.

О почитании огня у балтов и в связи с этим о роли и функциях литовского божества огня Габия пишет Р. Эккерт (S. 253–263). Исследование построено на материалах исторических источников XVI–XVII вв. (в том числе работах упоминавшегося в обзоре Яна Малецкого, а также М. Преториуса и др.) и этнографических материалах (всего рассмотрено 50 контекстов, в том числе дайны). Автор приходит к выводам, что на основании имеющихся данных невозможно говорить о существовании единого протобалтийского божества огня; только в литовской традиции прослеживаются представления о божестве огня, чье имя было отмечено элементом *gab; славянское божество огня связано с иранским; следы культа огня присутствуют в латышских народных песнях.

Особняком в сборнике стоит статья М. Евзлина “Сирены, или странствие по стране смерти” (S. 189–206), построенная исключительно на анализе древнегреческих литературных источников.

Завершает книгу краткий обзор Н. Лауринкене семнадцатого выпуска серии “Quellen und Studien zur baltischen Geschichte” – исследования И. Лувен о культе домашних змей у латышей и литовцев (2000).

© 2004 г. *О.В. Белова, В.Я. Петрухин*

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 02-04-00067).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белова О.В., Петрухин В.Я.* Обзор новых изданий по славянскому язычеству и мифологии // *Славяноведение*. 2000. № 4.
2. *Кабакова Г.И.* О поскребышах, мизинцах и прочих маменькиных сынках // *Живая старина*. 1994. № 4.
3. *Mencej M.* Gospodar volkov v slovanski mitologii. Ljubljana, 2001.



Л. БЕРЕЗИН. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ХОРВАТИИ И ВОЕННОЙ ГРАНИЦЕ (1863 год)

Л.В. Березин, географ и историк, стал русским вице-консулом в Риеке в ноябре 1862 г. В июле–августе 1863 г. он совершил поездку по западной части гражданской Хорватии и Военной границы, о чем послал подробный отчет послу в Стамбуле Н.П. Игнатьеву¹. Эта записка – одно из ряда сочинений Березина, посвященных хорватским землям – их истории, общественной мысли, культуре, экономике, населению, административному устройству, политической обстановке, положению церкви. В своих донесениях Березин видел причину оппозиционных австрийскому правительству настроений хорватов в “материальном положении” (как он писал) Хорватии-Славонии (высокие налоги, хозяйственные трудности, безуспешность попыток построить важную железную дорогу Риека-Земун и др.) [1. Д. 1017. Л. 46 и др.], а также указывал на влияние внешних событий – объединения Италии, политики Франции и России, обстановки на Балканах.

Некоторые сочинения (статьи, обзоры) Березина были опубликованы в русской печати, другие сохранились в архивах. Данные, содержащиеся в сочинениях Березина, частично приведены в наших работах [2]. Для самого автора его статьи послужили подготовительным материалом для двухтомного исследования, уникального для своего времени по объему и богатству содержания (это первое русское обширное исследование, посвященное Хорватии [3]).

В публикуемом ниже отчете Березин сочетает рассказ о природе страны с историческими экскурсами и краткой характеристикой общественно-политической обстановки в Хорватии во время “режима Шмерлинга”. Нарисованная автором картина не может оставить равнодушным читателя, интересующегося прошлым Хорватии.

В данный текст внесены необходимые изменения: устаревшая русская орфография заменена современной. Примечания, сделанные Л. Березиным, обозначены курсивом.

© 2004 г. В.И. Фрейдзон

Отправляясь из города Фиуме² в село Топуско (в 1-м Банальском регименте в 6 часах³ от Карловца), мне предстояло на выбор два пути: один – через

¹ В самом тексте записки заголовок отсутствует, однако именно так назвал свою записку Березин в донесении Игнатьеву [1. Д. 1016. Л. 3–18].

² Риека (хорв.).

³ Здесь и далее расстояние указано в часах езды лошадьми. Регимент – территориальный полк. Хорватско-славонская Военная граница состояла из 11 полков.

Карловац, а другой – по железной дороге через С. Петерс, Аграм (Загреб. – В.Ф.) в Сисек, откуда 4 часа езды в почтовом экипаже до села Топуско. Первый путь, хотя и ближайший, но соединен со многими неудобствами, второй же уже более спокоен. Я решил ехать в с. Топуско чрез Карловац с целью возвратиться в Фиуме чрез Сисек и Аграм.

На расстоянии нескольких часов мне надлежало ехать по весьма грустной местности: Людовицеа – название дороги, идущей из Фиуме в Карловац – проходит по склону Карс-планины (отрасль Альпийских гор), которая, спускаясь из южных частей Крайны и держась направления на Юго-Восток, представляет на протяжении своем в приморской части Хорватии каменистую, лишенную всяких признаков растительности поверхность. Впрочем, по мере удаления оной на восток природа видимо оживает: появляются источники, встречаются пихтовые и ольховые леса, идущие из северо-восточной части Хорватии, вообще, плодородие почвы заметно уже обозначается. Первое попавшееся мне село было Ореховица – около 60 домов в получасовом расстоянии от Фиуме, – получившее, без сомнения, название от растущего вблизи орешника. Не считаю лишним здесь заметить, что отличительной внешней характеристикой хорватских сел является разбросанность сельских строений на значительном пространстве. Случалось мне видеть стоящий особняком дом, в нескольких сажнях⁴ от него – другой, затем – третий и т.д. – все они составляли одно село. Крайняя бедность населения лежащих вдоль Людовицеи сел сильно противоречит с выгодностью, по-видимому, местоположения оных: расположенные при наилучшей в Австрии дороге и между двумя торговыми пунктами – Карловцем и Фиуме – селения эти должны были бы, как можно было бы предполагать, находиться в лучшем положении. Если же принять в соображение условия, с коими связан их быт, нельзя не убедиться в противном: каменистая почва, слабо вознаграждающая труд селянина, стеснительные меры правительства по отношению развития сельской промышленности, значительные подати, коими обложено сельское сословие в Хорватии, построение железной дороги из Сисека в Штейнбрюк⁵, изменившее отправление товаров из Боснии, Славонии, Баната и Венгрии, отправляемых уже (не по Людовицеи в Фиуме, как было прежде) из Штейнбрюка в Триест, наконец, значительные шоссейные пошлины, взимаемые на Людовицеи, – вот причина упадка торгового движения по Людовицеи, застоя сельской промышленности, а следовательно и расстройтва самого домашнего хозяйства селянина.

Дорога ведет в гору: вправо, в долине, образуемой двумя склонами горы, лежит небольшое хорватское село Свильно. Подвигаясь вперед, мне приходилось ехать по местам, ознаменованным в истории Хорватии многими событиями, относящимися к эпохе нападения на Хорватию монголов. Так, после полуторачасовой езды прибыл я в село Чавля, расположенное на склоне Гробник-планины и входящее в состав сел Гробникского поля. Народное предание, описывающее помянутое поле как место славной победы хорватов под начальством одного из рода Зринских – Степана I и фамилии Франкопанов в

⁴ Сажень – старая русская меры длины, равна 2.13 м.

⁵ Пункт на хорватской границе, место стыковки австрийских железных дорог с собственно хорватской веткой, соединившей Загреб с австро-славянскими землями. Автор четко рисует экономические последствия создания железнодорожной связи Вены с Загребом и Сисаком (1862).

1242 г. над монголами, не преминуло оттенить повествование свое разными мифическими сказаниями: так оно говорит, что во время самой битвы падали на монголов с неба камни, а также и змеи, которые сосали их кровь. Впрочем, г. Кукулевич⁶ в изданной в нынешнем году брошюре на основании исторических документов определяет место битвы хорватов с монголами (1242 г.) в окрестностях города Карлопаго (Карлобаг. – В.Ф.). Народное же предание, мною выписанное о Гробникском поле, и самое название оно⁷ ясно свидетельствуют, что было оно некогда местом какого-то исторического события, – в подтверждение сего последнего предположения можно привести также и то, что, во-первых, гробничане сохранили до настоящего времени название пасоглавцы, которое придают они монголам, а во-вторых, находящиеся на вершине горы, примыкающей с юго-запада к Гробникскому полю, развалины замка Франкопанов, по пресечении их рода перешедшего во владение фамилии Зринских, – ныне же – собственность графов Батьяни, – замка без сомнения некогда оборонявшего близлежащую местность от вторжения азиатских племен.

С юго-запада – Гробник-планина и с северо-востока – Хум (местные названия отраслей Карс-планины) ограничивают Гробникское поле. Камни, кои покрывают поверхность оно⁸, и отсутствие всякой растительности – все это идет в связь с самим преданием о Гробникском поле. Здесь лежат села Чавля, Елене, Подхум и некоторые другие; население (до 6000 душ) ведет торг лесом, мебелью, что сбывается в Фиуме, в особенности в двухдневные ярмарки, бывающие три раза в году – в начале июля, августа и сентября месяца и собирающие поселян из околных мест. Нельзя пройти молчанием отсутствие всяких энергических мер Риекского (Фиумского) комитата, которые бы служили к благосостоянию самой жупании: мне пришлось увидеть на Гробникском поле большую часть селян соседних сел, которые копали иссякнувшее от засухи озеро – единственный бассейн воды для всей этой местности. В заключение описания Гробникского поля считаю долгом заметить, то Риекский комитат, принимая во внимание всю историчность, по преданию народному, Гробникского поля, пожелал избрать оно⁸ в 1862 г. за место народного торжества по случаю освящения комитатского знамени, – торжества, оставившего здешним хорватам весьма грустное воспоминание⁸.

⁶ Иван Кукулевич-Сакцинский (1816–1889) – крупный деятель национального движения 30–40-х годов XIX в. В 1847 г. выступил в саборе (хорватском представительном собрании) на хорватском языке, потребовав его возвышения до уровня официального взамен латыни.

⁷ Древнее название Гробникского поля было Елене-поле от лежащего там села Елене.

⁸ *Новейший далматинский поэт Паско Казали издал в июле месяце текущего года поэму Grobnik, где относит появление в Хорватии монголов приглашению их немцами, а также описывает события, сопровождавшие народное торжество 12–25 мая 1862 г.* Гробник и его округа подвергались нападением османов (в 1470-х годах) и, очевидно, с ними (а не с монголами в XIII в.) здесь происходили упорные сражения.

В донесении от 25 мая 1862 г. вице-консул Кожевников (предшественник Березина) сообщал о торжествах, связанных с освящением жупанийского знамени в Гробнике. Присутствовал выдающийся лидер либерального движения епископ Й.Ю. Штросмайер (1815–1905), раздавались возгласы: “Живели хрвати!” Однако вечером возвращавшаяся в Риеку процессия подверглась оскорблениям. Толпа, принадлежавшая, как сказано в одном из донесений, к “итало-венгеро-хорватской партии”, т.е. состоявшая из противников вхождения Риекского округа в состав Хорватии, забросала процессию камнями, имелись раненные. Хорватские власти произвели аресты [1. Д.1015. Л.18].

Начиная от села Чавля, дорога круто идет в гору до села Елене, – свежесть температуры становилась весьма ощутительна, хотя был еще июль месяц. На пути лежат два небольших села: Каменяк, получившее свое название от хребта, венчающегося скалами, которые от самого села тянутся на некоторое расстояние вдоль дороги, и Шкроботняк.

Село Елене, в четырехчасовом расстоянии от Фиуме, расположено на самой возвышенной точке Карс-планины и служит пунктом соединения двух дорог – Людовицеи (из Фиуме в Карловац) и Каролины (из Фиуме через Буккари (хорв. Бакар. – *В.Ф.*) в Сень и из Буккари в село Елене), господствует оно, таким образом, над всей приморской частью Хорватии. Во время последней Итальянской войны⁹ австрийское правительство – на случай высадки французского войска в каком-либо приморском пункте Хорватии и в видах предупреждения движения оного во внутренность страны – поспешило укрепить помянутое село, – до настоящего времени сохранилась еще батарея, при коей находится рота солдат.

Спускаясь вниз, голая каменная поверхность Карс-планины принимает уже другой вид: показывается растительность, а в получасовом расстоянии далее тянется еловый лес, одна часть коего называется Плата, а другая – Регина.

Хорватский элемент уже начинает смешиваться с чешским и словенским. Частная венгерская компания, получившая дозволение от австрийского правительства провести шоссе из Фиуме в Карловац¹⁰, наняла рабочих между словенцами и чехами. Прибывши в Хорватию со своими семействами, по окончании работ поселились они вдоль Людовицеи и положили основание некоторым селам, как, например, Локва, Дельнице и т.д. Само правительство в видах обезопасения помянутой дороги, проходившей совершенным пустырем, продавало по весьма низкому ценам прилегающие к ней места с целью, без сомнения, заселить помянутую местность. Так, нередко попадаются 2–3 жилых строения совершенным особняком, служащие постоянным пребыванием владетеля близлежащих земель, – как, например, не доезжая села Мерзла-вбдица.

На всем пути от Фиуме впервые встречаются здесь источники. Река Водица, берущая здесь начало, вскоре исчезает в горах и вторично появляется уже на противоположной стороне их. Подобного течения реки весьма часты в Хорватии, в особенности в Военной границе. Невдалеке отсюда при селе Локве идет на юг от Людовицеи через Врбовско другая дорога – более краткая, впрочем, худосодержимая, в Северин, но так как не взимается там шоссейной пошлины, то товары и отправляются по большей части этим путем – через Северин в Карловац.

Продолжая ехать по Людовицеи, на пути повстречалось мне село Дельнице – пребывание судца Дельничского котара¹¹. В каждом котаре мы находим двоякого рода управление: судебная и административная власть принадлежит котарскому судцу, поставляемому великим жупаном, финансовая часть, как то: взимание податей и разного рода повинностей с населения входит в ведение порезного управления, находящегося в прямой зависимости с отделением министерства финансов в Фиуме, которое уже сносится с самим министерством финансов в Вене. На последнем загребачком Соборе хорваты заявили свое же-

⁹ Имеется в виду война Австрии против Франции и Пьемонта в 1859 г.

¹⁰ Построенная дорога стала называться Людовицеа, и открытие ее происходило в 1805 г.

¹¹ Котар – район, часть жупании – области. Начальник области – великий жупан.

ление подчинить финансовое управление ведению самого собора, но домогательства их не увенчались успехом¹². Устройство в каждом котаре финансовых бюро, имеющих правительственных чиновников, может, в случае нужды, принести немалую выгоду правительству по отношению получения подробных сведений о настроении умов местного населения.

На всем пространстве между Фиуме и Карловцем сербское население весьма незначительно: кроме села Моравице¹³, в нескольких часах расстояния от села Дельнице, уже больше не встречается сербских сел в этой местности. Ослаблению сербского элемента в Хорватии немало содействовали: 1) притеснительные меры правительства по отношению православного населения, – так, например, Мария Терезия даровала хорватским селам магистрат, совмещавший в себе внутреннюю администрацию, кроме того, были даны им и многие другие привилегии; 2) деятельность австрийского правительства и иезуитов, прибывших в XVII в. в Хорватию, направленная к потрясению православия; 3) поселение по распоряжению правительства чехов, моравов и славонцев¹⁴ между сербами в виду сделать католический элемент преобладающим vis-à-vis сербского. При такой опасности, которая неминуемо грозила православию, сербы начали уже с давнего времени выселяться далее на восток и юг, оставляя свои жилища вновь прибывающим поселенцам-католикам.

В двухчасовом расстоянии от села Моравице, на границе Риекской и Загребской жупаний, при реке Кульпа лежит село Северин – владение одной из богатых фамилий хорватских баронов Враницани. Не считаю лишним заметить, что Риекская жупания есть наибеднейшая из семи хорватских жупаний. На пространстве 28 кв. миль и 87 000 жителей не находится ни одного города, кроме Фиуме, села же, как я выше заметил, весьма бедны.

Начиная от села Северин, местность уже более ровная: отсюда идет до города Карловца так называемая Покупска равнина. Не стану описывать сел, попадающихся по пути до Карловца, – ограничусь только поименованием их: Кланац, Бихово, Босанац, Вукова-гораца, Прилиште, Нетретичь и Дубовац. Езда по Людовицеи – наилучшей в Австрии дороге и служащей почтовым трактом во внутренность Кроации – не представляет тех удобств, каких можно было бы ожидать: 24-х часовом расстоянии не находится ни одной почтовой станции, где можно было бы получить чего-нибудь съестного, что мне невольно напомнило поездки мои, совершенные при тех же условиях в Турции.

Город Карловац – при слиянии рек Корана и Купа – представляет двойное в административном отношении устройство: гражданское, как город Загребской жупании, и военное, как главное место штаба Слунского регимента. Построение Карловца (Карлсштадт) относится к XVI ст. Эрц-герцог Карл, брат императора германского Рудольфа II, с целью доставить хорватам оплот на случай вторжения в Хорватию турок, положил основание в 1579 году городу, наименовав оный Карлсштадтом. Каменная стена и ров, окружавшие оный и сохранившиеся до настоящего времени, разделяют город на две части: военный город за стеной и гражданский, выстроенный уже в позднее время вне

¹² Речь идет о саборе 1861 г. Достижение финансовой автономии Хорватии осталось одной из задач хорватского национального движения вплоть до развала монархии Габсбургов.

¹³ *Имеется там православная церковь.*

¹⁴ До 60-х годов XIX в. католическое население Славонии обычно называлось (и называло себя) славонцами. Этноним “хорваты” упрочился здесь в 60–70-е годы.

стены. В 1581 г. Карловац получает право именоваться свободным королевским городом. Турки, начавшие делать свои вторжения в Хорватию в середине XV в., успели в 1595 г. покорить все пространство между средними частями рек Купа и Корана, Карловац же выдержал их нападение. В начале XVII в., по приобретении Австрией турецких владений, простиравшихся между реками Купа и Уна, и, по введении в них военного устройства, Карловац избран был местом штаба Слуинского регимента.

Прибыв в Карловац накануне приезда туда епископа дяковарского Штросмайера, нашел я хорватов, занятых приготовлениями к приему Штросмайера, уважаемого не столько за политику, далеко не совпадающую с интересами народа, сколько за значительные пожертвования на пользу народных учреждений¹⁵. Я уже имел честь описать Вашему превосходительству празднество, устроенное карловчанами для Штросмайера. Необдуманная выходка каноника Мишкатовича по отношению православного протоиерея карловацкого Бековича была не одобрена хорватами: все хорватские газеты, описывая помянутое карловацкое торжество, прошли молчанием полемику Мишкатовича с Бековичем.

Держась пути из Карловца на Топуско, мне следовало ехать по Слуинскому регименту (25 кв. миль и 60000 жителей). Регимент этот подразделяется на три части: дольна – примыкающая к Карловцу, средняя – небольшое пространство земли при западных границах гражданской Кроации, образуемое поворотом р. Кульпы, и горьне – при западных границах гражданской Кроации между реками Кульпа и Сава. Шесть часов езды, отделяющих Карловац от села Топуско, не представляют ничего особенно замечательного. На расстоянии 5 часов приходится ехать по недавно исправленной Шокчевичем¹⁶ дороге, которая идет из Карловца через Глину и Петринью в Костайницу. Заметно спускаясь с Покупской равнины, проезжаешь небольшие возвышенности, достигающие уже самого села. На половине пути и на границе Слуинского и 1-го Банальского региментов лежит большое сербское село Войнич, где находится и кафана: можно получить чистую комнату и иметь стол.

Вступая в Военную границу, прежде всего поражает то полное однообразие, которое проглядывается и в домашней жизни граничара, и в отправлении им своих обязанностей, и даже на самой природе: военное начало, идущее в связи с немецким, явственно обозначаются в Военной границе. Общая подлежимость граничарского населения военной службе и обязанность оного быть постоянно наготове при первом поданном сигнале двинуться в поход полагают особый отличительный оттенок и на самую домашнюю сельскую жизнь граничара. В Военной границе, мы видим, земледелие и скотоводство предоставляется по большей части женщинам, редко случается, что граничар-селянин занимается полевыми работами. Несмотря на плодородие почвы в Слуинском и Баналь-

¹⁵ 0 Штросмайере в сообщениях Березина упоминается неоднократно. Первоначально Березин считал, что хорватский лидер стремится не нарушать свои отношения с австрийским правительством и вместе с тем сохранить популярность среди народа, в котором преобладает “дух ожесточения против правительства” [1. Д. 1015. Л. 26; Д. 1017. Л. 83–84]. Но вскоре Березин отметил, что венские власти недовольны Штросмайером после его выступления против архиепископа Хаулика, сторонника участия Хорватии в централистском рейхсрате. Это выступление Штросмайера вызвало, по свидетельству Березина, “окации хорватов” [1. Д. 1017. Л. 31, 36; 1863 г.]..

¹⁶ Йосип Шокчевич, бан Хорватии (глава местной власти), генерал.

ском региментах, кои мне пришлось проехать, за отсутствием рабочих рук поля остаются необработанными. Самые сельские строения – все деревянные¹⁷, весьма жалкого вида: сама православная церковь отличалась от окружающих ее строений единственно по возвышающемуся на ней кресту.

Положение хорватского села в Военной границе относительно лучше по отношению сербского. Разность такая происходит от значительных вспоможений, ассигнуемых правительством в помощь хорватских сел, от коих изъяты сербские села. Так, например, правительство строит на свой счет в хорватских селах Военной границы церковь, училище, ассигнует сумму на содержание священника, – сами селяне изъяты от всяких приношений в пользу священника за исключением доставки ему раз в год небольшого воза дров. Сербы же селяне строят на сельские сборы церковь, обязуются отлагать деньги и часть сельских произведений в пользу священника и самого епархиального архиерея. Впрочем, несмотря на такое превосходство внешнего положения католического священника перед православным, хорват-границар имеет больше поверения к сему последнему, ибо находит поведение его более безукоризненным, чем католического священника.

При такой внешней обстановке серба-селянина и хорвата-селянина серб-границар, несмотря на численное превосходство сербского элемента в Слуинском и Банальском региментах, нравственно уступает место хорвату. Немецкие училища – рассадники образования в границарском населении – успевают заметно ослаблять народные его начала. Немецкое направление, приобретаемое с самим образованием, не может, впрочем, легко привиться к еще младенческому уму границара-серба, душою преданного своей старине и крепко связанного узами православия. Народные обычаи и православие твердо еще держатся между простым классом границарского населения. К сожалению, не находит оно себе никакой нравственной поддержки со стороны самого православного духовенства, получающего образование в Плашской семинарии. Чтобы дать более ясное понятие о положении воспитанника, готовящегося к духовному званию и о степени его образования, не премину я изложить некоторые сведения о самой Плашской семинарии. Это есть небольшое, низкое, сырое одноэтажное строение, не отличающееся от окружающих его бедных сельских домов. За недостатком помещения в самом здании семинарии воспитанники живут без всякого надзора начальства между селянами и ведут жизнь, полную соблазна. Чтобы иметь право поступить в семинарию, надо пробыть два года в пучкой школе (элементарной школе). Самое обучение в семинарии под руководством профессоров¹⁸, не имеющих не только способностей, но даже и необходимых знаний, весьма поверхностно: оно состоит в объяснении церковнослужения и кратком изложении истории церкви. Несмотря на такие неблагоприятные условия, с коими связано обучение и само внешнее положение семинариста, всякий поступающий в семинарию обязан ежемесячно вносить 16 гульд. в семинарскую кассу. Кроме того, приходится ему за свой счет обзавестись книгами, одеваться и вообще жить. По окончании курса и после значительных подарков епархиальному архиерею получает он приход в каком-

¹⁷ В гражданской Хорватии попадаетея в селах много строений из нежженого кирпича, выкрашенных по большей части белой краской.

¹⁸ Двое духовных – местный протоиерей и архиерейской диакон – и один светский, дер-жимый единственно ради бедности.

нибудь селе. Для поднятия нравственного православного духовенства в Хорватии надлежало бы более обратить внимания на внешнее помещение семинарии, поведение воспитанников, на выбор самих профессоров и на самую программу преподаваемых предметов.

При совершенной бедности православного населения и отсутствии всякой деятельности на благо церкви Плашского епископа Петра Йовановича, помышляющего более об угождении правительству и приобретении внешних отличий, Плашская епархия изъята в то же время от вспомоществований со стороны правительства, располагающего значительными суммами православных церквей¹⁹, и предоставлена, таким образом, средствам своей паствы. Поэтому мы видим, что на расстоянии 338 кв. миль, где считается до 400000 православных, находится весьма ограниченное число православных церквей и один весьма бедный монастырь Гомериа²⁰.

Изложив вкратце условия, при коих происходит образование православного духовенства в Кроации, не считаю лишним упомянуть при этом о положении здесь и католической семинарии. В каждой католической епархии находится семинария, где обучение продолжается три года и все воспитанники содержатся за счет самого заведения. Поэтому бедные, кончавшие курс наук в хорватских или немецких гимназиях, и, не имея средств продолжать курс высших наук, поступают по большей части в семинарии, по выходе откуда получают тотчас же место сельских священников. Правительство ассигнует суммы на поддержание семинарий, в них читаются предметы на латинском языке, за исключением Загребской и Дьяковарской, где читаются по-хорватски.

В заключение своих заметок о положении сербского и хорватского населения в Военной границе я поименую мнения, высказанные по поводу вопроса: сербы – постоянные ли жители Хорватии или же позднейшие ее поселенцы? Есть три мнения: 1. По мнению г. Кукулевича, сербы постоянно населяли Хорватию, но католическая пропаганда, особенно усилившаяся со времени прибытия в XVII в. в Хорватию иезуитов и нашедшая ревностную себе поборницу в лице Марии Терезии, принуждала сербов или переходить в католицизм, или же оставлять свои земли. Верные православию сербы начали переселяться в Турцию. Но неправосудие и притеснения турок заставили сербов снова искать

¹⁹ В 1786 г. по присоединении к Австрии Буковины, австрийское правительство отняло землю у находящихся там православных церквей и монастырей и весьма значительную сумму от продажи оных положило в свою кассу. Впрочем, маловажные суммы из этого капитала были иногда ассигнуемы правительством в пользу униатских школ. С 1814 г., то есть со времени вторичного присоединения Далмации к Австрии, правительство начало ассигновать из того же капитала сумму (около 20000 гульд) на содержание православной Задрской епархии, принужденное, без сомнения, принять такое решение вследствие положенного уже Наполеоном I во время владения им Далмацией содержания Задрскому епископу. Впрочем, румыны Буковины, выражая ныне желание иметь самостоятельную церковь, домогаются приобрести капитал, хранящийся в Вене, от продажи их церковных имений. Трудно предположить, чтобы румыны в том могли успеть.

²⁰ Д.В. Березин показал противоречивые последствия так называемых “сербских привилегий” в церковно-школьной сфере. Привилегии эти (культурная автономия) были даны сербам (фактически, сербской патриархии) при переселении массы сербов в Срем и юго-восточные комитаты Венгрии в конце XVII в. Бедность населения и небрежение консервативного патриаршества – таковы причины описанного Березиным положения. В то же время автономия обеспечивала минимум условий для развития сербской национальной культуры в Австрии.

убежища в Хорватии. Переселившиеся таким образом из Боснии и Герцеговины сербы в Хорватию суть, по мнению, г. Кукулевича, древние ее жители. 2. Другое мнение, напротив, отрицая местное происхождение сербов, населяющих хорватскую территорию, относит их к древним поселенцам боснийским и герцеговинским, и 3-е мнение, представителями коего Кватерник и Старчевич²¹, отвергает самое существование на хорватской территории сербского элемента. Не подвергая исторической критике мнения вышеизложенные, я не могу пройти молчанием третьего мнения, очевидно, не заключающего в себе никакого основания.

На пути мне попадались виноградники и поля, засеянные кукурузой. В двух часах расстояния от села Войнич лежит село Вергинмост, где следовало свернуть в сторону и поехать до самого села Топуско по весьма дурной дороге. Вправо от меня была Петрова-гора, славящаяся железными рудниками.

Село Топуско лежит в часовом расстоянии от города Глина (место штаба 1-го Банальского регимента – 24 кв. мили и 54000 жителей) и в трехчасовом от кордонной линии²² в долине, замыкаемой с трех сторон горами. Долина эта составляет один из крайних пунктов Посавской равнины. Относительному благосостоянию села Топуско (сербское село) немало содействуют минеральные воды, еще известные в римские времена под именем aquae balissae. Здоровье мое требовало прожить здесь некоторое время. В Топуско есть каменная весьма красивой архитектуры православная церковь, далеко превосходящая великолепие виденную мною в Аграме, и католическая; в селе помещается компания²³. Мне пришлось быть в церкви в день св. пророка Илии, считающегося покровителем сербского граничарского населения. На клиросе весьма согласно пел хор из шести мальчиков. За ограниченностью пучких (элементарных) школ дети из окрестных сел собираются раз в неделю – в воскресенье до начала литургии в Топусской церкви, где приходский священник преподает им Символ веры, молитву господню и другие молитвы, а также обучает их церковному пению. Один из певших детей прочел громко и ясно Апостол. За литургией присутствовал епископ Плашский Петр Йованович, прибывший в Топуско для лечения минеральными водами.

В частых разговорах, какие мне пришлось иметь с епископом Плашским, старался он показать все свое расположение к России и ту неизмерную благодарность, какую живо чувствуют все славяне турецкие, в особенности сербы княжества, за пролитую русскую кровь в видах улучшения их собственного положения, не скрывал от меня желанья снова возвратиться в Княжество Сербию, где может быть он еще полезен.

Близ села Топуско лежат развалины францисканского монастыря, находившегося под Загребской митрополией и разрушенного в XVII в. турками. Монастырь этот, обладая значительными богатствами, содержал окружающую его местность. В получасовом расстоянии далее лежит сербское село Врановина, замечательное по железному заводу, добывающему железо из близлежащей горы Петрова-гора. На северо-запад от села Топуско при реке

²¹ Лидеры радикального крыла национального движения.

²² *Население, живущее вдоль кордонной линии, называется сережаны. Красная суконная, вышитая шнурами куртка и того же цвета с теми же рисунками шапочка составляют отличный костюм сережана. Все население подлежит военной службе.*

²³ Рота, подразделение полка.

Глина, изливающейся в реку Кульпа – город Глина, место штаба 1-го Банальского регимента. Пробыл я там несколько часов в ожидании лошадей, которые должны были меня отвезти прямо в Сисек (три часа езды). Глина – небольшой и весьма бедный город, единственным местом прогулки составляет широкая худовомощенная улица, пересекающая весь город, и оканчивающаяся площадкой, засаженной тремя-четырьмя тополями. Положение города весьма однообразно.

Держась пути на город Петринью, – два часа езды – место штаба 2-го Банальского регимента, мне случилось ехать мимо расставленных вдоль всей дороги военных сигналов, – это суть небольшие и невысокие снопы соломы, которые в случае тревоги сожигаются, и тем дается знать вблизи живущим граничарам о приготовлении к походу. Петринья – пребывание бригадного генерала обоих Банальских региментов – наилучший город в Военной границе. Народонаселение его простирается до 10000 жителей, 2 церкви – католическая и православная, куда приезжают и сербы из Сисека (за неимением там православной церкви). Начиная от города Петринья, приходится ехать по совершенно ровной и вполне однообразной местности вплоть до города Сисека, – вдалеке виднелись верхи хребта Карса. Сисек расположен по обе стороны реки Кульпа, и мост, перекинутый через нее, соединяет военную часть города с гражданской. В Сисеке провел я одну ночь, рано поутру на следующий день отправился в Фиуме через Аграм и Штейнбрюк. Оставляю описание путешествия этого, которое уже было мною совершено по железной дороге.

В заключение описания путешествия моего по Кроации считаю долгом присовокупить, что со времени дела австрийского агента г. Чавловича²⁴ строгие меры правительства по отношению граничарского населения значительно усилились: высшие военные власти, которые суть все немецкие, если заподозрят граничарского офицера в чтении какой-нибудь славянской газеты, то вносят его имя в лист лиц ненадежных; если в одном регименте двое-трое начальников суть сербы, то рассортировывают их по разным полкам, а вакансии их замещают уже немцами. Так, в недавнее время по мною описанной причине полковник Огулинского регимента, родом серб, был перемещен в Петринью. Все граничарское население, в особенности сербское, находится под большим присмотром военного немецкого начальства. Грустное дело арестования в начале мая нынешнего года Шорока – священника из Оточацкого регимента, 2-х торговцев и одного военного, подозреваемых в покупке для боснийцев военных снарядов, произвело сильное впечатление на все пограничное население. Суд над ними уже произнесен, но до начала августа месяца, то есть до моего отъезда из села Топуско, мученики народного дела находились еще в беловарской темнице. Все дело это велось под таким секретом, что трудно узнать подробности оного. В бытность свою в Топуско мне удалось собрать некоторые сведения о священнике Шороке: адъютант Беловарского регимента Бах, командированный для приведения в оковах в город Беловар помянутого священника, прибыл в Оточац в ночное время, немедленно сделал обыск в доме Шорока и затем, арестовав его, отправился немедленно с конвоем обратно в Бе-

²⁴ Л.В. Березин сообщал, что в мае 1863 г. по доносу П. Чавловича были арестованы, кроме Шорока (см. ниже. В.Ф.), два торговца – Гутеша и Узедац, а также один отставной офицер. Они были обвинены в связях с повстанцами в Боснии. Военный суд приговорил всех к тюремному заключению [1. Д. 1017. Л. 84–85].

ловар. Слова, сказанные Шороком капитану Баху и сильно запавшие в сердце граничара, ясно характеризуют самую личность священника: “Не стыдится ли правительство, – говорил Шорок, – своего внутреннего бессилия, что принуждено было так сковать бедного священника и окружить его таким конвоем”. В то время как капитан заметил Шороку, что искра упала в рукав, то он отвечал: “Надо побережь правую руку, дабы она могла поднять меч против врагов славянства”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Гл. архив VA₂.
2. *Фрейдзон В.И.* К положению на Хорватско-славонской Военной границе в 50-х – начале 70-х гг. XIX в. (кризис и ликвидация военной системы) // Ученые записки Института славяноведения. Т. XXVI. М., 1963. С. 80–115; *Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. История, идеология, политические партии. М., 1970.
3. *Березин Л.В.* Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница. СПб, 1879. Т. 1–2.



Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. 315 с.

Среди вышедших в 2003 г. работ отечественных славистов особого внимания заслуживает коллективная монография “Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в.”, ответственным редактором которой является д-р ист. наук И.И. Лещиловская. В состав авторского коллектива помимо нее вошли д-р ист. наук В.Н. Виноградов, канд. ист. наук О.В. Медведева, д-р ист. наук Н.И. Хитрова.

Рецензируемую книгу с полным основанием можно квалифицировать как коллективную монографию в подлинном понимании этого определения. Действительно, перед нами не просто солидный научный труд, написанный группой авторов, а сочинение, задуманное и выполненное от начала до конца единомышленниками. На наш взгляд, эту работу можно рассматривать как пример отечественной постмарксистской историографии. Содержание монографии полностью соответствует заявленному жанру. В тщательно продуманном введении предельно ясно сформулированы цели, поставленные перед авторским коллективом. Они состояли в том, чтобы “раскрыть время зарождения и этапы формирования балканской политики России в XVIII в., ее задачи, место славян в кругу идей и действий российского правительства, отклики славянских народов Юго-Восточной Европы и их воздействие на внешнеполитический курс Петербурга, значение его политики для судеб России и народов Балкан” (С. 4). Оче-

видно, что замысел был весьма масштабным. Ведь в результате исследования читатель должен установить степень взаимозависимости, в известной мере взаимообусловленности политики крупнейшего славянского государства и балканских славян, к тому времени фактически полностью утративших последние атрибуты государственности, находившихся в самом начале длительного пути ее восстановления.

Успешность решения поставленных целей, на наш взгляд, была предопределена несколькими факторами. Прежде всего, речь идет о высоком профессионализме авторов этого труда, научная продукция которых, безусловно, является вкладом в разработку истории взаимоотношений славянских народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII–XIX вв. Немаловажное обстоятельство – сыгранность этого “научного квартета”, не участвовавшего в совместной работе, принесшей весьма позитивные результаты. Определенное значение имела и готовность каждого из вышеназванных ученых дать возможность раскрыться своему коллеге по перу, может быть иногда и в ущерб своим собственным амбициям.

Глубокое знание предмета изучения, сильных и слабых сторон историографии, исследовательских возможностей источниковой базы позволили авторскому коллективу выбрать вектор собственных научных изысканий: подготовить “первое комплексное исследова-

ние, охватывающее отношения всех балканских славян с Россией, раскрывающее церковные, культурные, политические и зарождающиеся экономические связи на протяжении всего XVIII в.” (С. 4). Бесспорно, такой широкий круг проблем получил освещение в большом числе научных трудов мировой историографии. В данном контексте особое значение приобретает критический анализ имеющейся литературы по изучаемой проблематике как необходимый атрибут обобщающего труда, написанного отечественными балканистами, преодолевшими, по их собственным заверениям, “идеологическую ограниченность”.

Что касается отечественной историографии, то положение авторов было действительно сложным, ибо, как уже говорилось, они являются основными “вкладчиками банка информации” российской балканистики. В таком случае, на наш взгляд, так же как и в юриспруденции, историк не должен свидетельствовать против самого себя. Публично оценивать и тем более критиковать свои былые взгляды и наработки – дело добровольное. В этой связи обращает на себя внимание тезис о том, что “авторы отошли от устоявшегося в советской литературе тенденциозного положения о корыстных интересах и экспансии царизма на Балканах, но объективно положительном значении результатов российской внешней политики в этом регионе для исторического развития угнетенных славян” (С. 4). Действительно этой виртуозной формулой придерживались советские балканисты многие десятилетия. В условиях функционирования партийной идеологии она была вынужденным прикрытием для занятий не только табуированной проблематикой, но практически для всей исследовательской и публикаторской деятельности. На современном этапе развития исторической науки неизбежно встает вопрос, какая из двух составляющих этой дихотомии была ложной.

В свою очередь, в рецензированной монографии утверждается, что балканская политика России рассматривается, “исходя из геополитического поло-

жения и вытекающих отсюда коренных интересов крупной страны”. По мнению авторов, характер и содержание внешнеполитического курса России на Балканах определялись географическим, демографическим, политическим, экономическим и историко-традиционным (к сожалению, остается неясным, что же имеется в виду под последним из перечисленных) факторами.

Первая глава “Положение славянских народов Юго-Восточной Европы в XVIII веке”, на наш взгляд, является ключевой для понимания процессов, происходивших в европейской Турции, и соответственно для ответа на вопрос о субъекте сотрудничества и одновременно объекте воздействия со стороны России. Следует признать, что в ней весьма предметно показано унизительное положение “райи” – христианского населения османского государства, говорится о важности традиционных социальных институтов, будь то сельская община или задруга у сербов, о длительном сохранении племенной организации у черногорцев и т.п. Однако, несмотря на то, что в главе верно сделан акцент на роли новых социальных слоев, например, торговой прослойки у болгар, выразителей национальных интересов у славянских народов, очевиден акцент на трагичность укоренившихся порядков.

Обилием точных цифр наполнен очерк о положении дел в Далмации, указывается на обстоятельства, приведшие к коренным переменам в сознании и общественной жизни славян. Не обходятся молчанием такие факты, как оказание русским Синодом с 1715 г. безвозмездной субсидии Цетинскому монастырю (каждые три года по 500 руб. золотом) и с 1798 г. тысячу червонцев – черногорским правителям. Особое место занимает характеристика деятельности различных институтов христианской церкви, в первую очередь православия.

При этом, несмотря на стремление к единству подходов в освещении духовных исканий образованных представителей славянского населения, остается до конца неясным вопрос о складывании идейно-культурной системы национального Просвещения в этом регионе.

Так, наряду с четкой характеристикой особенностей творчества Досифея Обрадовича, яркого представителя сербского Просвещения, деятельность болгарских просветителей излагается, как признает сам автор – О.В. Медведева, в русле “старой историографической традиции”. Это выразилось в том, что “История славяноболгарская о народе и царях” (1762) Паисия Хилендарского по-прежнему является точкой отсчета в истории болгарского Возрождения.

Глава вторая – “Балканская политика России”, которая написана В.Н. Виноградовым, является главной, чрезвычайно важной для понимания и раскрытия замысла книги. В ней рассматривается семь ключевых сюжетов внешнеполитических действий российского правительства в балканском направлении: “Россия и Турция. Начало противоборства; Азовские походы, Великое посольство и мир с Турцией; Трагедия на Пруте; Упрочение связей с южными славянами при преемниках Петра I; Война 1768–1774 гг. и судьбы южного славянства; Греческий проект Екатерины II; Укрепление влияния России в Юго-Восточной Европе”.

К великому сожалению, самая желательная и распространенная рецензия не может передать впечатления от чтения этой главы. Огромный объем информации спрессован на 75 страницах текста. Автор постарался придать манере изложения материала художественную форму. Об этом свидетельствуют характеристики героев: Леопольд – первый монарх Европы – это “невысокий, хилый, дряхлый, с неопрятно отвисшей губой и преисполненный сознания собственного величия” (С. 65) человек; “зловредный Бонапарт” (С. 128) и т.д. Включение множества подробностей (например, описание загулов Петра), широкое цитирование источников, учитывающая особенности стиля XVIII в., индивидуализируют действующих лиц. Все это заставляет самым внимательным образом вчитываться в каждую страницу текста, следить как за изложением материала, так и за авторской мыслью, чтобы не упустить важных поворотов в напряженных внешнеполитических действи-

ях российского государства в балканском направлении.

Впрочем, занимательность текста не помешала автору жестко выстроить свою концепцию балканской политики России. Движение на юг, с его точки зрения, – “это закономерность российской истории”. Он полагает, что после падения Константинополя провозглашение Москвы третьим Римом, идея возрождения христианской империи “заключала в себе освободительное начало и освящалась религиозным долгом” (С. 57), во имя исполнения которого российские правители не жалели человеческих жизней. Так, автор, на примере Ясского мира, который, по распространенному в историографии мнению, не был адекватен затраченным на войну ресурсам, вступает в дискуссию со своими оппонентами. В.Н. Виноградов полагает, что сущность этого договора состояла и в закреплении безопасности южной границы российского государства, и в том, что “подтверждалось покровительство народам Юго-Восточной Европы, оставшимся под властью Высокой Порты. Ни ей, ни ее европейским покровителям не удалось поколебать основы балканской политики России” (С. 127).

Глава третья – “Церковные и культурные связи славянских народов Юго-Восточной Европы и Россия” – написаны И.И. Лещиловской, О. В. Медведевой и Н.И. Хитровой. Общая концепция четырех очерков этой главы, на наш взгляд, состояла в том, чтобы показать роль России в духовной жизни сербов, черногорцев и болгар наиболее всесторонне. Обстоятельством, определившим ориентацию этих народов на Россию, по мнению ученых, была православная религия, наряду с этническим родством, традиционностью культурных контактов и рядом других факторов.

И.И. Лещиловская в очерке “Россия и духовное развитие сербского народа” исходит из того, что XVIII век занял особое место в истории взаимоотношений сербов и России, ибо они получили “прочную основу благодаря общности интересов России и сербского народа в ослаблении Османской империи” (С. 133).

Содержание этой части главы фактически является доказательством того, что “чаяния сербского народа, его укреплявшаяся вера в Россию стали субъективной предпосылкой российской доминанты в сербской духовной жизни” (С. 133–134). Автор показывает как постепенно в условиях безраздельного господства православной церкви в жизни сербов в первой половине XVIII в. нарастает процесс формирования светской культуры.

На основе анализа ситуации с книжным фондом, в школьном деле, в изобразительном творчестве (в основном иконописи), культовом зодчестве, литературе, певческой культуре И.И. Лещиловская приходит к выводу, что “с начала до 80-х годов XVIII в. Россия оказывала монопольное влияние на духовное развитие сербов” (С. 145). Обращает на себя внимание настойчивое стремление автора убедить читателя в том, что речь идет об усвоении русского и украинского опытов. “В первой половине XVIII в. культуры русского и украинского народов были источником, из которого сербы в значительной мере черпали необходимый материал для наращивания и развития своей культуры после длительного оскудения” (С. 141). Наиболее всесторонне в работе представлен путь освоения сербами барокко на примере Захария Орфелина, автора знаменитого двухтомного исторического труда “Житие и славные дела государя императора Петра Великого”. Яркий пример многоликости сербского Просвещения, по мнению И.И. Лещиловской, – наследие знаменитого сербского интеллектуала Досифея Обрадовича.

Особое место в труде занимает изучение связей между Россией и сербской церковью в монархии Габсбургов. Эта проблема в работе рассматривается, в основном, после 1770 г. По мнению автора, эти контакты были направлены на ограждение сербов от давления католицизма и в то же время “несли на себе печать политических интересов” (С. 309).

Самостоятельное место в композиции книги занимает следующий очерк – “Россия в сознании сербов”, в котором утверждается, что “многофакторное воздействие на сознание сербов фор-

мировало на протяжении XVIII в. общественное восприятие России как родственной внешней опоры” (С. 152). На основе анализа в основном произведений сербской светской литературы (Г. Зелича, Й. Раича, З. Орфелина, Д. Обрадовича, П. Соларича), материалов первой сербоязычной газеты “Ведомости”, выходившей в 1792–1794 гг. в Вене (издатель С. Новакович), показано какой виделась Россия, ее правители, народ, история, культура и т.д. в глазах сербских интеллектуалов.

В начале очерка “Церковь и культура Черногории в отношениях с Россией” Н.И. Хитрова дает ответ на вопрос, чем обуславливались тесные контакты между Россией и такой небольшой горной страной как “Горное гнездо” или Черногория. “В основе этих связей лежала потребность в борьбе против Османской империи”, – пишет автор. Причем в этом противостоянии большую, если не определяющую роль играла православная церковь (С. 174). В центре сопротивления был Рождественский монастырь в Цетине, в свою очередь “черногорское духовенство приняло активное участие в защите отечества” (С. 176). В границах Старой Черногории во второй половине XVIII в. население почти поголовно исповедовало православную веру.

В очерке говорится о различных акциях митрополитов, начиная с Данило Петровича, которые целенаправленно добивались “благодарности и благодарности” за героическое участие в антиосманской борьбе (С. 178), причем не только возмещения убытков, издержек и ущерба, но и награждения по заслугам. Надо сказать, что эта линия российско-черногорских взаимоотношений раскрыта весьма полно. Учитывая огромную роль Цетинской митрополии, монастырей в развитии черногорского общества, в труде раскрываются особенности их деятельности как единственных очагов образования и культуры. Особое внимание уделено фигуре Петра I Петровича (С. 186–189).

На примере этого очерка особенно очевидно, что именно политический компонент определял уровень и характер развития церковных и культурных

контактов между Россией и Черногорией, а их интенсивность почти напрямую обуславливалась заинтересованностью черногорцев в материальной поддержке.

Завершает главу очерк “Роль России в духовной жизни болгар”. Следует признать, что он выстроен жестко хронологически и выдержан композиционно. О.В. Медведева справедливо пишет о длительном духовном застое, в котором находился болгарский народ. Вместе с тем вызывает сомнение утверждение (в данном случае можно говорить о бремени историографической традиции) о насильственной исламизации христианского населения этой части Европейской Турции. Именно в этом ключе можно расценивать положение автора в начале очерка о том, что “в эпоху турецкого порабощения речь шла об опасности обращения народа в другую религию – мусульманство, т.е. лишения его фактора духовной независимости – веры” (С. 191). В таком контексте неминуемо встает вопрос, как же при таком немилосердном давлении государственной и религиозной системы Порты “русское церковное и религиозное влияние на болгарское общество в XVI–XVIII вв. получило доминирующее влияние” (С. 191).

Что касается конкретного изложения материала, то в работе прослежены каналы оказания материальной помощи православным церквам и монастырям, прежде всего афонским (С. 191–195), всесторонне проанализированы последствия для культурного развития болгарского населения русского литературно-художественного влияния, особенно русской печатной книги (С. 195–203), затем иконописи. Правда остается неясной необходимость введения в этот очерк материала об усилении интереса к истории и судьбам славянства в самой России (С. 205–207), в то время как вопрос об изменении динамики качественного и количественного содержания информации о России у самих болгар на протяжении XVIII в. практически остается неисследованным.

Глава четвертая, которая называется “Русско-турецкие войны и боевое сотрудничество России и южных славян”, фактически вновь возвращает читателя

к событиям, о которых говорится во второй главе. Так, в первом очерке – “На Западе славян” говорится о “начале великих дел” Петра I, о балканском плане Екатерины II, о соединении военных действий российской армии и массовых вооруженных выступлений христиан в ходе русско-турецких войн 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. и т.д.

Между тем авторы анализируемой главы отдавали себе отчет, в сколь сложном положении они находятся, неоднократно упоминая в разном контексте об одних и тех же событиях. Эти повторы, на наш взгляд, несут в себе конструктивный заряд, ибо они обоснованы стремлением показать разные стороны вооруженных действий. Создается впечатление, что для исследователей главным было сделать историю военного содружества живой, наполнить ее деталями и подробностями. Упоминания о конкретных делах и обстоятельствах сражений, поведении героев, а их великое множество, делает материал зримым и занимательным.

По мнению И.И. Лещиловской, атмосфера ожидания русско-турецкой войны – вот индикатор настроений у сербов в начале XVIII в. Автор не ставит под сомнение сообщения, которые посылались с Балкан в Россию, о том, что весь тамошний православный народ обретается “под владением тиранским”, видит в них “обобщенную проникновенную характеристику положения и настроения православного населения” (С. 211).

Весьма основательно раскрывается “участие Черногории на стороне России в войнах против Турции”. Оно было самым разнообразным. Так, в начале второго десятилетия XVIII в. лишь И. Албанез находился на русской службе. В ответ на призывы со стороны российских эmissаров к “праведной войне” были сформированы боевые отряды (четы) из черногорцев. К концу столетия между Россией и Черногорией окрепло “военное содружество” (С. 234). Следует указать, что Н.И. Хитрова, автор этого очерка, пишет и о том, каким тяжелым ударом для черногорцев было поражение русской армии на Пруте. Не без интриги складывались взаимоотношения

между Екатериной II и ловким черногорским политиком Степаном Малым, находившимся у власти с 1767 по 1773 г. Очень сложными для черногорцев оказались последствия Свиштовского мира 1791 г.: несмотря на то, что Черногории пришлось в одиночку противостоять действиям М. Бушати (С. 234), она одержала две славных победы.

Общий взвешенный тон следующему очерку “Участие болгар в русско-турецких войнах” придает положение автора о том, что подобных свидетельств, относящихся к первой половине XVIII в., крайне мало (С. 236). О.В. Медведева признает, что даже во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., когда первые болгарские земли оказались районом боевых столкновений между русской и османской армиями, присутствие болгар в войне было незначительным. Призыв императрицы Екатерины II к широкому восстанию христианского народа “не нашел отклика среди основной массы населения” Болгарии (С. 238). Подобный казус автор объясняет тем, что «национальное и политическое самосознание болгар было еще недостаточно зрелым, борьба велась в этот период под лозунгом “крест против полумесяца”, который имел для славян глубокое национальное значение» (С. 238). От стихийного сопротивления против турок болгары очень медленно перешли к оказанию помощи русской армии, к созданию добровольческого движения в пользу России, формированию Болгарского гусарского полка, хотя тот так и не был задействован как единица в боевых действиях, к деятельному участию в войне 1787–1791 гг. В таком контексте возникают сомнения в оправданности таких формулировок как “долгожданное освобождение болгар” (С. 242).

Пятая глава “Дубровник и Россия”, автор которой И.И. Лещиловская, содержит подробную характеристику источников информации о Дубровнике, качества этих сведений. Значительная часть очерка посвящена первым двум десятилетиям XVIII в. По мнению исследовательницы, особый статус Дубровнической республики способствовал складыванию особых отношений с Россией,

которые “регулярный характер получили в бытность в Турции П.А. Толстого” (С. 249). Между тем, как показывает материал, российско-дубровницкие контакты в этот период ограничивались получением данных от тайных информаторов, коими были дубровницкие консулы в Стамбуле Лука Барка и Лука Баркамладший. В кризисные 60–70-е годы XVIII в. проверенная ранее тактика маневрирования привела Дубровницкую республику в разряд неприятелей Екатерины II. О том, насколько неустойчивыми были отношения, свидетельствует и сложное положение, в каком оказался дубровчанин сенатор Ф. Ранин. Вполне обоснованно несколько страниц книги занимает описание деятельности российского консула в Дубровнике с 1788 до 1800 г. графа А. Джики. Весьма оживляет очерк включение выдержек из поэмы “Северное пламя” о Петре I.

Шестая глава “С Балкан в Россию” посвящена переселенческому движению сербов и болгар. Небольшой материал о черногорцах включен в очерк “Сербы в России”. Следует признать, что материалы этой главы существенно дополняют информацию о деятельности выдающихся христиан – выходцев с Балкан в Российской империи. Одним из таких был сербский мигрант Сава Владиславич, вошедший в историю России как граф Рагузинский (С. 279–283), другим – С. Неранджич, известный под именем С.Г. Зорич (С. 290–292) и др. В работе содержится очень интересные данные о появлении на территории Украины “Новой Сербии” и изменении статуса территорий военных поселений.

Подводя общий итог, необходимо признать весьма удачную композицию этой книги, когда каждая последующая глава органично дополняет предыдущую, но в то же время может рассматриваться как самостоятельный элемент. В этой связи и многочисленные повторы воспринимаются как исторический фон, необходимый для понимания любой из поставленных проблем.

Знакомство с этой солидной монографией показывает, что ученые попытались преодолеть многие идеологические штампы, существовавшие в марк-

систской балканистике. Вместе с тем в ряде случаев в авторских подходах еще сказывается влияние историографической традиции. Думается, что до конца разрушить все бытовавшие стереотипы в трактовке такой масштабной темы как Россия и балканские славяне – это объективно чрезвычайно сложная задача.

С сожалением приходится констатировать отсутствие обязательных атрибутов в обобщающих работах такого уровня как рецензируемый труд: алфавитного и географического указателей,

политических карт, карт военных действий на Балканах в XVIII в. Эта традиция, свойственная западным исследованиям, до сих пор с трудом пробивает себе дорогу в нашем академическом книгоиздании. Трудно объяснить и отсутствие списка использованной литературы и источников. Обращает на себя внимание и такой факт, как полное отсутствие ссылок на исследования авторов монографии.

© 2004 г. З.С. Ненашева

Славяноведение, № 5

S. BOTICA. Andrija Kačić Miošić. Zagreb, 2003. 332 s.

С. БОТИЦА. Андрия Качич-Миошич

2004 год провозглашен в Хорватии годом Андрии Качича-Миошича: исполняется 300 лет со дня рождения этого выдающегося хорватского писателя и поэта (1704–1760). Его главный труд – большая, почти 400 стр., летопись славянской истории на штокавской икавице со 136 эпическими песнями, в основном о легендарных героях борьбы с турками – “Задушевная беседа славянского народа” (далее “Беседа”). Издавна автор “Беседы” почитается как народный поэт, а его произведение – как самое популярное в хорватской литературе: за неполные 250 лет оно выдержало 72 (данные на 2002 г.) полных или частичных изданий на разных языках, в том числе почти на всех славянских.

Важным событием в научной и культурной жизни Хорватии стало появление книги С. Ботицы о А. Качиче-Миошиче. В ней подводятся итоги предшествующих исследований, дается наиболее полный на сегодняшний день анализ творчества писателя и текста “Беседы”.

Книга прекрасно издана и богато иллюстрирована, состоит из введения, четырех глав и заключения, которое переведено на английский, немецкий, русский и итальянский языки. Более 50 стр.

занимают библиографические материалы. Перечисляются не только все 57 изданий “Беседы” на латинице и 12 – на кириллице (с фотографиями титульных листов), но и полные или частичные переводы песен “Беседы” на 11 европейских языках, а также труды о А. Качиче-Миошиче.

Свою главную задачу С. Ботица видит в том, чтобы “обосновать и свести воедино все особенности и характеристики творческого метода писателя, раскрыть внутреннее своеобразие его произведения... одним словом, показать все то, благодаря чему А. Качич-Миошич был и остается классиком хорватской литературы и воистину народным поэтом” (С. 41).

Написав “Беседу”, отмечает С. Ботица, А. Качич-Миошич создал совершенно новый тип исторического литературного произведения, который оказался исключительно продуктивным, удовлетворяя духовные потребности многих поколений хорватских читателей. “Беседа” написана для простого, “маленького”, человека, который, “не владеет иным языком, кроме славянского”. Желая привлечь такого читателя (и слушателя), А. Качич-Миошич подчи-

нил этой цели всю свою поэтику, весь свой творческий метод: и выбор тематики, и сюжетно-композиционную структуру, и выразительно-стилистические средства. “В результате возникло удивительное соответствие духа самого произведения с коллективным народным сознанием и общественными реалиями” (С. 10).

В первой главе “Жизнь и творчество А. Качича-Миошича в истории культуры Хорватии” С. Ботица очень кратко останавливается на биографии писателя, излагает содержание и дает обзор библиографии его произведений. С. Ботица приводит наиболее интересные, с его точки зрения, мнения, особенно подробно останавливаясь на точке зрения известного хорватского литературоведа Й. Вончины.

В следующей главе “Новый взгляд на произведение А. Качича-Миошича” автор выделяет три группы источников “Беседы”: печатные издания и исторические рукописи, документы (грамоты, аттестаты, дипломы, семейные хроники – многие из них, к сожалению, не сохранились), народные песни. В основном А. Качич-Миошич использовал труды Дж. Сагрето и особенно П. Витезовича, хотя в тексте “Беседы” упоминаются работы и других историков (П. Орозио, Л. Туберон, Ц. Барони, И. Мрнавич, М. Орбини, А. Вrameц, И. Лучич, Д. Фарлатти). “Строгая документированность – таков, без сомнения, главный методологический принцип писателя” (С. 52).

В главе “Методы творчества А. Качича-Миошича” С. Ботица отмечает, что для автора “Беседы” поэтическая реальность, вопреки Аристотелю, не доминирует над исторической, но и последняя не подчиняется первой. Для него истина неделима, касается ли это литературного творчества или исторических событий. Главная задача литератора – сохранить в своем произведении эту единственную в своем роде историческую и литературную истину. Простекает же она, в его понимании, прежде всего, из традиции, которая наследуется и сохраняется как общее и культурное достояние. Но этот процесс должен происхо-

дить естественным образом, не механически, не насильственно: в традиции нужно жить, чувствовать ее. Только тогда она, утверждаясь, благотворно воздействует на человеческие судьбы. ““Беседа” – это и есть неразрывное единство подлинной традиции и песенного эпоса в честь отдельных личностей-героев, заслуживших ореол воспоминания” (С. 68).

Писатель везде соблюдал принцип историзма. История, по его мнению, показывает всю цепь событий, а литература может отразить лишь часть прошлого. В то же время он понимал, что обычным читателям “Беседы” не доступны другие источники исторического знания кроме героического эпоса. Вот почему А. Качич-Миошич, для того чтобы увлечь образы героев-витязей, избрал песенную форму. Фактически, отмечает С. Ботица, эпические песни “Беседы” служат комментарием, своеобразной иллюстрацией к изложенным прозой историческим событиям, причем, А. Качич-Миошич, как профессиональный историк, старается везде соблюдать хронологическую последовательность и указывать источники сведений и цитат. Именно так он объединяет историю и поэзию.

Собственно, продолжает исследователь, можно сказать, что А. Качич-Миошич излагает историю в стихах. Стремление соблюсти историческую правду ограничивает его воображение, не позволяет ему в полной мере использовать фантазию, как это делали талантливые народные поэты. Писатель лишь коснулся волшебного мира героической народной песни, но сознательно “обошел его” (С. 73), предпочитая художественному вымыслу историческую правду.

Песни “Беседы”, по мнению С. Ботицы, можно разделить на несколько групп: “программные”, в которых отражено мировоззрение писателя, – их всего четыре; стихотворное изложение сюжетов исторических хроник – сначала приводится прозаический отрывок, а затем дается поэтическая версия одного из его сюжетов; исторически точные описания больших сражений (битвы на Марице и на Косовом поле, падение Константинополя, сражение у Мохача, осада Вены). Но больше всего песен посвяще-

но, разумеется, сопротивлению хорватов турецкому нашествию, в частности, на далматинских землях. “Можно сказать, что нет ни одного более-менее значимого события в 250-летней истории борьбы с турками в Далмации, которое бы не осудил А. Качич-Миошич” (С. 93).

Недостаток поэта, считает С. Ботица, – в заранее predetermined отношении к персонажам. В любом случае его герои одерживают моральную победу, и в этом писатель следует ветхозаветной традиции. Только у него вместо библейских персонажей выступают маленькие хорватские герои и “сильные” турки. Положительные герои, как правило, возвышаются, а отрицательные – ниспровергаются. Победу заслуживает достойнейший.

Вся многолетняя борьба с турками, согласно А. Качичу-Миошичу – теологу и поэту, – это торжество естественной логики и правды, подавление лжи, грубой силы и беззакония. В его произведении практически нет описаний турецких побед, причем, даже там, где турки действительно их одерживали. Писатель сводит военные успехи турок к минимуму, просто для обозначения “сиюминутного” победителя, а в памяти читателей остается правда тех, кто с ними борется. «Подобная повествовательная форма становится стереотипом, а это обуславливает и простоту, и односторонность фабулы “Беседы”... Содержательная и выразительная однообразность, которая прослеживается по всему тексту произведения, предстает как неотъемлемое свойство творческого метода А. Качича-Миошича и может быть названа “качичевской”» (С. 101–102). Сознательно упрости сюжетные линии, отмечает С. Ботица, писатель создал логичную, понятную, ясную и легко узнаваемую композиционную структуру своих песен.

А. Качич-Миошич постоянно присутствует в тексте “Беседы”, и это очень важно для его литературной концепции. Он, автор произведения, сознает свою роль, и является отнюдь не пассивным наблюдателем описываемых событий. Он живет там же, в своей созданной реальности. “Произведение А. Качича-

Миошича хорваты оценивали как литературное творение, которое можно не только читать, но и слушать... Он способствовал появлению читателей, которые могли бы сами создавать и наслаждаться созданным... Это коперниковский переворот в культурной сфере Хорватии” (С. 140).

В последней главе («Интерпретация “Беседы” и ее вклад в развитие хорватской литературы и культуры») подробно рассматривается каждая песня “Беседы”. Особое внимание здесь, как и в предыдущих главах, С. Ботица уделяет сравнению песен А. Качича-Миошича с народными. По его мнению, для А. Качича-Миошича “народное – это то, что не имеет письменных документальных свидетельств, а поется или рассказывается” (С. 65). Писатель хорошо знал народное творчество, слышал множество песен и преданий, которые до него лишь передавались из уст в уста. Произведение А. Качича-Миошича имеет настолько большое значение, что «вопрос об отношении между писателем и народной поэзией следует поставить так: что было до и после “Беседы”?» (С. 97). С. Ботица считает: сама поэзия А. Качича-Миошича, десятисложный размер его стихов, методы стилизации ведут свое происхождение от устного народного творчества, а мотивы, основные принципы, языковые конструкции разработаны самим поэтом. Используя традиционные для народных песен параметры композиции, он, тем не менее, видоизменяет их. Например, если в народных песнях концовки вообще отсутствуют или типизированы, то в песнях “Беседы” завершающим строкам уделяется особое внимание. Писатель прекрасно понимает, что удачная стилизация концовки будет способствовать ее сохранению в народной памяти. “Можно не впадая в преувеличение сказать, что песни А. Качича-Миошича были приняты в народной среде, они широко распространялись, изменяясь полностью или частично, но, тем не менее, продолжая жить. В качестве литературного образца они просуществовали долго, дольше, чем произведения любого из хорватских писателей” (С. 98).

В целом же, считает С. Ботица, “Задуманная беседа славянского народа” А. Качича-Миошича – произведение несравненно “более литературное” с точки зрения поэтизации истории (и исторической тематики), чем по разнообразию использованных художественных средств. “Труд А. Качича-Миошича нужно оценивать, прежде всего, по его зна-

чению и роли в том историческом периоде, в котором оно возникло. А уже потом обсуждать его литературные качества и поэтическую убедительность текста” (С. 218).

© 2004 г. А.Ю. Калинин

Славяноведение, № 5

А.А. ПЛОТНИКОВА. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. 768 с.

Этнолингвистическая география – направление, сложившееся в рамках московской этнолингвистической школы и базирующееся на идее Н.И. Толстого о диалектности славянской традиционной духовной культуры, функционирующей, подобно языку, в виде территориальных вариантов – культурных диалектов, выделяемых на базе языковых и экстралингвистических (обрядовых, предметных, текстовых и пр.) признаков. Первые попытки комплексного картографирования языковых и этнографических явлений были предприняты коллективом московской этнолингвистической школы при обработке материалов, собранных в ходе изучения Полесья (ср. [1]). На протяжении последнего десятилетия концепция этнолингвистического картографирования начала активно развиваться в работах А.А. Плотниковой, посвященных культурно-диалектному членению южнославянского языкового континуума. Итогом этих исследований явилась недавно опубликованная монография “Этнолингвистическая география Южной Славии” – первая работа, в которой подробно излагается теория и методика этнолингвистического картографирования и дается комплексное этнолингвистическое описание всех южнославянских традиций с последующей ареалогической интерпретацией.

Специфику этнолингвистического картографирования в методологической концепции автора, изложенной в первой главе монографии (“Этнолингвистика и проблемы картографирования”), составляет прежде всего его объект – терминология календарной и семейной обрядности и народной мифологии, которая, как правило, остается вне поля зрения традиционных ареальных исследований, и метод – сопоставление с этнографическими и фольклорными явлениями, представляющими собой контекст функционирования этой лексики.

Испытывая особый интерес к балканославянской специфике южнославянских диалектов, автор прежде всего делает предметом картографирования те феномены народной культуры, которые встречаются в разных балканских (в том числе и неславянских) традициях, но отсутствуют за пределами Балкан и при этом показательны с точки зрения членения южнославянского диалектного континуума. При этом автор решает весьма сложную проблему семантической идентификации, функционального отождествления близких явлений разных культурных диалектов, с целью выделения инвариантных признаков, с которыми можно работать при картографировании (трудности возникают при сопоставлении и сведении к набору общих значений как обрядовых, так и ми-

фологических систем разных традиций). “Балканские” признаки, релевантные для выделения культурных диалектов в пространстве Южной Славии, составили идеографическую сетку, которая заполнялась по опубликованным источникам и в ходе полевых обследований (этот корпус признаков лежит в основе разработанного автором этнолингвистического вопроса “Малого диалектологического атласа балканских языков”). Такая идеографическая сетка представляет собой классификацию культурно-языковых явлений по тематическому принципу и включает разделы: “Народный календарь”, “Семейная обрядность” и “Народная мифология”. Разделы состоят из тематических рубрик (например “День св. Андрея”, “Сочельник и Рождество”; “Помолвка”, “Свадебные чины”, “Воздушные демоны”, “Водяные демоны”), каждая из рубрик объединяет инвариантные культурные значения и мотивационные признаки терминов (например “Сжигаемое в ночь на Рождество полено”, “Мотив почитания медведя в названии праздника св. Андрея”), а также ритуалы и тексты, связанные с указанным праздником, событием или мифологическим персонажем (ритуал приглашения медведя, ритуальное кормление медведя, легенда о св. Андрее, повелителе диких зверей, укротившем медведя). Диалектная реализация данных признаков, их наличие или отсутствие в разных диалектах и получают отражение на карте.

Процедура этнолингвистического картографирования, в концепции автора, складывается из нескольких “уровней”: лексического, семантического, мотивационного и экстралингвистического (в том числе текстового). Принципы отражения на карте лексической, мотивационной реализации культурных значений и семантического диапазона языкового знака близки к лингвистическим, с той разницей, что подготовка терминологической карты требует обязательного обращения к этнокультурному контексту. Приступая к картографированию терминологии традиционной культуры, исследователь сначала определяет территорию распространения обозначаемого явления, глубоко изуча-

ет характеристики денотата, чтобы адекватно соотносить культурное значение и термин, а также термины различных традиций между собой. Этнолингвистическая карта, формально носящая чисто языковой характер, имплицитно указывает на географию явлений, стоящих за наносимым на карту наименованием, другими словами, любая терминологическая карта может восприниматься как карта этнографическая, демонстрирующая распространения обряда или его фрагмента. Эксплицитное картографирование экстралингвистических явлений на языковых картах применяется в тех случаях, когда этнокультурное явление не имеет вербального выражения или соответствующее наименование не зафиксировано в источниках, а также если наблюдаются ареально противопоставленные специфические особенности обряда или его элементов. Представление на карте этнокультурного контекста функционирования термина способствует уточнению ареалов обозначаемых термином культурных явлений: соотношение ареалов производного термина и “производящего” контекста позволяет выявить зоны “эпизента” возникновения признака и зоны затемнения внутренней формы, утраты мотивирующего ее обряда или поверья, и, напротив, области отсутствия наименования при сохранении контекста (ср. более широкое распространение обрядов задабривания медведя по сравнению с географией производного термина *Мечкидан* ‘день св. Андрея’, букв. ‘Медвежий день’).

Вторая глава – “Южнославянская этнокультурная лексика в свете ареальных противопоставлений” посвящена картографированию отдельных явлений традиционной духовной культуры балканских славян и включает около сорока карт. Автор рассматривает лишь часть этнокультурных признаков, выделенных в первой главе. Из обширной идеографической сетки автор выбирает тридцать тем и семем, наиболее интересных в отношении ареального членения балканославянской территории: предновогодняя, святочная и масленичная обрядность и ее элементы, весенне-летние девические обходы, весенне-летний окказиональный обряд вызывания

дождя; женский праздник по случаю рождения ребенка, “рубашка”, послед, ребенок–участник свадьбы, причитание, поминки, вила, вампир, ведьма, демон-герой и его противники, демон–хозяин места, дух некрещеного ребенка, демоны, определяющие судьбу и др.

Достаточно широкий диапазон картографируемых значений, большой корпус источников, обеспечивший густую сетку, подробная документация – все это приближает исследование к жанру этнолингвистического атласа. Композиционно оно членится на небольшие разделы, посвященные перечисленным этнокультурным явлениям. Каждый раздел включает терминологию данного явления и описание условий его бытования, в первую очередь мотивирующих внутреннюю форму термина или коррелирующих с ней, с географическими пометами – материал, который накладывается на карту. Сочетание языковой и неязыковой информации на карте обусловлено спецификой материала. Большая часть представленных карт содержит комбинацию лингвистических и экстралингвистических признаков (ср. карту “Ребенок–участник свадьбы”, где отражены как соответствующие диалектные наименования, так и формы ритуала, в котором принимает участие ребенок, мотивирующие терминологию: усаживание его в повозку к невесте, на колени к невесте и пр.), что дает возможность пронаблюдать, в каких ареалах признаки маркируются лексически, а в каких нет. Часть карт носит лексический характер (“Хрононимы Рождества”, “Голошение по покойному”), лексико-семантический («Мифологический персонаж “хала” / “ламя” / “аждая”»), семантический (“Новогодние дружины: типы и названия от **surva*”), выявляющий распространение ядерных и периферийных значений лексем.

Наряду с огромным интересом, который представляют предлагаемые автором карты языковой и культурной реализации значений, демонстрирующие четкие ареалы, хочется отметить собственно этнолингвистическую ценность и уникальность данного в этой главе описания – детальной дескрипции корпуса существенных значений балканославян-

ской картины мира. Это описание составляет, во-первых, общая характеристика наиболее существенных признаков того иного культурного явления и его соотношения с другими близкими ему феноменами; во-вторых, реконструкция лексического поля каждого из описываемых значений или семантического поля языкового знака, позволяющая путем анализа внутренней формы и семантики терминов восстановить “свернутый” в языке культурный текст, связываемый с ними в мифологическом сознании; в-третьих, воссоздание “культурного” поля каждого термина – поверий, обычаев, запретов, предписаний, семантика и символика которых коррелирует с кругом мотивов, заключенных в способе мотивации этнокультурной лексики, и дополняет их.

В третьей главе – “Южнославянские ареалы” на базе проведенного картографирования и с учетом диалектных изоглосс выделяются культурно-языковые ареалы в пространстве Южной Славии, представленные на семи сводных картах, демонстрирующих пучки изоглосс и изодокс. Географическое изучение этнолингвистических данных подтверждает деление южнославянского диалектного континуума на восток–запад. “Вертикальное” членение этой территории показывают такие признаки, как святочные хрононимы (**kolęd-* – **božić-*; *мърсни дни – некрштени дани*), названия последнего дня масленицы (**sir-* – **běl*), обычай разжигания костров в последний день масленицы, летний девический обход села *краљице*, обряд вызывания дождя (*неперуда – додола*), наименования праздника родин (“хлебные названия” – бабине), названия ребенка, которого вручают невесте (отсутствие наименования – *накоњче, наколче*), названия вампира (*вампир – вукодлак*), мифологического персонажа вила (*самодива – вила*) и пр. Наиболее плотные пучки меридианальных изоглосс проходят вдоль сербско-болгарской границы, однако некоторые отнесены далеко на запад и проходят по хорватской и словенской территории.

Этнолингвистическое картографирование подтверждает яркую индивидуальность сербско-болгарского погра-

ничья, специфика и внутреннее членение которого подробно рассматриваются в работе. Северную часть этого ареала манифестируют такие этнокультурные явления, как обряд “ложной невесты” *Лада*, названия ходячего покойника типа *тенџ*, название обряда вызывания дождя *росоманка*, а южную – термин *пасторче* для обозначения вручаемого невесте ребенка, *свирџ* – ‘демон, происходящий из умершего некрещеного ребенка’ и т.д. В числе лексико-семантических особенностей диалектов этого региона автор называет “пестроту лексической картины”, семантическое разнообразие терминов и наличие у них обширных фразеологических полей.

Результаты картографирования позволяют говорить о специфике македонского ареала. Его очерчивают такие изоглоссы, как приуроченные к Богоявлению обходы села *водичари*, наименование масленичных ряженных *прочкари*, святочные и масленичные приглашения ветра на угощение, номинация **смѣхја* ‘дух-хранитель водного пространства’ и т.д. Македонский ареал находится на “перекрестке” различных традиций и по разным признакам обнаруживает сходство с юго-восточными сербскими и западными болгарскими говорами, восточной группой балканославянских диалектов, с “центральными” балканославянскими (сербскими и черногорскими), с южными болгарскими говорами, в составе каждого ареального объединения сохраняя свое своеобразие.

Еще один компактный ареал – это говоры южной Македонии и Болгарии, образующие так называемый южный балканославянский пояс. Его специфику составляют такие явления, как зимние процессии ряженных, включающие персонажи “жених” и “невеста”, ритуал принудительного купания на Богоявление, обозначения плаценты, мотивированные корнем **slěd-*, наименования погребальных голошений, мотивированные корнем **pě-(vati)*, названия мифологических персонажей, определяющих судьбу, производные от корня **rěk-*, и пр.

Чрезвычайно интересное и до сих пор мало изученное явление, подробно освещаемое автором, – западный хор-

ватско-словенский ареал, хотя и включенный по ряду признаков в балканославянское пространство (обычаи, связанные с рождественским поленом *бадняк*, поверья о персонаже *вила*), но в то же время ярко специфический (использование корня **pust-* для обозначения последнего дня масленицы, лексемы *krěs*, обозначающей масленичные обрядовые костры, и пр.).

Этнолингвистические данные существенно дополняют традиционные научные представления о центральной и латеральной зонах южнославянского пространства, отражающих две волны заселения Балканского полуострова, обнаруживая соотношение словенской территории не только с македонскими, южными и восточными болгарскими диалектами, но и с восточно-сербскими. Этнокультурная лексика также отражает наличие сильной волны греческого влияния на балканославянские диалекты, значительно видоизменившего соотношение центра и периферии. Перспективы дальнейшего исследования автор видит в изучении географии всей сетки балканославянских культурных признаков с привлечением материала неславянских балканских традиций.

Предложенное ареалогическое описание, закладывающее основы южнославянской культурной диалектологии, делает работу А.А. Плотниковой “классическим” исследованием сразу нескольких лингвистических дисциплин – славянской этнолингвистики, ареалогии, диалектологии и балканистики. Это обуславливает его теоретическая и методологическая новизна, комплексность рассмотрения материала и редкий для современной ареальной лингвистики (в основном накапливающей, а не анализирующей данные картографирования) опыт ареалогической интерпретации.

© 2004 г. Е.И. Якушкина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983.



Даворин Хостник между Словенией и Россией (Российско-словенский симпозиум)

3 сентября 2003 г. в небольшом словенском городке Шмартно при Литии (по переписи 1991 г. – 1396 человек) состоялся научный российско-словенский симпозиум “Даворин Хостник между Словенией и Россией”, посвященный 150-летию со дня рождения уроженца этих мест Даворина (Мартына Матвеевича) Хостника. Симпозиум продолжался всего один день, но на него приехали крупнейшие словенские ученые: историки – академик В. Мелик, проф. С. Гранда, проф. Б. Марушич (двое последних из Исторического института им. Милко Коса), директор Института новой истории д.и.н. Я. Фишер, видный археолог проф. Я. Дулар, доцент д.и.н. И. Гантар Година; филологи – проф. Люблянского университета А. Дерганц, А. Шивиц Дулар, А. Сказа (почетный профессор Московского университета), доцент д.ф.н. В. Нартник, доцент д.ф.н. А. Желе, проф. С. Торкар, ассистент университета Т. Смолей и др. На симпозиуме также присутствовали ведущие сотрудники Российской Академии наук д.и.н. И.В. Чуркина (ИСЛ РАН) и д.ф.н. Л.В. Куркина (Институт русского языка РАН), представители обществности Шмартно и его округа. Всего было заслушано 12 докладов и два выступления.

С. Гранда в своем сообщении “Шмартно при Литии и его округа в XIX в.” остановился на экономической истории этого района Нижней Крайны. В первой половине XIX в. Шмартно было заметным культурным и экономиче-

ским центром. В нем имелось развитое кожевенное производство, хотя большая часть его населения занималась сельским хозяйством. Жители Шмартно и его округа подрабатывали на угольных шахтах, медных и свинцовых рудниках, располагавшихся поблизости. Положение ухудшилось во второй половине XIX в. Построенная в 1849 г. железная дорога Любляна–Целье прошла через Литию, а Шмартно осталось от нее в стороне, в связи с исчерпанием угольных и рудных запасов закрылись многие предприятия. Экономический кризис второй половины XIX в., охвативший все словенские земли, больно ударил по городку и его округе. По количеству эмигрантов, оставивших родные места, район Шмартно – Лития занимал одно из первых мест в Словении.

Академик В. Мелик сделал сообщение на тему “Общественное и политическое положение Словении во времена Хостника”. В нем подчеркивалось, что именно в XIX в. словенцы из отсталого народа превратились в народ, стоявший на современном европейском уровне развития. Они создали свою политическую национальную программу “Объединенной Словении”, ввели свой язык в начальные и средние школы, установили многочисленные культурно-просветительские и политические общества, организовали свою прессу и т.д. Словенский язык стал языком общения словенской интеллигенции. С начала конституционного периода (февральский патент 1861 г.) и до 90-х годов XIX в. на полити-

ческой арене в словенских землях выступали две партии: немецкая либеральная и словенская. Мелик подчеркнул, что для словенцев было характерно развитое славянское самосознание, в котором особое место занимало отношение к России.

И.В. Чуркина в реферате “Словенско-русские отношения во второй половине XIX в.” указала на рост русофильских настроений среди словенских патриотов после революции 1848/49 г. В это время крепнут научные и общественные связи, идет активный книгообмен. К концу 1870-х годов в результате победы России в войне с турками авторитет ее вырос в глазах словенцев еще больше. В последней четверти XIX в. в рамках либерального движения образовалась группировка русофилов, чему способствовало и распространение пангерманских идей среди немецкого населения в словенских землях. Русофилы, возглавлявшиеся видным либеральным политиком И. Хрибаром, первыми стали устанавливать с Россией политические связи.

А. Хостник, настоятель прихода св. Юрия в Нижней Крайне, рассказал о судьбе родственников Д. Хостника, а именно его братьев и сестер, их детей и внуков. В своем выступлении “Семья Хостника и его школьные годы” А. Хостник осветил период обучения своего родственника.

Т. Смолей в сообщении “Студенческие годы Хостника” ознакомил слушателей с периодом, когда Хостник увлекался изучением французской литературы и перевел некоторые произведения известных французских писателей на словенский язык, в том числе “20 тысяч лье под водой” Ж. Верна и “Стакан воды” Скриба. Увлечение французской литературой привело к тому, что первые три семестра на филологическом факультете Венского университета он проучился на романском отделении и только с 4-го семестра перешел на отделение классических языков. Смолей считает, что во второй половине XIX в. Хостник являлся самым значительным переводчиком французской литературы в Словении.

И. Гантар Година выступила с докладом “Взгляд словенцев на Россию в XIX в.”. Она отметила большое влияние,

которое оказала на словенскую общественность Этнографическая выставка в Москве (1867). Словенцев знакомили с Россией, ее культурой и внутреннем положением словенские эмигранты в России Боле, Целестин и др. Их статьи в словенской прессе рисовали жизнь в России в розовых красках, в польском вопросе они стояли на позициях официальных российских кругов. Симпатии к России, но без панславистской окраски, чувствовали и другие словенские деятели, например профессор славистики в Грацком университете Г. Крек.

Б. Марушич в реферате “Связи западных словенцев с русскими” остановился на контактах русских со словенцами, проживавшими в Венецианской Словении, в округах Триеста и Горицы. Им грозила не столько германизация, сколько романизация. Эта угроза стала нарастать после революции 1848/49 г. и особенно после 1866 г., когда Венецианская Словения вошла в состав Италии. У словенцев, особенно в Приморье, была популярна идея об объединении южнославянских народов, о сближении их со всеми славянами. В 60-е годы XIX в. служащий железной дороги И. Турк пропагандировал освобождение от немецкого гнета и переход словенцев под покровительство России. К принятию словенцами кириллического алфавита призывал юрист М. Трновец. Ф. Подгорник десять лет издавал газету с панславистским уклоном “Slovanški svet”, издатель и владелец типографии в Горице А. Габршек опубликовал переводы русских классиков Пушкина, Л. Толстого, Горького и др. Благодаря Габршеку были изданы русско-словенский и словенско-русский словари Хостника.

А. Дерганц в докладе “Хостник как составитель словарей и грамматик” дала краткое описание карманного русско-словенского словаря и русской грамматики Хостника, подчеркнув живой, свежий подход к их составлению. Несмотря на небольшой объем этих трудов, автору удалось дать солидное описание русской грамматической системы и очень хороший обзор словарного состава русского языка. Оба труда отличает стремление автора познакомить учащихся с различиями в грамматическом строе обоих родствен-

ных языков. Особенностью рассматриваемых трудов Хостника является наличие множества культурных, прагматичных и энциклопедических сведений, которые представлены прежде всего в его словаре.

Л.В. Куркина в своем сообщении остановилась на лексическом составе русско-словенского и словенско-русского словарей Хостника. Она отметила, что оба словаря несут на себе печать личности автора, талантливого, широко образованного человека. Это проявилось в предоставлении им самой разнообразной лексики – церковной, обывденной, исторической, в тонком ее толковании с использованием материалов этнографии, художественной литературы. Хостник стремился создать такие словари, чтобы с их помощью словенцы быстрее могли овладеть русским языком, а русские – словенским. Хостник проследил различия между русским и словенским языками. Он один из первых филологов, который стал применять сравнительно-сопоставительный подход к изучению этих родственных языков.

В. Нартник остановился на полемике Хостника со С. Шкрабцем, видным словенским лингвистом. Автор выразил мнение, что в большинстве случаев Шкрабец был прав.

А. Желе в докладе “Йосип Марн, земляк и современник Хостника” рассказала об известном словенском филологе Й. Марне, который здраво подходил к проблеме славянской взаимности и считал себя прежде всего словенцем, а затем уже славянином. Марн являлся учеником Ф. Метелко и Ф. Миклошича, создателем многотомного словенского лексикона.

С. Торкар в реферате “Русский вклад в изучение словенского языкового и культурного наследия” дал обзор трудам тех русских ученых, которые занимались словенистикой. Он подчеркнул, что первым издал древнейший памятник словенской письменности Фрейзингские отрывки русский ученый А.Х. Востоков, а не Е. Копитар, как считают некоторые словенские исследователи; первый серьезный труд о Е. Копитаре написал казанский славист Н.М. Петровский. Торкар отметил заслуги российских этнографов А. Харузина, Е. Линевой, М. Керимовой в изучении словенского фольклора, быта. Особенно подробно

Торкар остановился на трудах двух присутствовавших на симпозиуме российских ученых – Л. Куркиной и И. Чуркиной. Он указал, что Чуркина первой исследовала историю русско-словенских отношений начиная с XII в. и кончая началом Второй мировой войны, написав об этом несколько книг, что в работе Куркиной исследована лексика словенского языка, определен его праславянский фонд.

Затем *Елена Владимировна Хостник* поделилась своими воспоминаниями о последних годах жизни М.М. Хостника. Маленькой девочкой она жила вместе с бабушкой и навсегда запомнила его доброту, его любовь к музыке – в их доме по вечерам она звучала часто. Елена Владимировна рассказала о том, что Мартин Матвеевич нередко вспоминал свою родину, мечтал побывать в родных местах.

А. Сказа кратко остановился на деятельности Общества словенско-русской дружбы, подчеркнув, что словенцы хотят жить в мире и дружбе со всеми народами.

Симпозиум по поводу 150-летия со дня рождения М.М. Хостника был организован группой энтузиастов. Среди них следует отметить прежде всего председателя организационного комитета Магду Брезникар, директора Художественного центра Брезникар. М. Брезникар работала инженером на железной дороге, а после выхода на пенсию вернулась в родной городок, основала там свое предприятие, на котором возрождаются народные промыслы. При нем была создана небольшая школа для детей, где их обучают ремеслам. Большую помощь в организации симпозиума оказали И. Гантар Година и С. Торкар. М. Брезникар собрала много предметов, связанных с жизнью ее земляка Даворина Хостника для будущего музея его имени. Именно благодаря ее инициативе был организован этот симпозиум. Хочется выразить искреннюю благодарность за симпозиум, за возвращение имени Д. Хостника, который так много сделал для укрепления русско-словенских связей.

В диссертационном совете Института славяноведения РАН

27 января 2004 г. состоялась защита диссертации *Мишиной А.И.* “Хорватские клерикалы в процессе создания югославянского государства в начале XX в.” на соискание ученой степени кандидата исторических наук, выполненная под научным руководством Е.Ю. Гуськовой.

Работа базируется на широком круге источников, центральное место среди которых занимают документы из архива Сербской академии наук и искусств, Государственного архива Российской Федерации и Архива внешней политики Российской империи, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. В диссертации рассматриваются идеология и практика хорватского клерикализма, его место и интересы в структуре политических сил, участвовавших в создании югославянского государства, задачи и специфика деятельности массовых католических движений.

Автор приходит к выводу, что в процессе создания югославянского государства сложился мощный фронт клерикальных сил, привнесших в югославянное объединение свою идеологию, свои методы общественно-политической борьбы и свои планы относительно конечного результата объединения югославянских народов, значительным образом повлияв на процесс создания югославянского государства и заложив основы для серьезных религиозно-национальных противоречий в нем.

Автору диссертации, *Мишиной А.И.*, была присвоена ученая степень кандидата исторических наук.

27 января 2004 г. прошла защита диссертации *Силкиной А.А.* на тему “Внутриполитические предпосылки установления режима личной власти короля Александра Карагеоргиевича. 1918–1929”. Работа выполнена под научным руководством А.Л. Шемякина. Проанализировав отечественную (советского периода), югославскую (сербско-хорватскую) и западную литературу по теме, диссертант убедительно показал всю необходимость нового обращения к, казалось бы, “давно

изученной” теме. Используя материалы российских и сербских архивов, он создал фундированную концепцию внутреннего развития Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918–1929). Автор проследил, как в отношениях хорватских и сербских политиков умеренные настроения уступали место радикальным, нарисовал сложную картину взаимоотношений Александра Карагеоргиевича, Н. Пашича, С. Радича, С. Прибичевича, продемонстрировал на примере работы югославского парламента глубину системного кризиса, охватившего новое государство практически сразу после его рождения.

Диссертационный совет ИСл РАН присудил *Силкину А.А.* ученую степень кандидата исторических наук.

2 марта 2004 г. состоялась защита диссертации *Щербаковой Ю.А.* на тему “Политический плюрализм и демократическое развитие Чехии и Словакии (конец 80-х – 90-е годы XX в.)”.

Диссертация представляет собой первое в российской историографии исследование, в котором на широком политическом фоне анализируется формирование многопартийной системы в 90-е годы XX в. сразу в трех постсоциалистических странах – Чехословакии, Чехии, Словакии. В работе предпринята попытка рассмотреть направленность политических преобразований в контексте исторического опыта. Основными методами изучения материала являются проблемно-хронологический и сравнительно-исторический. Источниковую базу диссертации составляют статистические материалы, выступления политических лидеров, данные социологических опросов, законодательные акты, пресса. Диссертант выявила национально-специфические особенности процесса перехода от тоталитаризма к демократии в Чешской и Словацкой республиках, проследила развитие демократических институциональных инструментов, раскрыла взаимодействие демократических преобразований и решения национального вопроса. 1990–1992 годы

стали периодом трансформации основ прежней политической системы Чехословакии и формирования в Чехии и Словакии различных систем политических партий. В то же время именно в этот период были выработаны общие демократические принципы, на которые в дальнейшем опиралось развитие политических систем Чешской и Словацкой республик как суверенных государств.

Диссертационный совет ИСл РАН присудил Ю.А. Щербаковой ученую степень кандидата исторических наук.

30 марта 2004 г. состоялась защита диссертации *Ямбаева М.Л.* "Македония и Россия. 1897–1902 гг." на соискание ученой степени кандидата исторических наук, выполненная под научным руководством А.В. Карасева.

Диссертация является первым в историографии комплексным исследованием проблем позиции России по отношению к Македонии в конце XIX – начале XX вв., дипломатических усилий России, направленных на удержание своих позиций на Балканах, а также внутривосточной ситуации в этой области Осман-

ской империи и борьбы за преобладание в ней балканских государств.

Хронологические рамки диссертации охватывают период с 1897–1902 гг., от заключения соглашения между Россией и Австро-Венгрией о поддержании status quo на Балканах и завершения очередного Ближневосточного кризиса 1894–1897 гг. до кануна Ильинденского восстания 1903 г.

Работа выгодно отличается разнообразной источниковой базой. Это – прежде всего документы из Архива внешней политики Российской империи. Большая часть архивных источников автором вводится в научный оборот впервые. Кроме того, автор широко привлек опубликованные источники, дневники видных государственных и политических деятелей, ученых, публицистов. Благодаря этим документам удалось дать развернутую панораму не только российской политики в регионе, но и подробно проанализировать политическую обстановку в Македонии.

Диссертационный совет ИСл РАН присудил М.Л. Ямбаеву ученую степень кандидата исторических наук.

Славяноведение, № 5

ФОНД ПО ПРЕМИЯМ

памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), выдающегося иерарха Русской Православной Церкви, историка, богослова, автора многотомной "Истории Русской Церкви",
объявляет о том, что продолжается прием научных работ на конкурс 2004/2005 годов.

Учредители Фонда: Московский Патриархат, Правительство Москвы, Российская Академия наук.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

К Макариевскому конкурсу допускаются научные труды или публикации новооткрытых исторических источников, изданные в течение 2002–2004 годов или выполненные в машинописном виде (в

том числе компьютерный набор) по четырем номинациям:

1. История Православной Церкви – собственно история Церкви; деятели Церкви; агиография; церковная археоло-

гия; история церковного искусства, письменности, пения, литургики, церковного права; история межцерковных связей.

2. История России – история Древней Руси и русских княжеств XII–XIV вв.; история российской государственности; военная и дипломатическая история России; история русско-славянских связей; история духовной культуры славянских народов России; государственные деятели России.

3. История Москвы – ее история в связи с историей России; история города; история московских улиц, зданий, памятников; биографии деятелей Москвы в связи с историей города; история изучения Москвы.

4. История православных стран и народов – история страны, духовно-культурные традиции, опыт исследования памятников христианской агиологии и эсхатологии, духовно-просветительские связи с другими православными церквами, деятели церкви.

Представляемые на соискание труды должны быть на русском языке, в 2-х идентичных экземплярах, в переплетенном виде. К соисканию не допускаются коллективные труды. Соискателем может стать только ныне здравствующий российский или зарубежный автор. Прием сочинений на конкурс осуществляется по рекомендации.

Правом выдвижения работ на соискание премий обладают: Ученые и На-

учные советы институтов РАН, академики и члены-корреспонденты РАН по своей специальности; Ученые советы научно-исследовательских и высших учебных заведений; Ученые советы музеев, архивов и библиотек; Правительство Москвы в лице Премьера и его заместителей, а также руководителей Департаментов и комитетов; Учебный комитет Московской Патриархии; Научно-церковный центр “Православная энциклопедия”; епархии Русской Православной Церкви в лице правящих архиереев, а также главы других Православных Церквей, лауреаты Макариевской премии по своей номинации.

Лучшие сочинения по решению Комитета по премиям будут награждены в сентябре 2005 года дипломами, медалями и денежными премиями трех степеней.

Прием работ на конкурс осуществляется с 1 февраля 2004 года по 1 февраля 2005 года.

Сочинения принимаются по вторникам и четвергам с 10 до 17 часов (кроме дней церковных и светских праздников) по адресу: 107120, Москва, улица Нижняя Сыромятническая, д. 10 “а”, стр. 1 (станции метро “Курская” кольцевая, “Чкаловская”, одна остановка на трамвае № 45, 24, далее пешком 5 минут).

Телефон: 916–81–85, 786–89–64 доб. 115, факс 916–81–72.



К юбилею Юрия Степановича Новопашина

В июне 2004 г. исполнилось 70 лет Юрию Степановичу Новопашину, доктору философских наук, профессору, заведующему отделом Института славяноведения РАН.

Выпускник философского факультета МГУ, Ю.С. Новопашин в течение нескольких лет работал в Праге в редакции журнала “Проблемы мира и социализма”, возглавлял в 1980-е годы отдел в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, где под его редакцией был подготовлен ряд трудов по проблемам международных отношений.

Работая в 1988–1998 гг. заместителем директора Института славяноведения и балканистики РАН и возглавляя более 15 лет отдел современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Ю.С. Новопашин немало сделал для становления в Институте нового исследовательского направления – изучения политических процессов в бывших социалистических странах в 1950–1980-е годы, кризисных явлений в их развитии, внутренних и внешних предпосылок восточноевропейских революций 1989 г. и крушения мировой системы социализма. С середины 1990-х годов на первый план в работе руководимого им отдела все более выходит исследование закономерностей политической эволюции стран региона в посткоммунистический период. Под редакцией Ю.С. Новопашина были подготовлены и опубликованы коллективные труды “Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития” (М., 1992), “Политические кризисы и конфликты 1950–1960-х годов в Восточной Европе” (М., 1993), “Политические партии и движения Восточной Европы. Проблемы адаптации к современным условиям” (М., 1994), «Бывшие “хозяйева” Восточной Европы. Политические портреты» (М., 1995), “Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии” (М., 1995), “Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран” (М., 1997), “Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. Конец 80-х – середина 90-х годов” (М., 2000) и другие, справочное издание “Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI вв. Аспекты общественно-политического развития” (М., 2003).

С 1996 г. на протяжении более пяти лет Ю.С. Новопашин был главным редактором журнала “Славяноведение”. Ученый-политолог, он тактично руководил историко-филологическим журналом, сохранившим свои сложившиеся академические традиции. Работы Ю.С. Новопашина публиковались также в журналах “Вопросы истории”, “Новая и новейшая история”, “Вопросы философии”, “Свободная мысль”, “Международная жизнь”, “Мировая экономика и международные отношения”, “Общественные науки”, “Россия и современный мир” и др. В своих статьях Ю.С. Новопашин предпочитает обращаться к острым дискуссионным проблемам. Так, в конце 1980-х годов в коллективном труде “Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы” (М., 1989) он среди первых поставил вопрос о том, как проявились в политике Сталина кануна Второй мировой войны определенным образом интерпретированные национально-государственные интересы СССР. Будучи политологом, Ю.С. Новопашин пытался осмыслить причины советского военного вмешательства в Чехословакию в 1968 г. и определить соотношение в сознании советских лидеров вульгарно-марксистских идеологических схем и геополитических, геостратегических расчетов. Острые, политически актуальные проблемы поднимались в его статьях “От тоталитаризма к демократии: неоднозначность итогов” (Славяноведение, 1994, № 6), “Об антисоветизме и русофобии в послевоенной Восточной Европе” (Славяноведение, 1998, № 1), “Пребывание советских войск в Восточной Европе как предпосылка

революционных событий 1989–1990 гг.” (Славяноведение, 1998, № 4). С конца 1990-х годов Ю.С. Новопашин много занимался проблемой формирования или, точнее сказать, восстановления после 1989 г. региональной (центральноевропейской) идентичности народов, которые вследствие определенного расклада сил на международной арене оказались после 1945 г. отнесенными к советской сфере влияния. При обращении к отечественной истории советского периода Ю.С. Новопашина особенно интересуют проблемы идеологической эволюции большевистского режима в СССР. В этом смысле показательна его недавняя статья “XIV съезд РКП(б): современный взгляд” (Вопросы истории, 2003, № 7).

Научную деятельность Ю.С. Новопашин на протяжении многих лет сочетал с преподавательской, будучи профессором Дипломатической академии МИД РФ.

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редакция журнала “Славяноведение” поздравляют юбиляра, желают ему здоровья и творческих успехов.

© 2004 г. А. Стыкалин

Славяноведение, № 5

К юбилею Андрея Николаевича Горяинова

4 ноября 2004 г. А.Н. Горяинов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН отмечает свой 75-летний юбилей.

С Институтом связано почти 30 лет творческой жизни ученого. Но пришел он сюда не сразу. После окончания в 1952 г. истфака МГУ его направили в Смоленский областной краеведческий музей, одновременно он учился в заочной аспирантуре Воронежского университета. С 1957 г. А.Н. Горяинов работал библиотекарем, затем старшим научным сотрудником в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина (ныне РГБ). Став высококлассным библиографом, он успешно защитил в 1973 г. кандидатскую диссертацию “Из истории русского славяноведения”, где анализировал вопросы роли библиографических указателей конца XIX – начала XX в. как объектов библиографии славяноведения.

С января 1978 г. А.Н. Горяинов стал сотрудником Института, начав работу в новом секторе историографических и источниковедческих проблем, руководимом В.А. Дьяковым. Его научные интересы первоначально были сосредоточены на исследовании истории отечественного славяноведения 1920–1930-х годов, которой он одним из первых начал серьезно заниматься. Одновременно он принимал самое активное участие в создании уникальных, выпускаемых Институтом библиографических словарей отечественных славистов, редактировал “Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь” (М., 1979) и “Славяноведение в СССР: Изучение южных и западных славян: Библиографический словарь” (New York, 1993). С конца 1980-х годов ученый значительно расширяет хронологические рамки своих работ за счет создания библиографических трудов о современных славяноведах (список сотрудников Института славяноведения за 50 лет его существования, библиографические указатели трудов В.Д. Королюка, В.А. Дьякова). Особое место в его творчестве занимает кропотливая работа над содержательными комментариями и алфавитным аннотированным указателем к объемной публикации воспоминаний С.Б. Бернштейна “Зигзаги памяти” (М., 2002, совместно с М.Ю. Досталь и др.). В 1980–1990-е годы продолжают выходить интересные работы ее Горяинова по истории славяноведения в XX в., в которых он открывает неизученные аспекты исследования: об интерпретации “славянской идеи” в СССР в 1920–1930-е годы, о репрессиях, которым подвергся цвет отечественной славистики в годы сталинизма, о крупных ученых-славистах Д.Н. Егорове, С.А. Никитине, В.И. Пичете, В.И. Срезневском. На базе этих публикаций А.Н. Горяинов готовит к печати книгу “В России и зарубежье: о славистах и славяноведении первой трети XX века”.

С середины 1990-х годов он изучает также проблемы истории культуры и науки российской эмиграции “первой волны” в Болгарии и Чехословакии, публикует документальные материалы по этой тематике. В этой области ему принадлежит много интересных архивных находок. В частности, подготовлена к печати (совместно с чешским ученым М. Бубениковой) солидная публикация переписки А. Бема и В.И. Срезневского, снабженная вводной статьей и обширными комментариями.

А.Н. Горяинов – скромный, добросовестный труженик науки, добросердечный человек, надежный соавтор. Он пользуется большим авторитетом среди коллег, особенно в области библиографии. Его исследования отличает тщательность обработки, опора на новые оригинальные архивные и печатные источники, чутье на новые темы исследования в области историографии. Своими трудами он внес неоспоримый вклад в изучение отечественной славистики межвоенного периода, в том числе и русского зарубежья.

Желаем юбиляру крепкого здоровья и новых творческих успехов на трудной ниве истории отечественного славяноведения.

© 2004 г. *М.Ю. Досталь*



Памяти Тамары Федоровны Федосовой (1924–2004)

Совсем недавно, в феврале этого года, мы поздравляли Тамару Федоровну с 80-летием. И никто из нас не мог себе представить, что в мае ее уже не станет. Она умерла внезапно, в день, когда после перенесенного инсульта возвращалась из больницы домой. Успела порадоваться хорошей погоде, солнышку – и вдруг тромб, мгновенно все было кончено.

Жизнь Тамары Федоровны сложилась не просто, как и у всего поколения людей, на судьбы которых наложила свой отпечаток война. Родилась она в Ленинграде, в страшные блокадные дни помогала эвакуировать из города детей, работала в госпитале. После войны поступила на исторический факультет Московского государственного университета. Там познакомилась и вышла замуж за студента-фронтовика Ивана Антоновича Федосова. Родились две дочери, семья отнимала много времени и сил. Учеба в университете шла с перерывами и продолжалась целых десять лет. Надо было проявить настойчивость и упорство, и этими чертами характера Тамара Федоровна обладала. Она была очень мужественным человеком, никогда не жаловалась на свои жизненные сложности, приходила на работу оживленная, в хорошем настроении, с улыбкой. В нашем секторе она воплощала истинную “польскость”, недаром у нее были польские корни. И вообще в жизни, когда ей было особенно тяжело, она нередко переходила на польский язык.

В Институте славяноведения Т.Ф. Федосова проработала с 1958 по 1990 г., занимаясь проблемами польского национально-освободительного движения. Она входила в число основных составителей многотомного издания “Восстание 1863 года”, которое подготавливалось совместно с польскими историками. За эту работу польское правительство наградило Т.Ф. Федосову серебряным крестом Ордена Заслуги. В 1967 г. она защитила кандидатскую диссертацию “Польские революционные организации в Москве и русско-польские революционные связи в 1855–1866 гг.”, немного позднее опубликовала свою монографию “Польские революционные организации в Москве. 60-е годы XIX в.”, принимала участие в коллективных трудах (“Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917”, “Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVIII – 60-е годы XIX в.” и др.). Написала много статей и опубликовала немало ценных архивных документов.

Уйдя на пенсию, Тамара Федоровна не утратила интереса к научным исследованиям и не переставала интересоваться всем, что происходит в Институте. И уход из жизни, обрыв той ниточки, которая связывала ее с нами, мы будем долго и со щемящей грустью ощущать в наших сердцах.

*Сотрудники отдела истории славянских народов
Центральной Европы в Новое время*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Vinogradov V.N.</i> (Moscow). Southern Slavs: from a Status of Turk Raya Towards the State Re-birth	3
<i>Zhukovskaya N.V.</i> (Voronezh). Balkans in the USA Foreign Policy in the First Quarter of XX century	14
<i>Tchourkina I.V.</i> (Moscow). Davorin Chostnik – a Linguist, Journalist and Pedagogue	29
<i>Kosyik V.I.</i> (Moscow). Individuals Without Nationality: Muslims in Bosnia and Herzegovina. 1919–1944-ies	49
<i>Isaeva O.N.</i> (Saratov). Some Problems of Macedonic Studies	66

COMMUNICATIONS

<i>Butuzov A.G.</i> (Moscow). About a Geography of Russians in Balkans in XX Century.....	77
<i>Belova O.V., Petroukhin V.Ya.</i> (Moscow). New Publications on Slavic Paganism and Mythology: an Survey.....	85

PUBLICATIONS

<i>Freidson V.I.</i> (Moscow). L. Berezin. Journey to Croatia and the War Boundary (1863).....	93
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Nenasheva Z.S.</i> Slavic Peoples of the South-Eastern Europe and Russia in XVIII Centuries.....	104
<i>Kalinin A.Yu.</i> S. Botica. Andrija Kačić Miošić	110
<i>Yakushkina E.I.</i> А.А. Плотникова. Этнолингвистическая география южной Славии.....	113

SCHOLARLY LIFE

<i>Tchourkina I.V.</i> Davorin Chostnik Between Slovenia and Russia (The Russian-Slovenian Symposium).....	117
In the Dissertation Council of the Institute for Slavic Studies	120
The Foundation for Prizes in Memoriam of Moscow and Kolomna Metropolitan Makary (Bulgakov). The Conditions of Competition	121

ANNIVERSARIES

Towards the Anniversary of Yury Stepanovich Novopashin	123
Towards the Anniversary of Andrey Nikolaevich Goryainov.....	124

OBITUARIE

In Memoriam of Tamara Fedorovna Fedosova (1924–2004)	126
--	-----

Сдано в набор 01.06.2004 Подписано в печать 20.07.2004 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 5,9 тыс. Уч.изд.л. 12,1 Бум.л. 4.0
Тираж 553 экз. Зак. 8585

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6


E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

ПОДПИСКА-2005
ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

1 ТОМ Российские и зарубежные газеты и журналы

2 ТОМ Книги и учебники



1 ТОМ ПРЕС
РОС
ИЗ
ГАЗ
И Ж

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе “АРСМИ”